

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт социального образования

Е. А. Нахимова

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ
ИМЕНА
В МАССОВОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Монография

Екатеринбург 2007

УДК 482-093.5 (021)
ББК Ш141.2-7
Н34

Рецензенты:

д-р филол. наук, профессор *Н. Б. Руженцева*

(ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»)

канд. филол. наук, доцент *Э. В. Будаев*

(ГОУ ВПО «Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия»)

Нахимова Е. А.

Н34

Прецедентные имена в массовой коммуникации
[Текст] : монография / Е. А. Нахимова ; ГОУ ВПО «Урал.
гос. пед. ун-т» ; Ин-т социального образования. — Ека-
теринбург, 2007. — 207 с.

ISBN 5-7186-0238-X

В монографии рассматриваются прецедентные концепты и репрезентирующие их широко известные имена собственные, которые используются в тексте не для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), а в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб. В самых различных лингвокультурных сообществах имена *Дон Жуан* и *Ловелас* уже много веков выступают как знак чрезмерного женолюбия, *Вольтер* — как символ свободомыслия, *Дон Кихот* — как символ бескорыстной борьбы за справедливость. Для русского национального сознания многое значат прецедентные имена *Суворов*, *Бородино*, *Обломов*, *Чапаяев*, *Сталинград*, *Чернобыль*. В последние годы количество прецедентных концептов, используемых в средствах массовой коммуникации, стремительно расширяется, растет и частотность их использования, что связано, в частности, с особенностями постмодернистской парадигмы, так характерной для современной коммуникативной ситуации.

Монография адресована студентам и аспирантам, специализирующимся в области связей с общественностью, политологии, лингвистики и межкультурной коммуникации, социологии, рекламной деятельности, журналистики, государственного и муниципального управления, а также всем, кто интересуется русским языком, методами и приемами речевого воздействия в современной массовой коммуникации.

УДК 482-093.5 (021)

ББК Ш141.2-7

ISBN 5-7186-0238-X

© ГОУ ВПО «Уральский государственный
педагогический университет», 2007

© Нахимова Е. А., 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ -----	4
ВВЕДЕНИЕ-----	8
ГЛАВА 1. ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ -----	15
1.1. Речевая организация массовой коммуникации -----	15
1.2. Дискуссии о статусе и семантике имени собственного -----	26
1.3. Аспекты исследования прецедентных имен -----	36
1.4. Прецедентные имена: метафорические и неметафорические значения -----	50
1.5. Контекстные критерии прецедентности имени -----	56
ГЛАВА 2. ТИПОЛОГИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН -----	73
2.1. Принципы классификации прецедентных имен -----	73
2.2. Прецедентное имя в общем континиуме прецедентности ----	79
2.3. Прецедентные онимы -----	82
2.4. Сферы-источники прецедентности -----	88
2.4.1. Фрейм «Приключения Буратино» как источник прецедентности -----	90
2.4.2. Концепт «Наполеон» как источник прецедентности --	94
2.5. Сферы-мишени прецедентности -----	113
2.5.1. Политика как сфера-мишень прецедентности -----	114
2.5.2. Президент как субсфера-мишень прецедентности ----	122
ГЛАВА 3. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ТЕКСТЕ, ДИСКУРСЕ И МЕНТАЛЬНО-ВЕРБАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ ЛИЧНОСТИ-----	134
3.1. Функции прецедентных имен в тексте и дискурсе -----	138
3.2. Акцентирование прецедентности в тексте -----	144
3.3. Развертывание прецедентных феноменов в тексте -----	154
3.4. Прецедентные феномены в ментально-вербальном лексиконе личности -----	172
Заключение -----	179
Список литературы -----	185
Список лексикографических источников -----	206

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современной массовой коммуникации последовательно обнаруживаются две, казалось бы, противоположные тенденции: первая — это стремление к максимальной свободе, к обнаружению творческой индивидуальности автора, а вторая — это активное использование уже зарекомендовавших себя способов выражения мысли, что позволяет хотя бы отчасти скрыть свою субъективность и соотнести свой текст с существующими традициями. В качестве одного из ярких проявлений названных тенденций можно рассматривать активное обращение к многообразным способам использования прецедентности.

Прецедентные имена — это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб. После основополагающей монографии Ю. Н. Караулова [1987] и под влиянием публикаций Ю. А. Сорокина и И. М. Михалевой [1989], Д. Б. Гудкова и В. В. Красных [Гудков, Красных, Захаренко, Багаева 1997; Гудков 2003; Красных 2002], Н. А. Кузьминой [Кузьмина 1999], Г. Г. Слышкина [Слышкин 2000, 2004]; Н. А. Фатеевой [Фатеева 2000] проблема прецедентности все чаще и чаще привлекает внимание отечественных специалистов [Балахонская 2002; Бирюкова 2005; Боярских 2006; Ворожцова, Зайцева 2006; Гришаева 2004; Гунько 2002; Евтюгина 1995; Илюшкина 2006; Косарев 2007; Кузьмина 2004; Кушнерук 2006; Нахимова 2004, 2005; Пикулева 2003; Рязанова 2007; Семенец 2001; Сметанина 2002; Смулаковская 2004; Спиридовский 2007; Терских 2003 и др.]. Прецедентные имена как единицы языка и речи выступают репрезентантами прецедентных концептов — менталь-

но-вербальных единиц, которые используются для представления, категоризации, концептуализации и оценки действительности при построении картины мира и ее фрагментов.

Внимание лингвистов к рассматриваемому явлению в полной мере соответствует его роли в современной массовой коммуникации. Прецедентные имена — это важная часть арсенала средств интертекстуальности, столь важного для коммуникации эпохи постмодернизма и в то же время имеющего богатые традиции. В самых различных лингвокультурных сообществах имена *Дон-Жуан* и *Ловелас* уже много веков выступают как знак чрезмерного женолюбия, *Вольтер* — как символ свободомыслия, *Дон Кихот* — как символ бескорыстной борьбы за справедливость. Вместе с тем значительное место в российской массовой коммуникации играют национальные концепты (*Александр Невский*, *Иван Сусанин*, *Хлестаков*, *Троцкий*, *Чапаев* и др.), которые отражают национальную действительность, национальный характер и национальную ментальность русского народа. Прецедентные имена — это важная составляющая национальной картины мира, способствующая стереотипизации и оценке действительности в народном сознании, формированию и развитию национальной картины мира, приобщению к национальной культуре и национальным традициям в рамках глобальной цивилизации и с учетом общечеловеческих ценностей.

В нашей стране издавна величайшие национальные идеи образно представлялись афористическими высказываниями, своего рода формулами с использованием прецедентных феноменов. Возможно, первой по времени из подобных формул было определение Москвы как Третьего Рима.

В последние годы количество прецедентных имен, используемых в средствах массовой коммуникации, стремительно расширяется, растет и частотность их использования, что связано, в частности, с особенностями постмодернистской парадигмы, так характерной для современной коммуникативной ситуации [Бирюкова

2005; Ворожцова 2007; Гудков 2003; Илюшкина 2006; Кузьмина 2004; Кушнерук 2006; Красных 2002; Нахимова 2004, 2006; Слышкин 2004; Сметанина 2002; Спиридовский 2007 и др.]. Отметим также существенные количественные и качественные изменения в арсенале прецедентных феноменов, произошедшие в связи с кардинальными преобразованиями экономической, социальной и духовной жизни России на рубеже тысячелетий. Названные тенденции активно обсуждаются специалистами различных областей знания — социологии, политологии, лингвистики и межкультурной коммуникации, рекламоведения, журналистики, а также всеми, кто интересуется русским языком и закономерностями его функционирования и развития.

Настоящее исследование относится к когнитивно-дискурсивному направлению в филологических исследованиях (Е. С. Кубрякова, Л. Г. Бабенко, Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, А. П. Чудинов и др.), которое тесно связано с лингвокультурологическим направлением в лингвистике (Н. Д. Бурвикова, В. И. Карасик, В. Г. Костомаров, И. А. Стернин, В. Н. Телия, А. Д. Шмелев и др.). Вместе с тем автор стремился к расширению арсенала методов и приемов исследования, к использованию приемов и эвристик, характерных для различных областей гуманитарного знания и ранее мало применявшихся при изучении прецедентных имен и — шире — прецедентности в целом.

Материалы настоящего исследования неоднократно обсуждались на научных конференциях и семинарах (Екатеринбург, Москва, Пермь, Санкт-Петербург, Тюмень, Челябинск и др.) и в личных беседах со специалистами по лингвистике и массовой коммуникации, что сыграло важную роль в разработке концепции настоящего исследования и уточнении ряда положений и выводов, представленных в данной книге.

Приятно выразить благодарность за ценные советы и замечания рецензентам монографии — доктору филологических наук, профессору Наталье Борисовне Руженцевой и кандидату фи-

лологических наук, доценту Эдуарду Владимировичу Будаеву, а также коллегам по работе в Уральском государственном педагогическом университете и Уральском юридическом институте МВД РФ.

При проведении исследования была поставлена задача апробации выдвигаемых положений на максимально широком речевом материале, собрать который с использованием традиционным методик было бы крайне сложно. В связи с этим необходимо высказать слова признательности создателям «Национального корпуса русского языка» и сайтов крупнейших общенациональных российских газет: именно соответствующие материалы, извлеченные из Интернета, позволили существенно расширить нашу картотеку, что в конечном итоге способствовало обнаружению важных статистических закономерностей.

В настоящей монографии часто цитируются политические тексты, имеющие острую критическую направленность. Следует подчеркнуть, что подобное цитирование вовсе не означает солидарности с политической позицией соответствующих авторов, а лишь призвано полнее показать специфику использования прецедентных феноменов в современной массовой коммуникации.

ВВЕДЕНИЕ

В лингвистике существует несколько проблем и категорий, обращение к которым воспринимается как едва ли не обязательное для каждого нового научного направления, претендующего на широкое признание. К числу подобных феноменов относится имя собственное в его противопоставлении имени нарицательному и в его многообразных коммуникативных модификациях, результатом которых может быть превращение в прецедентное имя, сохраняющее многие признаки имени собственного и вместе с тем в той или иной степени приближающееся к имени нарицательному.

Использование имени собственного в специфических коммуникативных смыслах издавна привлекало внимание исследователей, но подходы к познанию этого феномена и даже само его обозначение в рамках различных научных парадигм существенно различаются. Существуют различные направления в исследовании прецедентных феноменов — грамматическое, структурно-семантическое, стилистическое, риторическое, психолингвистическое, социолингвистическое, ономастическое, лингвокультурологическое, когнитивно-дискурсивное и др.

В зависимости от принадлежности исследователя к тому или иному научному направлению в исследовании прецедентности для обозначения подобного словоупотребления используются различные термины:

- интертекстема (интертекст, проявление интертекстуальности);
- прецедентный феномен (прецедентное имя, прецедентный культурный знак);
- историческая (социальная, политическая) или литературная (театральная) метафора;
- текстовая реминисценция;

- логозпистема;
- элемент вертикального контекста;
- антономазия и аллюзия как разновидности риторических тропов и фигур;
- имя собственное, использованное в значении имени нарицательного (перешедшее в имя нарицательное).

Разумеется, названные термины не вполне совпадают (хотя и пересекаются) по содержанию, поскольку отражают разные взгляды на принадлежности соответствующих феноменов к ментальной, языковой, культурной или понятийной сферам, на отношения между этими сферами и на границы соответствующего объединения. Значительно важнее тот факт, что каждый из этих терминов используется в своей научной парадигме и отражает характерную для этой парадигмы систему взглядов на взаимосвязи рассматриваемых имен, на взаимоотношения этих имен с текстом и их функции в тексте и дискурсе, на интенции автора и прагматическое воздействие соответствующего имени на адресата. Единственное, в чем соглашаются представители различных научных направлений, так это в том, что рассматриваемое явление имеет давние традиции, но особенно характерно для современной массовой коммуникации.

На рубеже XX и XXI вв. в лингвистике произошла научная революция, возникла новая научная парадигма, то есть новая «модель постановки проблем и их решений» [Т. Кун 1962 ; русский перевод — 1977: 11]. На смену структурализму пришли новые научные направления, объединяемые в антропоцентрическую парадигму. Эта парадигма и соответствующая ей методология не отвергает достижения прошлых времен, но она ставит под сомнения незыблемость некоторых традиционных аксиом и выдвигает новые принципы и цели исследования. В рамках новой парадигмы изменяются представления об актуальности решения тех или иных проблем и об оптимальных подходах к их изучению.

Методика исследования места прецедентных имен в общественном сознании по существу не разработана. Разумеется, су-

ществуют экспертные оценки («Пушкин — это наше все», «Маяковский — лучший советский поэт», «В Великобритании особенно любят Чехова»), однако подобные высказывания нередко страдают субъективизмом, поскольку не основаны на достаточно объемном статистическом материале.

Другой известный способ решения поставленной задачи — анкетирование с использованием психолингвистических методик. Например, по недавним данным британской социологической компании MORI (журнал *Власть* № 25 (528) от 30.06.2003) в Великобритании наиболее известны следующие наши соотечественники: Иосиф Сталин (известен 32% британцев), Михаил Горбачев (29%), Владимир Ленин (25%), Владимир Путин (15%), Юрий Гагарин (9%), Лев Толстой и Борис Ельцин (7%), Григорий Распутин (6%), Леонид Брежнев (5%), Рудольф Нуриев (5%), Петр Великий (4%), Екатерина Великая (3%), Федор Достоевский (3%), Лев Троцкий (3%), Анна Курникова (2%). Соответственно российские респонденты называют следующих знаменитых британцев: Маргарет Тэтчер, королева Елизавета II, Уинстон Черчилль, принцесса Диана, группа «Битлз», Тони Блэр, принц Чарльз, Уильям Шекспир. Следует отметить, что указанные данные нуждаются в существенном расширении и уточнении, что трудно сделать с использованием только традиционных методик.

В нашем исследовании предполагается иной путь изучения прецедентных имен: комплексное многоаспектное исследование материалов массовой коммуникации (пресса, Интернет, реклама) с использованием методик корпусной лингвистики, когнитивистики и дискурсивного анализа.

Необходимо учитывать, что степень известности выдающегося человека в России и в других странах может существенно различаться. Известность человека в Европе или Америке не обязательно предполагает популярность в России, а признание на родине не означает аналогичного признания за рубежом. На-

пример, едва ли имеет смысл упоминать во Франции о лесковском Левше. Различна и эмоциональная оценка наших соотечественников в разных регионах мира.

Важно различать признание у специалистов, у интеллектуальной элиты и известность, которая обнаруживается при изучении массового сознания. Существующие до настоящего времени сведения об известности наших соотечественников за рубежом основываются преимущественно на экспертных оценках специалистов, но совершенно отсутствуют сведения, относящиеся к массовому сознанию.

Основная цель настоящего исследования — это рассмотрение проблем смыслового варьирования имени собственного и его функционирования в тексте и дискурсе с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии — научных направлений, в равной степени относящихся к современной антропоцентрической парадигме.

Когнитивная лингвистика, по определению В. З. Демьянкова и Е. С. Кубряковой, изучает язык как когнитивный механизм, предназначенный для кодирования и трансформирования информации [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 53—55]. По характеристике Н. Н. Болдырева, когнитивная лингвистика — это «одно из самых современных и перспективных направлений лингвистических исследований, которое изучает язык в его взаимодействии с различными мыслительными структурами и процессами: вниманием, восприятием, памятью...» [Болдырев 1998: 3]. Представляется, что развитие прецедентной семантики у имен собственных — это важная часть процесса категоризации, концептуализации и оценки действительности в рамках национальной картины мира.

Можно предположить, что арсенал прецедентных феноменов — это наиболее значительное проявление национального своеобразия языка и наиболее полное проявление взаимосвязи условий существования народа, его культуры, его языка и его ментальности.

Лингвокультурология — это область лингвистики, возникшая на пересечении лингвистики и культурологии и занимающаяся исследованием проявлений культуры народа в его языке, а также проявлений языка в национальной культуре. Как подчеркивает В. Н. Телия, «лингвокультурология ориентирована на человеческий, а точнее — на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке. А это значит, что лингвокультурология — достояние собственно антропологической парадигмы науки о человеке, центром притяжения которой является феномен культуры» [Телия 1996: 222]. Прецедентные имена — это важнейшая часть национальной культуры в ее историческом развитии, тесно связанная с национальными ценностями и традициями. Система прецедентных феноменов — это один из инструментов трансляции «культурной памяти» народа от одного поколения к другому и одновременно способ объединения народа вокруг его культурных ценностей и нравственных идеалов. Прецедентные феномены часто выступают как нравственные эталоны нации, фиксирующие ее оценку реальности.

При подборе материалов для исследования в настоящей монографии активно применялись методики корпусной лингвистики. Во многих случаях использовались также эвристики, созданные в рамках психолингвистики, социолингвистики и иных научных школ.

Изучение специальной литературы показывает, что большинство существующих исследований прецедентности и — шире — интертекстуальности выполнено на материале художественной литературы [Евтюгина 1995; Кузнецова 2001; Кузьмина 1999; Разумова 2002; Саксонова 2001; Снигирев 2002; Фатеева 2000 и др.] с учетом ее взаимосвязи с иными видами искусств [Ворошилова 2006; Иванова 2001 и др.]. Вместе с тем все чаще встречаются публикации, посвященные исследованию прецедентности в политическом [Ворожцова 2007; Нахимова 2003; Немирова 2003; Спиридовский 2006], научном [Михайлова

1999], публицистическом [Клушина 2002; Смулаковская 2004], рекламном [Крюкова 2004; Кушнерук 2006; Пикулева 2003; Рязанова 2007; Терских 2003], педагогическом [Бирюкова 2005; Ви 2006] и бытовом [Гунько 2002; Сергеева 2003; Слышкин 2004] дискурсе. Представляемое исследование посвящено изучению прецедентных имен, функционирующих в дискурсе массовой коммуникации, который особенно активно развивается и обновляется в последние годы.

Экспансия прецедентности, столь характерная для современной массовой коммуникации, рассматривается в настоящей монографии с различных позиций и в различных аспектах, что соответствует современным тенденциям к комплексности и мультидисциплинарности исследования. Композиционно основная часть монографии состоит из введения, трех глав и заключения, что отражает логику развертывания научного исследования.

Первая глава исследования представляет собой своего рода теоретическое обоснование для конкретного описания прецедентных имен и концептов в последующих разделах исследования.

Во второй главе обсуждается вопрос о месте прецедентных имен в ряду других прецедентных феноменов, дается характеристика прецедентных имен, связанных с различными видами онимов (антропонимы, топонимы, астронимы, наименования событий, учреждений, кампаний и др.), охарактеризованы принципы классификации прецедентных имен, а также дается описание рубрикации указанных имен по сферам-источникам и сферам-мишеням прецедентности.

Основная проблема третьей главы — прецедентные имена в тексте и дискурсе. Глава открывается параграфом, посвященным рассмотрению функций прецедентных феноменов, далее следуют разделы, ориентированные на изучение способов акцентирования прецедентных имен в конкретном тексте и на рас-

смотрение закономерностей развертывания в тексте поля прецедентных феноменов, объединенных сферой-источником. Заключительный раздел главы посвящен исследованию способности отдельных читателей правильно понимать тексты, в которых активно используются прецедентные феномены.

ГЛАВА

1

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В настоящей главе рассматриваются теоретические основы исследования прецедентных феноменов в современной массовой коммуникации, что позволит теоретически обосновать конкретный анализ языкового материала в последующих разделах книги. Поставленная цель определяет композицию главы, которая открывается разделом, представляющим специфику массовой коммуникации. Далее представлен обзор научной литературы по проблемам семантики и функционирования имени собственного, выделяются ведущие аспекты исследования прецедентных имен в рамках различных научных школ и направлений, разграничиваются метафорические и неметафорические варианты использования прецедентных имен, а также определяются критерии, указывающие на прецедентный или стандартный характер использования соответствующего имени в тексте.

1.1. Речевая организация массовой коммуникации

Термины «массовая коммуникация» и «массовая информация» нередко воспринимаются как близкие и даже синонимичные, но на данном этапе развития науки превалирует иная точка зрения. Массовая коммуникация — это понятие более широкое, чем массовая информация. Если понимать информацию как передачу сообщения адресату (по существу монолог), а коммуникацию — как взаимное общение, носящее характер диалога, то различия оказываются весьма существенными. Массовая коммуникация на расстоянии — это по существу важнейшее достижение современного общества, поскольку на предыдущих эта-

пах его развития на расстоянии возможна была только массовая информация. Массовая коммуникация тогда была возможна только в ситуации прямого общения (например, на митинге или собрании). Сейчас вполне возможна массовая коммуникация на расстоянии с использованием сети Интернета и других достижений современной техники.

При выявлении соотношения между массовой информацией и массовой коммуникацией очень важной оказывается техническая составляющая процесса передачи информации, а значит, важны и этапы развития технической базы общения. Традиционные для нашего общества технические средства позволяют организовать на расстоянии только массовую информацию, они по существу не предназначены для диалога. К числу таких средств массовой информации относятся пресса, радио, телевидение, массовые справочники, кино-, звуко-, видеозаписи и т. п. Конечно, газеты и другие СМИ стремятся к обратной связи со своей аудиторией, но эта связь осуществляется уже по совершенно иным каналам (письма, читательские конференции и др.).

Традиционно весь корпус средств массовой информации принято делить на виды по каналу восприятия информации: визуальные (периодическая печать), аудиальные (радио), аудиовизуальные (телевидение, документальное кино), однако количество технических средств, отнесенных к тому или иному каналу, в исследованиях различных авторов не совсем совпадает. Всем этим средствам присущи объединяющие их качества — обращенность к массовой аудитории, доступность множеству людей, корпоративный характер производства и распространения информации.

Развитие массовой информации и ее трансформация в массовую коммуникацию непосредственно связаны с эволюцией человечества: каждая новая историческая эпоха наступает параллельно с возникновением новых форм обращения к массовой аудитории. Чем дальше прогрессирует общество, тем быстрее

развивается коммуникация. Современный этап развития человечества отличается от предшествующих этапов интенсификацией межличностного и межсоциального общения в национальном или интернациональном пространстве. Самый главный признак этого этапа — это стремительное развитие массовой коммуникации, то есть возможностей для диалогического общения на расстоянии с использованием современных технических средств.

Массовая коммуникация, которая находится в зоне нашего внимания, — это высшая степень проявления социальных взаимосвязей. С древних времен средства массового общения постоянно трансформировались по форме и содержанию, изменялись их функции и социальная роль, появлялись новые виды и подвиды, увеличивалось число представителей отдельных видов.

В древности все способы передачи новостей были контактными: к ним относится и оглашение указа правителя на базарной площади, и проповедь священнослужителя в церкви, и — в несколько меньшей степени — распространение слухов. Возможность тиражирования и передачи на расстоянии письменных источников, а следовательно, и новостей, появилась в XV в. после изобретения печатного станка. Так возникла «галактика Гуттенберга» — эпоха, важной чертой которой стала ведущая роль печатных средств массовой коммуникации.

Новый этап наступил с появлением в XIX в. телеграфа (П. Л. Шиллинг, Т. Эдисон) и телефона (А. Г. Белл). Эти технические средства существенно повысили скорость, количество и качество передаваемой информации. В XX в. информационную эстафету подхватили радио и телевидение.

Современный этап развития массовой коммуникации связан с распространением технологий электронной почты и Интернета. Глобальные сетевые электронные ресурсы создают возможность мгновенной передачи сообщения и получения информации. В результате планета Земля, по образному выражению

М. Маклюэна, превращается в «глобальную информационную деревню», то есть скорость передачи информации в противоположное полушарие Земли по существу не отличается от скорости ее передачи в другой конец деревни. Благодаря современным технологиям передачи и получения информации, человечество все более ощущает себя единым.

Как считает Я. Н. Засурский, «отечественные СМИ сегодня — это больше, чем отдельные имена, конкретные названия газет или каналов. Это развивающийся мир со своими тенденциями, достижениями и провалами, «приводными ремнями» и «подводными течениями». Российские медиа интересны не только содержанием, тиражами, но и формирующимся разнообразием мнений» [Засурский 2002: 11]. По мнению Т. Г. Доброклонской, «средства массовой информации не просто отображают окружающую действительность, объективно фиксируя происходящие вокруг события. Большинство современных ученых, как российских, так и зарубежных, считают, что СМИ прямо или опосредованно, в открытой или скрытой форме влияют на все социально-политические процессы в обществе» [Доброклонская 2000: 20]. Многие специалисты считают, что определение средств массовой коммуникации как «четвертой власти», не менее влиятельной, чем судебная исполнительная и представительная ветви власти, — это уже констатация факта, а не просто красивый образ. Сказанное, разумеется, не означает отрицания специфики каждой из названных ветвей власти, в том числе и особенностей власти СМИ.

Среди наиболее существенных свойств современной массовой коммуникации необходимо отметить интертекстуальность, образность, установку на языковую игру и эмоциональное воздействие на адресата. Прецедентные феномены непосредственно связаны с каждым из названных свойств, но особенно тесно они пересекаются с интертекстуальностью и образностью. Следует учитывать тот факт, что образность в современных средст-

вах массовой коммуникации существенно отличается от образности, присущей иным сферам коммуникации. Как отмечает Г. Я. Солганик, «Каждый функциональный стиль существенно меняет качество метафоры. Поэтому можно говорить не только о художественной метафоре, но и о политической метафоре, научной, газетно-публицистической» [Солганик 2002: 32]. Специфику такой метафоры известный стилист видит в источниках метафоризации, в механизме и сущности (направлении) трансформации семантики лексической единицы, в характере функционирования и в стилистическом облике, качестве метафоры. Ведущими сферами-источниками метафоризации в СМИ остаются «Война», «Театр» и «Спорт». Это объясняется тем, что «актуальность тематических сфер, таких, как война, спорт, находящихся в фокусе массовых интересов, определяет и значимость созданных на этом материале метафор, придает им соответствующий вес» [Солганик 2002: 33; см. также Чудинов 2001]. Показательно, что названные сферы источники метафоричности весьма значимы и как источники прецедентности.

Как отмечает Г. Я. Солганик, к числу важных особенностей источников метафоризации в современных СМИ является следующее:

- 1) их буднично-деловой характер — материал, источник метафор должен соответствовать стилистическому облику публицистической речи;
- 2) наличие общей идеи, присущей потенциально каждой из тематических сфер и заимствуемой газетно-публицистическим стилем, в результате чего у метафоризируемых лексических единиц формируется соответствующая коннотация. Например, с военной лексикой связана идея наступательности, энергичных действий, эмоциональности, усилительности: *атака на разгильдяйство, идеологический десант*;
- 3) для газетно-публицистических источников метафоризации важную роль играет не только отдельное слово,

но и принадлежность его к определенной тематической серии, обладающей общей мотивацией, идеей переноса, которая конкретизируется, дифференцируется в отдельных словах этой серии, внося в них оттенки общей серийной метафорической идеи (*политический театр — театр, комедия, фарс, клоунада и т. п.*);

- 4) интернациональный характер анализируемого явления свидетельствует о важнейшей роли тематических сфер лексики в производстве газетно-публицистических метафор, о первичности источника метафоризации.

Для выражения прагматических смыслов важнейшую, если не определяющую роль играет источник метафоризации, тематическая сфера. Сама принадлежность слов к этой сфере (осмысление соответствующих реалий независимо от их языковой принадлежности) содержит потенциальную направленность метафоризации, определяет ее характер — выделение тех или иных модально-смысловых качеств, реализация которых совершается в конкретных метафорах.

Многие выделенные автором особенности в полной мере относятся и к прецедентным феноменам, используемым в современной массовой коммуникации.

Далее Г. Я. Солганик подчеркивает ведущую роль оценки, выражения отношения к предмету. Каждая из тематических сфер, выражая общую, присущую ей идею, сему, позволяет передать социальную оценку — главное, к чему стремится язык публицистики. Исследователь считает, что назначение, цель публицистической метафоризации не столько украшение, индивидуализация, наглядность речи, сколько углубление, заострение мысли. Он пишет о том, что для газетно-публицистической метафоры характерна ясная и четкая мотивация — автор стремится подчеркнуть, заострить мысль, тезис, положение — и апелляция в первую очередь к рассудку и лишь затем — к воображению [Солганик 2002: 40]. Исследователь делает важный

вывод о том, что публицистика, как словесная среда, в которой рождается и функционирует метафора, как установка на характер использования языковых средств изменяет качество метафоры, ведет к появлению у нее признаков, которые позволяют говорить об особом, газетно-публицистическом типе метафор.

Н. Ф. Крюкова в монографии «Метафорика и смысловая организация текста» [Крюкова 2000] отмечает, что «метафорический концепт в газете позволяет эксплуатировать смысл, вырабатанный обыденным сознанием. Можно сказать, что публицистика не выстраивает особой модели восприятия действительности, но опирается на житейскую живую картину мира, разрабатывая более глубоко отдельные ее участки. ... Именно политическая метафора обладает значительной семантической определенностью, что связано главным образом со спецификой газетных материалов, рассчитанных на быстрое понимание, а не на разгадывание» [Крюкова 2000: 130]. Автор делает акцент на том, что метафора в газете экстенсивна. Она не изменяет общий смысл и развивается в количественном отношении, вовлекая в сферу метафорического переосмысления новые языковые единицы, выполняя при этом функцию риторического приема и ориентируясь, прежде всего на воздействие. Исследователь развивает мысль об актуальности метафор в политической речи, «...здесь важен не столько объяснительный потенциал метафоры, сколько ее эмоциональное влияние» [Крюкова 2000: 128]. Н. Ф. Крюкова подразделяет концептуальные метафоры на объяснительные и составляющие. Первые из них «используются для того, чтобы облегчить неспециалистам понимание сложных научных политических и общественных вопросов», тогда как «составляющие метафоры являются неотъемлемой частью теоретизирования в целом» [Крюкова 2000: 130]. По мнению Н. Ф. Крюковой, целью объяснительной функции метафор в политике становится манипуляция, что предполагает выбор метафорических средств в плане эмоционального воздействия. Состав-

ляющие метафоры, осознанно создаваемые и используемые политиками-пропагандистами, влияют на популярное политическое мышление.

Когнитивные закономерности метафорического моделирования действительности в современном политическом дискурсе России подробно рассмотрены в монографии А. П. Чудинова «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000)». Автор подчеркивает, что «метафоричность — один из важнейших признаков современной агитационно-политической речи» [Чудинов 2001: 7]. В монографии представлены четыре основных разряда русской политической метафоры: антропоморфная, метафора природы, социальная метафора и артефактная метафора. В каждом из разрядов рассматривается несколько наиболее типичных моделей. Автор подчеркивает важность мысли о том, что в основе каждой понятийной сферы лежит концептуализация человеком себя и мира в процессе когнитивной деятельности.

Следует согласиться с тем, что одним из основных специфических свойств метафор в газетной публицистике являются функции, которые они выполняют. Видимо, различия между ведущими стилистическими регистрами в значительной степени связаны и со спецификой использования метафор. Так, И. М. Кобозева, рассматривая политический дискурс, обращает внимание на характерные только для него функции метафоры (не свойственные ни для поэтического, ни для научного дискурса). Исследователь пишет: «Благодаря своей фигуральности, небуквальности метафора выполняет прагматическую интерактивную функцию сглаживания наиболее опасных политических высказываний, затрагивающих спорные политические проблемы, минимизируя ответственность говорящего за возможную буквальную интерпретацию его слов адресатом. И, наконец, поскольку метафора в политическом дискурсе (в отличие от поэтического) всегда апеллирует к фонду общих знаний, она тем

самым создает у партнеров по коммуникации общую платформу, опираясь на которую субъект речи может более успешно вносить в сознание адресата необщепринятые мнения» [Кобозева www.philol.msu.ru]. Можно заранее предположить, что и функции прецедентных феноменов, используемых в массовой коммуникации, будут тесно связаны с особенностями именно этого дискурса.

Еще одним важным отличием метафор в средствах массовой коммуникации является оценочность. Так, Н. И. Клушина в работе «Языковые механизмы формирования оценки в СМИ» аргументирует роль оценочности следующим образом: «оценочность как основной стилеобразующий фактор публицистических материалов начинает играть свою роль уже на самой ранней стадии создания текста. Оценочность проявляется в отборе и классификации фактов и явлений действительности, в их описании под определенным углом зрения в отношении негативных и позитивных деталей, в специфических лингвистических средствах. Именно такую информацию и потребляет читатель» [Клушина www.gramota.ru]. Автор выделяет два вида оценки: эксплицитную и имплицитную, к которой относится метафора. «Оценочные метафоры в публицистике призваны организовать общественное мнение, создать у адресата нужный адресанту яркий зримый образ, суггестивно влияющий на восприятие информации под заданным углом зрения» [Клушина www.gramota.ru]. С точки зрения Н. И. Клушиной, многие новейшие политические метафоры переориентированы и погружены в контекст современной действительности: «*предвыборная гонка* (ср. *гонка вооружения*), «*политическая пена*» (ср. «*бюрократическая пена*»), «*щупальца терроризма*» («*щупальца ФБР*») и т. п. Исследователь отмечает, что в роли метафор выступают ставшие оценочными исторические номинации, например «*смутное время*», «*серый кардинал*», которые характеризуют явление с отрицательной стороны, формируют его социальную

оценку, сближаясь по своей цели с политическим ярлыком. По мнению Н. И. Клушиной, важной мыслью является то, что «именно оценочная метафора часто становится обобщающим, ключевым словом, которое ложится в основу номинации и окрашивает окружающий его контекст. Таким образом, ключевое слово несет в себе мощный оценочный заряд, именно оно организует текст для выражения положительной или отрицательной оценки» [Клушина [www. gramota.ru](http://www.gramota.ru)].

Одним из способов оценки может служить использование прецедентных имен. В современных СМИ собственное имя часто используется как метафора. К примеру, оно становится ключевым словом в перифразе: *«Кафельников — это теннисный Гагарин»*. Исследователь выделяет две основные тенденции в использовании антропонимов в современном газетном языке: 1) экспрессивная игра со словом; 2) идеологическое использование антропонима, «когда он становится оценкой (часто противоречащей сложившемуся в обществе этическому канону), являясь грозным оружием в руках умелых журналистов» [Клушина 2002: 53]. Автор убежден, что «антропонимика в современной газете является мощным механизмом создания положительного или отрицательного политического портрета» [Там же: 55].

Разумеется, метафора, связанная с использованием имени собственного, присуща не только российской газетной публицистике, аналогичные факты отмечаются и при изучении зарубежных СМИ. Наиболее полный обзор закономерностей политической метафорики в зарубежных средствах массовой коммуникации представлен в книге Э. В. Будаева и А. П. Чудинова «Метафора в политическом интердискурсе» [Будаев, Чудинов 2006]. Авторы приходят к выводу о том, что в медийном варианте политического дискурса метафора даже более распространена, чем в его институциональном варианте. В этом же издании представлено описание исследований, посвященных идиостилиям различных политических лидеров, а также характеристика пуб-

ликаций, созданных в различных мегарегионах (Северная Америка, Европа, Азия, Южная Америка и др.).

Значительный материал по использованию образных средств представлен в книге А. Д. Васильева «Слово в российском телеэфире» [2000]. Автор отмечает, что «лексика как наиболее подвижный, динамичный уровень языковой системы реагирует на происходящие в обществе перемены весьма чутко и исторически быстро» [Васильев 2000: 46]. Раздел «От «новояза» к «постновоязу»» посвящен лингвистической характеристике основных черт русского языка советского и постсоветского времени. Автор характеризует взаимосвязь между изменениями словарного состава и феноменами внешнего и внутреннего мира человека, что позволяет ему выделить моделирующую и манипулирующую составляющие лексики: «слова и устойчивые словосочетания, отражающие и запечатлевающие многообразные явления в сознании людей, способны при определенных условиях воздействовать на носителей языка, выступая стимуляторами, которые вызывают довольно прогнозируемые реакции, т. е. моделируют мышление и поступки членов этносоциума — объекта языковых манипуляций» [Там же: 47].

А. Д. Васильев делает вывод о том, что «новые идеологические установки и социальные стереотипы внедряются под знаменем реформ, символами и орудиями которых выступают языковые новации. Психика телезрителей активно подвергается словесной обработке и при этом постоянно поддерживается в стрессовом состоянии реалиями повседневного бытия-выживания, что способствует успеху вербальных манипуляций и мифотворчества. Это, в свою очередь, позволяет моделировать поведение огромной телеаудитории» [Васильев 2000: 87]. Представляется, что прецедентные феномены активно используются в рамках всех названных исследователем процессов.

Широко известный российский лингвист А. П. Сковородников в статье «Рефлексы постмодернистской стилистики в языке

российских газет» (Русская речь. 2004. № 6) и ряде других публикаций проводит аналогии между главными стилеобразующими признаками постмодернистской художественной литературы и некоторыми характерными чертами стиля современных российских газет. Заметное место при этом уделяется приемам, связанным с прецедентностью — стилистической и жанровой гибридизации, прямому цитированию, реминисценциям, аллюзии. В результате сделан вывод о том, что стилистика современных газет обладает чертами литературного постмодернизма такими, как интертекстуальность, экспансия комического, эстетизация безобразного и. т. д. Вместе с тем отмечается, что в газетном дискурсе «стилистические особенности постмодернизма получают неполное, адаптированное отражение, что объясняется несовпадением экстралингвистических факторов, обуславливающих стилистику художественной литературы с доминирующей эстетической функцией и стилистику газеты, где информативная функция является определяющей» [Сковородников 2004: 76].

Заканчивая краткий обзор, следует отметить, что в нем была рассмотрена лишь часть материала, посвященного специфике современной массовой коммуникации и роли образных средств в организации ее текстов. В целом рассмотренный материал показывает, что применение образных средств в массовой коммуникации все более расширяется и обновляется, поскольку они способны передавать идеи автора в яркой форме, что способствует усилению воздействия на адресата. Особенности массовой коммуникации в значительной степени влияют на характер используемых в ней образных средств, в том числе и на использование прецедентных феноменов.

1.2. Дискуссии о статусе и семантике имени собственного

В современных гуманитарных науках (философия, логика, семиотика, лингвистика) продолжается интенсивная дискуссия о

природе, статусе и семантике имен собственных в их соотношении с нарицательными существительными (Н. Д. Арутюнова, В. И. Болотов, С. И. Гарагуля, Д. Б. Гудков, Д. И. Ермолович, М. Девитт, Г. Иванс, С. Крипке, Дж. Серл, А. В. Суперанская, Б. Эбботт и др.). В настоящем исследовании имена собственные понимаются как имена, которые даются индивидуальным (единичным) предметам. В ментально-вербальной базе человека такие имена воспринимаются как выделяющие предмет из круга ему подобных предметов (Н. Д. Арутюнова, В. И. Болотов, Д. И. Ермолович, А. В. Суперанская и др.). В русском языке имена собственные образуют особый лексико-грамматический разряд, и отличаются специфическими лексико-грамматическими свойствами.

Совокупность имен собственных не образует единого массива, а обладает признаками поля: в составе лексико-грамматического разряда имен собственных выделяется центр и периферия. Наиболее типичные носители имени собственного — это люди, животные, географические и астрономические объекты. Соответствующие имена образуют центральную зону (ядро) поля. Но это ядро также не вполне однородно: его центром являются слова, обозначающие людей. Такая организация поля имен собственных соответствует антропонимическому принципу существования языковой системы.

К периферии имен собственных относятся наименование объектов, созданных трудом человека. Это названия кораблей, учреждений, компаний, произведений литературы, искусства, науки и др. Еще в меньшей степени обладают признаками имен собственных названия сортов отдельных товаров или номера (названия?) трамвайных маршрутов. По-видимому, граница между именами собственными и именами нарицательными не является вполне отчетливой, существуют определенные с зоны переходности, но подобные периферийные явления не относятся к числу рассматриваемых в данном исследовании.

При выявлении специфики имени собственного по сравнению с именем нарицательным специалисты основываются на соотношении между словом, его референтом, соответствующим этому имени понятием и смыслом данного слова в высказывании.

Слово в данном случае — это звуковой образ, который отображается на письме при помощи букв. Например, слово «стул» состоит из четырех фонем (в школьном обозначении — из четырех звуков), которые отображаются на письме сочетанием четырех букв — СТУЛ.

Референт — это предмет, который обозначается данным словом. Например, слово «стул» обозначает предмет мебели, предназначенный сиденья, имеющий спинку (в отличие от табурета), не имеющий подлокотников (в отличие от кресла), предназначенный для одного (в отличие от скамьи). Этот стул можно потрогать, он может быть мягким или жестким, а также светлым или темным.

Денотат — это обобщенный образ предмета, который существует только в сознании, это своего рода обобщенное представление о свойствах самых различных стульев. Стул как денотат не может быть мягким или жестким, а также светлым или темным, совсем новым или очень старым.

Значение слова — это отношение его звукового облика к референту и денотату. В одних случаях в этом значении преобладает связь с денотатом, а в других — с референтом.

Лексическое значение слова в языке — это комплекс семантических признаков (сем), указывающих на наиболее существенные признаки денотата; среди этих признаков различаются смысловые (семантические) и эмоциональные компоненты. Многие специалисты включают в значение слова также эмоциональные, сочетаемостные и некоторые иные компоненты.

Смысл слова — это комплекс семантических и иных признаков, которые связываются с данным словом в сознании кон-

кретного человека или в сознании какой-то группы лиц. Например, смысл слова «море» существенно различается в сознании капитана рыболовецкого судна и шахтера, который любит проводить отпускные недели в Сочи. По-разному воспринимают смысл слова «кресло» чиновник, для которого «кресло» — это основное рабочее место, и шахтер, для которого «кресло» — это мебель для комфортного отдыха.

Смысл слова в речи (в высказывании, в тексте) — это комплекс семантических и иных признаков, которые связаны с рассматриваемым словом при его использовании именно в данном высказывании. Этот смысл может сближаться с денотатом (например, когда мы вспоминаем о разнообразии стульев в мебельном магазине), но может отражать и свойства референта (например, признаки конкретного стула, который стоит моем рабочем кабинете).

Важно разграничивать логический и лингвистические подходы к пониманию имени собственного и его значения. Как показывает Н. Д. Арутюнова, «логик под термином «значение» понимает отношение знака (символа, слова) к внеязыковому объекту (денотату, референту), лингвист же с этим термином ассоциирует понятийное содержание языковых выражения [Арутюнова 1982: 8]. Вместе с тем существуют лингвистические концепции, которые включают в значение отношение имени, с одной стороны, к понятию (денотату), а с другой — к референту (предмету, который обозначается данным именем). Специалисты по философии и логике, обращаясь к изучению имен собственных, значительное (а часто и основное) внимание обращают на тождество референта в суждениях с одним и тем же референтом, тогда как лингвисты активнее занимаются проблемами варьирования смысла соответствующих имен.

При рассмотрении сущности имени собственного к числу наиболее дискуссионных относится вопрос о том, в чем конкретно состоит отличие имени собственного от имени нарица-

тельного. Как показывает специальный обзор, сделанный Д. И. Еромолевичем (2005), чаще всего специалисты выделяют следующие специфические черты имени собственного.

1. Имя собственное обозначает единичный референт, тогда как имя нарицательное обозначает множественный референт. Например, имена собственные *Лондон*, *Европа*, *Россия*, *Лермонтов* соотносятся именно с единичным (индивидуальным) референтом. Следует, однако, иметь в виду существование омонимов (город *Москва* и река *Москва*, писатели *Л. Н. Толстой*, *А. Н. Толстой* и *А. К. Толстой*). В других случаях обнаруживается многозначность имени, одни из значений которого относятся к числу собственных, а другие — к числу нарицательных. Например, *Луна* как название небесного тела — это имя собственное, а *луна* как обозначение спутника той или иной планеты — это имя нарицательное. Соответственно *ловелас* как обозначение одного из множества женоугодников — это имя нарицательное, тогда как соответствующая фамилия — это имя собственное. Возможны и другие случаи соотношения имени собственного с множественным референтом, но они не изменяют общей закономерности.

2. Отсутствие у имени собственного лексического значения или (в других концепциях) особый характер лексического значения имени собственного.

Многие специалисты по логике, семиотике и ономастике (А. Гардинер, Е. Курилович, С. Ульманн и др.) солидарны с британским философом и логиком Дж. Миллем, который еще в начале прошлого века сделал вывод о том, что имя собственное не имеет лексического значения. Он писал: «Когда мы говорим о человеке, что это — Браун или Смит, или о городе, что это — Йорк, одним этим не сообщаем слушателю ничего об этих предметах. Давая возможность «узнать» эти единичные вещи, мы можем напомнить ему, что в данном городе находится кафедральный собор; это будет лишь выводом из того, что слуша-

тель раньше знал о Йорке — в самом имени нет ничего подобного» [Милль 1914: 31]. Автор подчеркивает, что информативность имени собственного связана не с наличием у него значения, а с тем, что читатель, возможно, имеет какой-то опыт знакомства с соответствующим референтом.

Следует согласиться, что имена собственные действительно не могут иметь такого значения, каким обладают имена нарицательные. Однако, как показал датский лингвист Х. Серенсен (1963), это вовсе не означает, что имена собственные не могут иметь значения вообще. Просто они имеют лексическое значение совершенно иного типа. Существует несколько концепций специфичности значения имени собственного.

1. Концепция энциклопедического значения. По мнению В. И. Болотова, С. И. Гарагули, А. А. Реформатского и ряда других специалистов, имена собственные имеют не лексическое (то есть языковое) значение, а энциклопедическое значение, которое включает не отдельные семантические признаки, а всю информацию о соответствующем референте. Эта информация представлена в энциклопедических словарях. Например, в «Новейшем энциклопедическом словаре» [2006] представлена следующая статья:

ШОЛОХОВ Михаил Александрович (1905—1984), русский писатель. Книга «Донские рассказы» (1926). В романе «Тихий Дон» (книги 1—4, 1928—1940) — драматическая судьба донского качества в годы революции, Первой мировой и Гражданской войн. Роман «Поднятая целина» (книги 1—2, 1932—1960) о коллективизации на Дону. Неоконченный роман «Они сражались за Родину» (1943—1969) посвящен Великой Отечественной войне. Публицистика. Произведения Шолохова переведены на многие языки мира. Нобелевская премия (1965).

В «Советском энциклопедическом словаре» (1988) акцентированы знаки общественного признания писателя.

Шолохов Михаил Александрович (1905—1984), русский советский писатель, общественный деятель, академик АН СССР,

дважды Герой Социалистического Труда, член КПСС с 1932 г. Книга «Донские рассказы» (1926). Выдающееся произведение социалистического реализма — роман «Тихий Дон» (книги 1—4, 1928—1940; Государственная премия СССР, 1941) — изображает донское казачество в годы 1-й мировой и гражданской войны...

Представленные в этих словарных статьях сведения и составляют основу лексического значения соответствующего имени собственного.

2. Концепция референтного значения. В соответствии с представлениями Д. И. Ермоловича, значение имени собственного — это его отношение к единичному референту, тогда как значение имени нарицательного — это его отношение к денотату и к неединичному референту. Если неединичный референт *писатель* обозначает автора художественных произведений (без их конкретизации), то единичный референт *Михаил Шолохов* обозначает создателя вполне конкретных текстов — «Тихого Дона», «Поднятой целины», «Судьбы человека».

3. Концепция «полуантропонимов». В представлении М. Я. Блоха и Т. Н. Семеновой выделяются «полуантропонимы» как особый разряд имен собственных. К этому разряду относятся имена, который могут выступать и как собственные, и как нарицательные: например, именем Рокфеллер можно образно обозначить любого очень богатого человека (это употребление имени как нарицательного), однако в других случаях это может быть фамилией конкретного члена одной из наиболее богатых американских семей.

Дискуссионным является также вопрос о возможности компонентного анализа семантики имени собственного. В настоящем исследовании за основу взята концепция, которую отстаивают В. Бланар, К. М. Ирисханова, С. В. Перкас и других исследователи, считающие, что в значении антропонима можно вы-

делить такие семы, как одушевленность, исчисляемость, антропонимность. Соответственно в значении топонимов выделяются семы предметности, единичности, соотносительности с земной поверхностью, таксономичности (гора, болото, озеро и др.), сему координат и др.

В монографии Д. И. Ермоловича [2005: 67—71] охарактеризованы четыре понятийных компонента, которые могут входить в семантику имени собственного. Три первых компонента относятся к числу обязательных, во всяком случае типичных:

- предметный компонент, который, по словам исследователя, представляет «как бы имплицитное сообщение о существовании некоего предмета»;
- классифицирующий компонент, связывающий имя с родовым понятием (река, город, человек, мужчина и др.): например, имя Иван воспринимается как указывающее на то, что его носитель — русский мужчина;
- индивидуализирующий компонент, «маркирующий специальную предназначенность данного имени для индивидуального наречения»: например, имя *Иван* предназначено для индивидуального наречения, а слова *трактор* и *сталь* — не предназначены, хотя в двадцатые годы прошлого века и были случаи, когда ребенка называли *Трактором* или *Сталью*.

Четвертый понятийный компонент Д. И. Ермолович называет дескриптивным, или характеризующим. Он встречается только у имен собственных, которые широко известны на уровне языка, то есть в национальном масштабе, в пределах всего языкового коллектива. Много в России было людей по фамилии Шолохов, но только один из них стал Нобелевским лауреатом и приобрел общенациональное (и международное) признание. Много в России сел, станиц и деревень, но общероссийскую известность имеют лишь некоторые — Болдино, Ясная Поляна, Вешенская. Абсолютное большинство других имен собственных

известно лишь в пределах определенного социума — территориального, профессионального, семейного и др.

Д. И. Ермолович специально отмечает, что понятие «весь языковой коллектив» следует «трактовать весьма условно, как некоторую представительную совокупность образованных людей, рассматриваемых в качестве основных носителей лингвистической культуры общества» (Ермолович 2005: 74). Отметим также, что не существует отчетливых границ между общенациональной известностью имени собственного и его обращением лишь в кругу того или иного социума.

В широко известной монографии по теории ономастики подчеркивается, что «имя человека, широко известного благодаря какой-либо черте внешности или характера, легко переносится на других людей, обладающих теми же чертами, при этом не подвергаясь полной апеллятивации» [Теория и методика ономастических исследований 1986: 45]. Под апеллятивацией подразумевается переход имени собственного в иные лексические подсистемы, в частности в разряд нарицательных имен существительных [Там же: 38].

Специальные наблюдения показывают, что в основе метафорического развития семантики имен собственных чаще всего лежат индивидуальные признаки референта (человека, события, города и др.), носящего соответствующее имя и имеющего общенациональную известность. Отметим также, что сама по себе общенациональная известность еще не предполагает обязательной метафоризации имени собственного.

В исследовании О. Н. Долозовой представлены следующие составляющие прецедентного имени *Золушка*:

- *первичный референт (R1), или прототип (предмет, обозначенный именем), — героиня сказки Ш. Перро / Е. Шварца — кинофильма / мультфильма;*
- *денотат (D) (экстенционал) — представление о референте, целостный образ, возникающий в сознании при*

назывании имени вне контекста: *Золушка — бедная падчерица, которая вышла замуж за принца*;

- *сигнификат (S)* (интенционал) — понятие или комплекс дифференциальных признаков, складывающихся на основе инварианта денотативного образа (*Какой? Что делает? Что происходит с ним?*);
- *вторичный референт (R2)* — X, обладающий признаками (одним из признаков), входящими в понятие S [Долозова / <http>].

По мнению Д. Б. Гудкова, подобные имена не занимают отдельной «клетки» в классификационной «таблице» языковых единиц, являясь группой внутри имен собственных, но они представляют собой особые единицы дискурса [Гудков 1999: 121]. Вместе с тем в публикациях Д. Б. Гудкова и В. В. Красных постоянно упоминается о дифференциальных признаках прецедентных имен, что свидетельствует о том, что семантика этих слов рассматривается как состоящая из отдельных компонентов (сем). Исследование в настоящей монографии также ведется на основе признания возможности выделения в значениях прецедентных имен отдельных семантических признаков.

Итак, при всех различиях между рассмотренными концепциями имени собственного все специалисты признают особый статус имен собственных, обозначающих единичные референты (денотаты), которые широко известны в соответствующем языковом коллективе и могут служить обозначением тех или иных свойств.

Следует отметить, что в основу настоящей монографии положена концепция Д. И. Ермоловича, который считает, что имена собственные имеют лексическое значение (существенно отличающееся от лексического значения имен нарицательных), и отмечает, что в лексическом значении имени собственного могут быть выделены семы (дифференциальные признаки). Вместе с тем в процессе нашего исследования в значительной степени

учитываются идеи и методики других научных направлений. Обзор специальной литературы, посвященной исследованию таких существительных, будет представлен в следующем разделе данной главы.

1.3. Аспекты исследования прецедентных имен

В современной массовой коммуникации широко распространено метафорическое использование имени собственного для обозначения в переносном значении человека, который в той или иной степени похож на «законного» носителя соответствующего антропонима. Этот прием позволяет провести параллели между деятельностью, взглядами, личными качествами соответствующих субъектов политической или иной деятельности, выразить отношение автора к этим людям и оказать эмоциональное воздействие на адресата текста. Ср.:

*Самым первым **Гамлетом** на Руси и во всем мире, оказывается, был брат знаменитого **Александра Невского** Андрей Ярославович, оставивший такой образец типично русского «гамлетизма»: «Господи!» (Люсый А. Комплекс Гамлета // Октябрь. 2001). Есть ли у нас сегодня свои **Кутузовы**, **Суворовы**, которые за Россию готовы отдать жизнь? — Есть. Но какой парадокс. У нас если человек патриот, ему сразу прилипают клички «националист», «шовинист» (Шаблинская О. Интервью с И. Глазуновым. Грядет тоталитарная демократия // Аргументы и факты. 2006. № 6). Что же остается делать? В осознании собственного бессилия продолжать заниматься рутинными делами? Автономизироваться, уйти в леса, в скиты, прочь от мира? Уехать из «такой страны»? Или стать **Квачковым**? (Д. Тукваков. Стать Квачковым // Завтра. 2006. № 1). Но люди умственного склада прояснили Дормидонту: это они героически спасают президенту реноме! А реноме у президентов — наиглавнейшая вещь после рейтинга! Путин же не **Брежнев** какой,*

чтоб стопроцентно побеждать, это недемократично (Народный Д. // Комсомольская правда. 2004. 5 февр.).

В данных контекстах имена знаменитых полководцев Кутузова и Суворова используются для обозначения патриотов России, полковник Квачков, совершивший покушение на А. Чубайса, выступает как символ сопротивления. Соответственно кандидат Брежнев становится стандартным обозначением едва ли не стопроцентной поддержки избирателей, которая вовсе не соответствует подлинной воле граждан. Весьма показательно и то, что российский Гамлет появился, по мысли автора, значительно ранее, чем Шекспир написал соответствующую пьесу. И это вполне закономерно: здесь важен характер, а не время написания пьесы или предполагаемые годы жизни ее героя.

Использование имени собственного в переносном значении издавна привлекало внимание исследователей, но подходы к познанию этого феномена и даже само его обозначение в рамках различных научных парадигм существенно различаются.

Рассмотрим существующие в современной науке подходы к изучению образного использования имени собственного.

1. Лексико-грамматическая теория. В рамках названной концепции представленные примеры рассматриваются в аспекте транспозиции имени собственного в имя нарицательное. Как отмечает «Академическая грамматика», «имена существительные собственные переходят в разряд нарицательных, когда они служат для обозначения целого класса однородных предметов и явлений, напр., *геркулес, ловелас, меценат, рентген*» (Грамматика русского языка. Т. 1. 1952: 104). Этот переход может быть законченным, что проявляется, в частности, в том, что соответствующее имя включается в толковые словари (где отсутствуют обычные имена нарицательные). Например, в четырехтомном «Словаре русского языка» (1981—1984) представлена следующая словарная статья.

Донжуан. Искатель любовных приключений; волокита. *На нее жадно и с любопытством смотрел Артынов, этот известный донжуан и баловник.* Чехов. Анна на шее (По имени Дон Жуана — легендарного соблазнителя женщин, героя ряда западноевропейских литературных произведений).

Однако в значительном количестве случаев можно говорить только об окказиональном использовании имени собственного в значении имени нарицательного. Показательно, что в указанном четырехтомном словаре отсутствуют статьи на такие имена, как Наполеон и Вольтер, хотя их использование в нарицательном значении встречалось еще в первой половине XIX века. В связи с этим можно вспомнить хотя бы Скалозуба — героя комедии А. С. Грибоедова, который обещал: «Я князь-Григорию и Вам фельдфебеля в Вольтеры дам».

2. Классическая и обновляющаяся риторика. В традиционной классификации риторических фигур и тропов обозначение свойств человека при помощи собственного имени другого человека рассматривалось как особый риторический троп, который назывался **антономазия** [Античные риторика 1978].

В книге Т. Г. Хазагеров и Л. С. Шириной предлагается следующее определение антономазии (второе значение): «Гибрид ПЕРИФРАЗЫ и МЕТАФОРЫ, основанной на использовании собственного имени, обычно широко известного, вместо нарицательного, называющего другое лицо, место отрезков времени, наделенные сходными чертами. *Нет, я вам не скажу. Вы ревнивец. Нельзя быть таким Отелло* (Ильф, Петров). *Мы по Эмсам да по Мариенбадам воду пить ездим* (Салтыков-Щедрин). *Я русский и поэтому имею право презирать эти ренессансы* (Куприн)» [Хазагеров, Ширина 1999: 208—209].

Далее приводится определение третьего значения рассматриваемого термина: «Гибрид ПЕРИФРАЗЫ, МЕТАФОРЫ и МЕТОНИМИИ, троп, основанный на использовании географического названия, места, связанного с какими-либо событиями,

для обозначения сходных типичных событий. *Рабовладельцы начинают уважать своих рабов лишь после Куликовых полей* (из «Литературной газеты»). Или *Чернобылям не будет конца до самого конца* (там же)» [Хазагеров, Ширина 1999: 209].

В соответствии с иной точкой зрения антропоним, использованный в образном значении, представляет собой одну из разновидностей **аллюзии**, то есть риторической (стилистической) фигуры (от фр. *allusion* намек, лат. *alludere* подшучивать, намекать), заключающейся в соотнесении описываемого феномена с устойчивым понятием или словосочетанием литературного, исторического, мифологического порядка [Арнольд 1993; Гюббенет 1991]. При описании аллюзии нередко подчеркивается, это намек, сделанный при помощи созвучного слова или упоминания общеизвестного реального факта. При таком подходе метафорический антропоним может быть представлен как разновидность аллюзии.

3. Литературоведческое направление. Исследование имен героев литературных произведений, в том числе изучение межтекстовых связей, образуемых при помощи этих имен, а также рассмотрение фактов использования указанных имен во внелитературных дискурсах, традиционно привлекает внимание литературоведов. В наиболее полной мере названные идеи реализованы в концепции диалога, созданной М. М. Бахтиным [1979], идеи которого активно развиваются современными отечественными специалистами [Фатеева 1998, 2000; Кузьмина 1999; Снигирев 2003 и др.]. Идеи и методы названного направления вполне применимы не только к литературоведческому, но и к иным видам дискурса, в том числе к дискурсу массовой коммуникации.

4. Теория интертекстуальности. В соответствии с концепцией, восходящей и идеям Юлии Кристевой, интертекст определяется как «место пересечения различных текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма», а интертекстуаль-

ность как «текстуальную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста». Далее отмечается, что «для познающего субъекта интертекстуальность — это признак того способа, каким текст перечитывает историю и вписывается в нее» [Кристева 1998: 118]. Интертекстуальность может проявляться во включении в текст маркированных или немаркированных, преобразованных или неизмененных цитат, аллюзий, реминисценций. К числу проявлений интертекстуальности (которые чрезвычайно разнообразны) относится и рассматриваемая разновидность использования имени собственного. Манифестация интертекстуальности в конкретных текстовых условиях получила наименование интертекстема [Мокиенко 2003; Сидоренко 1999; Фатеева 2000 и др.].

Следует подчеркнуть, что Ю. Кристева создавала свою теорию, ориентируясь на изучение художественной литературы, однако в современной науке области изучения интертекстуальности существенно раздвинулись. В настоящее время интертекстуальность рассматривается как свойство массовой культуры, рекламы, средств массовой коммуникации, кино и иных зрелищных искусств. При этом учитывается не только речевая составляющая, но и невербальные компоненты (музыка, рисунок и др.). Разумеется, изучение интертекстуальности в дискурсе массовой коммуникации имеет не столь богатые традиции, как изучение данного феномена в художественной литературе, но начало уже положено.

5. Теория прецедентности. В соответствии с представлениями другого научного направления — теории прецедентности — рассматриваемые случаи использования имен собственных могут быть определены как прецедентные антропонимы. К этой группе относятся широко известные имена собственные, которые могут использоваться в качестве особых культурных знаков, своего рода символов определенных качеств [Гудков и др. 1997; Гудков 2003; Красных 2002; Кузьмина 2004; Кушнерук

2006; Нахимова 2004, 2005; Слышкин 2000, 2004; Смулаковская 2004 и др.].

Теория прецедентности впервые была предложена и теоретически обоснована Ю. Н. Карауловым, который рассматривал прецедентные тексты, но при этом дал настолько широкое определение указанных текстов, что в число этих феноменов оказалось возможным включить самые разнообразные единицы — лексемы, фразеологизмы, предложения, а также невербальные единицы [Караулов 1987]. К числу прецедентных Ю. Н. Караулов относит «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки», значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, хорошо известные в обществе и постоянно используемые в коммуникации. По словам основоположника указанного научного направления прецедентными называются тексты, «значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 216]. Далее автор называет способы введения указаний на прецедентные тексты: цитату, название текста, имя автора или персонажа [Там же: 218], что значительно расширяет представления о формах присутствия «чужого слова» в интертексте.

Следует учитывать, что в концепции Ю. Н. Караулова к числу прецедентных отнесены даже невербальные феномены: произведения архитектуры, живописи, музыки — это тоже своего рода «тексты», а их названия (Храм Василия Блаженного, картина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» и др.) составляют значительную часть национального фонда прецедентных знаков.

Созданная Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко, В. В. Красных и Д. В. Багаевой (1997) теория прецедентных феноменов может рассматриваться как очередной этап в исследовании прецедент-

ности и вместе с тем она тесно связана с учением об интертекстуальности. В соответствии с рассматриваемой теорией использование имени собственного для обозначения иного человека должно квалифицироваться как использование прецедентного имени.

6. Теория вертикального контекста. В концепции О. С. Ахмановой, И. В. Гюббенет и их последователей контекст подразделяется на горизонтальный и вертикальный. Первый вид контекста понимается как вполне традиционный для лингвистики, тогда как вертикальный контекст включает *всю* заложенную в произведении информацию историко-филологического характера [Ахманова, Гюббенет 1977]. Выделяют два вида вертикального контекста: филологический и социально-исторический. Социально-исторический вертикальный контекст представляет собой отсылки к социально-исторической действительности, в данном случае наиболее важны отсылки к именам широкоизвестных людей или к широко известным топонимам, торговым маркам и др. Филологический вертикальный контекст — это отсылки к различным художественным текстам, в том числе на основе метафоризации соответствующих имен персонажей. Восприятие вертикального контекста не ограничивается определением источника аллюзии, а ориентировано на понимание реального взаимодействия литературных источников, авторских мировоззрений, социально-исторических эпох.

7. Теория межкультурной коммуникации в ее варианте, представленном в трудах В. Г. Костомарова, Н. Д. Бурвиковой и их последователей. Одним из центральных понятий названной теории является логоепистема (от греческих слов, обозначающих *слово* и *знание*) — единица коммуникативного пространства, которая характеризуется как «след языка в культуре или культуры в языке» [Бурвикова, Костомаров 2006а: 11]. В данной концепции рассматриваются логоепистемы, к числу которых относят «разноуровневые лингвистически ценные единицы», в

том числе «говорящие имена и названия» [Бурвикова, Костомаров 2006: 8]. Рассматривая конкретные примеры логоэпистем, соавторы называют такие, как *Соловей-разбойник*, *Ватсон*, *Освенцим*, *Рио-де-Жанейро*, *Ромео и Джульетта*, *Анна Каренина*. Все эти названия обладают значительной культурной значимостью, относятся к числу широко известных и входят в базисную часть вербально-ментальной базы русского национального сознания. Соответственно их употребление в качестве «чужого слова» представляет собой проявление лингвистического и культурного опыта индивида, свидетельствуют о его эрудиции и многих иных качествах.

8. Теория текстовых реминисценций. В исследованиях А. Е. Супруна и его последователей используется термин *текстовые реминисценции* [Супрун 1995; Алексеенко 2003 и др.], который определяется как «осознанные vs. неосознанные, точные vs. преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» (Супрун 1995: 17). К текстовым реминисценциям автор относит цитаты, «крылатые слова», имена персонажей, имена автора произведений, прямые и косвенные напоминания о разного рода ситуациях и их участниках. В соответствии с этой концепцией рассматриваются не только семантически преобразованные имена, но и такие имена, которые используются в традиционном значении. Ср.:

У русских с грузинами есть Дanelия и Товстоногов, Габриадзе и Кикабидзе, да мало ли всего... Над рекой стоит гора, под горой течет Кура... Такую личную неприязнь испытываю к потерпевшему, что кушать не могу... Расцветай под солнцем Грузия моя... Цвет небесный, синий цвет полюбил я с малых лет... (Елена Ямпольская. Вина Грузии. Куда поставить ударение в первом слове?).

В данном контексте имена *Дanelия*, *Товстоногов*, *Габриадзе* и *Кикабидзе* использованы в традиционном (денотативном) зна-

чении, то есть обозначают конкретных людей, но вместе с тем эти имена выступают как своего рода символы культурных связей России и Грузии. Подобными символами стали и представленные в рассматриваемом тексте прецедентные высказывания.

9. Теория регулярной многозначности, созданная более сорока лет назад в рамках структурно-семантического подхода к языку (Ю. Д. Апресян, Л. А. Новиков, Д. Н. Шмелев и др.). В соответствии с этой теорией исследуются регулярные метонимические и метафорические переносы и выявляются регулярные (однотипные, повторяющиеся) вторичные значения, которые встречаются у семантически близких слов, принадлежащих к одной части речи. Сам факт выявления модели обычно свидетельствует о том, что аналогичным образом могут быть использованы и другие семантически сходные слова.

Специальные исследования показывают, что в русском языке существует относительно регулярная модель многозначности, в соответствии с которой для обозначения качеств человека может быть использовано имя иного человека, который широко известен именно благодаря данным качествам.

Аналогичным образом географические названия могут метонимически использоваться для обозначения событий, которые произошли в соответствующем месте. Эта модель относится к числу относительно регулярных и обладает богатым потенциалом.

Например, еще недавно название города «Кондопога» не воспринималось в России как предрасположенное к образованию вторичных речевых значений, но после произошедших там весной 2007 года межнациональных столкновений ситуация существенно изменилась. Как отмечает депутат Государственной Думы Иван Мельников, сейчас *«Кондопога — это собирательный образ. Потенциально **Кондопога** — сегодня в каждом российском городе»* (Мельников И. Синдром Кондопоги // Российская газета. 2007. 8. июня). *Чуть менее года назад в Вольске Са-*

*ратовской области произошла драка между русскими и выходцами с Кавказа. И на лентах информагенств замелькали слова: «очередная вспышка ксенофобии», «массовые беспорядки», «погромы»... Городок на Волге был назван **второй Кондопогой**...* (Выжutowич В. Синдром Кондопоги // Российская газета. 2007. 8 июня). В бурно изменяющемся мире по рассматриваемой модели вполне могут быть использованы и многие иные имена и названия.

10. Традиционная теория метафоры. Использование имени собственного в рассматриваемом варианте значения вполне соответствует традиционному пониманию метафоры как переноса наименования по признаку сходства обозначаемых предметов. Соответственно может быть использован термин «ономастическая метафора», то есть метафора, источником которой служит имя собственное. Такой подход особенно широко распространен в зарубежной лингвистике, где соответствующие метафоры часто называют историческими (если за основу взято название исторического события или его активного участника) или литературными. Так, и в исследовании И. ван дер Валка ярко показано, что в правой прессе Франции лидер Народного Фронта А. Ле Пен метафорически обозначается как современная Жанна д'Арк и французский Уинстон Черчилль, что позволяет представить Ле Пена как потенциального спасителя Франции, защитника национальных интересов, смело выступающего против иноземных захватчиков. Соответственно в рамках рассматриваемой парадигмы иммигранты метафорически представляются как своего рода продолжатели худших традиций немецких и английских оккупантов, пытавшихся в свое время лишить Францию ее независимости и национальной самобытности [Valk 2001].

Как показывает Р. Пэрис [Paris 2001], в выступлениях администрации Б. Клинтона и дебатах членов Конгресса по проблемам войны в Югославии преобладали четыре группы исторических метафор: «Вьетнам», «Холокост», «Мюнхен» и «балкан-

ская пороховая бочка». В частности, мюнхенское соглашение обычно рассматривалось как пример нежелания остановить агрессора. Ссылаясь на уроки Вьетнама, противники военного вмешательства говорили об ужасах войны, тогда как сторонники войны считали, что американская армия воевала в Юго-Восточной Азии «со связанными за спиной руками».

11. Когнитивная теория метафоры. Ономастические метафоры постоянно рассматриваются в публикациях по когнитивистике, особенно созданных в рамках когнитивной теории Дж. Лакоффа. Существуют когнитивные исследования, в которых указанные образы анализируются максимально детально. Так, Й. Цинкен [Zinken 2002] выделяет в отдельную группу *интертекстуальные метафоры* (intertextual metaphors), показывая их идеологическую значимость для осмысления политических событий в польском газетном дискурсе. При таком подходе подчеркивается, что метафоры со сферами-источниками «Литература», «История», «Кино» — это важный культурный конститuent национальной концептосферы, который необходимо принимать во внимание при анализе политической метафорики, чтобы избежать редукционизма. Подобным образом Й. Цинкен рассматривает образное представление процесса пополнения Европейского экономического сообщества как «путь в Освенцим» [Zinken 2002], а Дж. Гуднайт [Goodnight 2004] анализирует метафоры «Ирак — это Вьетнам Буша» и «вьетнамское болото» в американских политических дебатах, связанных с новой войной в Персидском заливе.

Отметим, что подобное понимание рассматриваемого феномена и в концепции А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова, которые наряду с метафорами «Сталин — это старший брат» и «мавзоль Ленина — это айсберг» включили в свой словарь и такие примеры, как «Сталин — это Берлиоз» и «мавзоль Ленина — это Мекка» [1991: 110]. Действительно, руководствуясь гипотезой о когнитивном механизме метафоризации, целесообразно

рассматривать подобные метафоры в качестве реализаций одного и того же когнитивного процесса — концептуальной операции над двумя фреймами, проекции знаний из одной понятийной области в другую или их смешивания (в соответствии с теорией блендинга).

Необходимо подчеркнуть, что рассмотренные выше понятия не в полной мере совпадают по содержанию, а соответствующие термины вовсе нельзя считать синонимами. Так, прецедентные имена, выступающие в неденотативном значении как обозначения конкретных людей, безусловно, относятся к числу *текстовых реминисценций*, но не являются историческими метафорами. К числу прецедентных феноменов обычно относят далеко не все единицы, которые А. Е. Супрун рассматривает среди текстовых реминисценций, однако в теории прецедентности рассматриваются не только метафоры. Таким образом, между названными концепциями обнаруживаются существенные различия не только в методологии, но и в объеме рассматриваемого материала.

Представленный обзор показывает как разнообразие подходов к рассматриваемому явлению, так и объединяющие его признаки. К числу последних относятся прежде всего такие показатели, как обогащение семантики и интертекстуальность, использование соответствующей единицы как своего рода культурного знака, связывающего различные тексты, эпохи, пространства.

Другие признаки ономастической метафоры (интертекстемы, прецедентного феномена, текстовой реминисценции, исторической или литературной метафоры) могут быть охарактеризованы только в рамках столь характерной для когнитивистики категории «семейного сходства». Эти признаки воспринимаются как типичные, характерные, распространенные, но они не относятся к числу обязательных, несомненных свойств.

Говоря о наиболее существенных признаках рассматриваемых феноменов, следует прежде всего назвать осознание рас-

смаатриваемых элементов как «чужеродных», «вторичных». Вместо того, чтобы описать свойства соответствующего события или человека, автор обращается к аналогиям, ищет нечто похожее в других исторических обстоятельствах, в литературных произведениях и т. п.

Еще одно свойство рассмаатриваемых феноменов — это их семантическая трансформация, использование в не совсем обычном смысле (степень трансформации может быть различной). Очевидно, что «новый Сталин» — это уже не Иосиф Виссарионович Сталин, а совсем иной политический лидер, который лишь отчасти похож на прототип. С другой стороны, «эпоха Сталина» — это и время правления Иосифа Виссарионовича, и эпоха тоталитаризма, которую позднее назвали «периодом культа личности».

Следует также учитывать, что абсолютное большинство ономастических метафор не относится к числу глобально прецедентных (хорошо известных во всем мире) или хотя бы национально прецедентных (хорошо известных большинству носителей соответствующего национального языка). Использование прецедентного феномена как основы для метафоры предполагает презумпцию определенного уровня эрудиции у адресата. Ср.:

Для Саакашвили, который сначала требовал прибытия Абашидзе в Тбилиси, а пришлось все же самому прибыть в Батуми, это была своего рода «дорога в Каноссу» (Капба Э. // Советская Россия).

Ономастические метафоры изначально связаны с единичными и уникальными феноменами, которые известны далеко не всем представителям лингвокультурного сообщества. «Дорога в Каноссу», несомненно, относится к числу культурных знаков, известных лишь немногим интеллектуалам. Как ярко демонстрирует С. Л. Кушнерук, функционирование и восприятие прецедентных имен тесно связано с особенностями национальной

культуры, с традициями и ментальностью соответствующего народа [Кушнерук 2006]. Например, как отмечает В. Кеннеди [Kennedy 2000] во время войны в Косово сербские СМИ апеллировали к *битве на Косовом поле*, но эта метафора мало о чем говорила жителям США и Западной Европы.

Целесообразно отметить, что одно и то же прецедентное имя при его использовании в разных национально-культурных сообществах способно нести совершенно различную информацию. Так, для русских *Бородино* — это символ решающей победы российской армии над иноземными захватчиками, тогда как французы считают, что Бородино — это последняя крупная победа Наполеона в кампании 1812 года и своего рода символ победы, приведшей к поражению.

Обращение к ономастической (в других терминах — исторической или литературной) метафоре — традиционная черта политической коммуникации в самых различных национальных дискурсах. Этот прием позволяет ярче представить политическую позицию автора, привлечь внимание к историческим истокам современных социальных теорий, усилить прагматическое воздействие текста. По своим функциям и свойствам прецедентные антропонимы, используемые в политических текстах, обнаруживают значительную близость к метафорическим наименованиям. Яркий образ обладает значительным прагматическим эффектом и способен служить сильным аргументом в любой политической дискуссии. Вместе с тем легко заметить, что неудачное использование прецедентных имен обнаруживает косноязычие и низкую эрудицию адресанта, что особенно бросается в глаза на фоне его значительного общественного положения.

Представленные в настоящем разделе материалы свидетельствуют, что прецедентные имена (интертекстемы, ономастические метафоры, исторические и литературные метафоры, текстовые реминисценции, случаи переносного использования

имени собственного) активно используются в современной массовой коммуникации. Различия между рассматриваемыми терминами в значительной степени связаны с различным объемом соответствующих понятий.

Вместе с тем важно учитывать и тот факт, что названные термины относятся к различным научным парадигмам, каждая из которых предполагает особую систему взглядов на взаимосвязи рассматриваемых единиц, на их взаимоотношения и функции в тексте и дискурсе, на интенции автора и прагматическое воздействие на адресата.

Можно надеяться, что различные подходы к изучению рассматриваемого явления, использование эвристик различных научных школ и направлений будут способствовать более глубокому его исследованию и более полному пониманию сущности соответствующих феноменов.

Следует отметить, что в основу настоящей монографии положена созданная Ю. Н. Карауловым и развиваемая его последователями (Д. Б. Гудков, В. В. Красных, С. Л. Кушнерук, Ю. Е. Прохоров, Г. Г. Слышкин и др.) теория прецедентности, однако в процессе нашего исследования в значительной степени учитываются идеи и методики других научных направлений.

1.4. Прецедентные имена: метафорические и неметафорические значения

В современной теории прецедентности отчетливо различаются денотативное и коннотативное употребление (в других терминах — метафорические и неметафорические значения) прецедентных имен. Специфические черты прецедентного имени предопределены его структурой, ядро которой составляют дифференциальные признаки, а периферию — атрибуты.

Дифференциальные признаки определяют специфические признаки данного имени и противопоставляют его другим име-

нам. Эти признаки во многом похожи на дифференциальные признаки имен нарицательных, хотя это лишь относительное сходство. В частности, дифференциальные признаки прецедентных имен часто существенно различаются в сознании различных людей, для них в большей степени характерны исторические изменения, а также социумные и личностные варианты. Например, прецедентное имя «Сталин» сейчас воспринимается совершенно не так, как это было в середине прошлого века, причем современное восприятие этого имени существенно различно у ветерана Великой Отечественной войны и его внука, особенно если родственники существенно расходятся в политических взглядах и оценках.

Названные дифференциальные признаки совершенно непохожи в сознании либерала-западника, убежденного коммуниста или национал-патриота, который вспоминает Сталина как организатора победы в Великой Отечественной войне. Поэтому едва ли возможно определить точный и полный «набор» дифференциальных признаков того или иного прецедентного имени. Эти признаки существенно отличаются также в зависимости от принадлежности прецедентного имени к той или иной группе — например, к числу антропонимов или топонимов. Например, прецедентные антропонимы часто включают дифференциальные признаки, указывающие на внешность, характер, поступки или судьбу носителя соответствующего имени.

Атрибуты прецедентного имени — это «элементы, тесно связанные с означаемым прецедентного имени, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации, например: *кепка Ленина, бакенбарды Пушкина, маленький рост Наполеона*» [Красных 2002: 80—82]. В качестве атрибутов могут выступать некоторые детали одежды или внешности, которые принадлежат денотату и по которым его можно «узнать» [Красных 2002: 83]. Еще одна составляющая прецедентного имени — это *оценка*, которая воспринимается как эмотивная, личностная

и не всегда способная претендовать на полную объективность [Гудков 1999: 124]. В то же время эта оценка зафиксирована и служит неким ценностным ориентиром для соответствующего национального сообщества или социума.

Семантическая структура прецедентного имени определяет особенности его использования в коммуникации. При рассмотрении специфики конкретных словоупотреблений Д. Б. Гудков разграничил денотативное (интенциональное) и коннотативное (экстенциональное) употребление прецедентного имени [Гудков 2003: 154]. При денотативном использовании прецедентное имя, как и любое другое индивидуальное имя, обозначает соответствующий предмет, то есть функционирует как обычное имя собственное, указывая непосредственно на денотат. Например, имя собственное *Хиросима* в традиционном значении обозначает город в Японии. Ср.:

*По замыслу Трумена и Черчилля бомбардировка Хиросимы и Нагасаки должна была не только закончить войну, но и дать мощный предостерегающий сигнал Советам (Е. Велихов. От ядерной бомбы к атомной станции // Вестник РАН, 2004). О за-
явках вспомнили только после бомбежек Хиросимы и Нагасаки (Гаташ В. Физика с гифом «совершенно секретно» // Знание —
сила. 2003. № 9).*

В других контекстах имя собственное *Хиросима* метонимически обозначает уничтожение американской атомной бомбой соответствующего города. Ср.:

*Недавно Буш сказал, что Америку с Японией связывают 150 лет дружбы. Или Буш не знает про Хиросиму, или думает, что атомная бомба была испытана на японцах в XIX веке (Минкин А. Куда пошлют? // Московский комсомолец. 2003. 1 апр.). За-
помнилось еще одно фирменное высказывание Кости: «Всегда быть равным самому себе — хуже только Хиросима (Сахнов-
ский И. Ревнивый бог случайностей // Октябрь. 2003). Подобное
употребление также следует рассматривать как денотативное.*

При коннотативном метафорическом использовании прецедентное имя обозначает уже не город в Японии и не взрыв, разрушивший этот город, а совершенно иные объекты. Чаще всего при метафоре актуализируются семы «взрыв» или «город, уничтоженный взрывом». Ср.: *Безопасное расстояние при подрыве открыто лежащей на грунте тротиловой шашки — полсотни метров. А у тебя уже четвертая спичка гаснет и совершенно ясно, что всем пришел полный звездец, ибо еще мгновение — и тут будет маленькая Хиросима!* (Рубан Н. Тельняшка для киборга // Боевое искусство планеты. 2003). *Ну что прикажете делать с такими народами? И ничего не делать! Они издохнут сами по себе. У них то и дело грохочут демократические взрывы, фурункулезы, Хиросимы, напалмы, Нагасаки, и вообще жрать нечего* (Ерофеев В. Вальпургиева ночь, или Шаги командора).

Однако возможны и совершенно иные пути развития семантики прецедентного имени при его коннотативном использовании. Ср.: *В СПС у Ирины Хакамады было два прозвища. Один из лидеров партии называл ее не иначе как Хиросима.* (Ростовский М. // Московский комсомолец. 2004. 3 февр.).

Очевидно, что возможна различная интерпретация сходства между японским городом, пострадавшим от атомной бомбардировки, и лидером одной из российских политических партий.

Различия между двумя рассматриваемыми типами значения связаны с тем, что в первом случае слово связано с традиционным денотатом (референтом), а во втором — с совершенно иным денотатом (референтом). В одном случае прецедентное имя Хиросима обозначает город или связанное с ним событие, а во втором — это имя обозначает денотат, который не имеет прямого отношения к атомному взрыву в Японии. На основе рассмотренных критериев целесообразно разграничивать первичное значение прецедентного имени и его метафорическое значение.

Прежде чем перейти к рассмотрению специфики метафорического значения прецедентного имени, необходимо специально остановиться на особенностях когнитивного подхода к метафоре.

Теоретической основой современной когнитивной метафорологии уже давно признана книга Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона «*Metaphors We Live by*» («Метафоры, которыми мы живем») [Lakoff, Johnson 1980], которая, по меткому выражению ее переводчика А. Н. Баранова, очень быстро была признана специалистами «библией когнитивного подхода к метафоре — своеобразным аналогом соссюрковского «Курса общей лингвистики» в когнитивизме лингвистического извода» [Баранов 2004: 7]. На русском языке отрывки из этой книги опубликованы в сборниках «Язык и моделирование социального взаимодействия» [1987] и «Теория метафоры» [1990]. Полный перевод указанного исследования на русский язык, сделанный профессором А. Н. Барановым появился только в 2004 г. («Метафоры, которыми мы живем»). В указанной книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона впервые была представлена теория концептуальной метафоры. Авторы ярко показали, что метафора представляет собой не просто украшение речи, отражает особый когнитивный процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов, первый из которых называется сфера-источник, а второй — сфера-мишень. По представлениям Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в результате подобной метафорической проекции сформировавшиеся в результате взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют более сложную для осознания концептуальную сферу-мишень. Здесь, как и во многих других случаях, происходит своего рода объяснение сложной идеи через более простой и понятный феномен.

В соответствии с рассматриваемой теорией метафорические модели заложены в понятийной системе человеческого разума,

это своего рода схемы, по которым человек думает и действует. Поэтому изучение функционирования метафор в различных дискурсах признаются важным источником данных о человеческом разуме и его свойствах.

В настоящей монографии в соответствии с общими принципами когнитивной лингвистики метафора понимается максимально широко, то есть к числу метафор относятся все компаративные тропы и конструкции. Когнитивисты не придают большой значимости принадлежности метафоры к той или иной части речи, к лексическому или фразеологическому уровню. В подобных исследованиях понятийная близость воспринимается как более важный аргумент, чем единство языкового уровня или структурные различия.

Многочисленные примеры из работ Дж. Лакоффа показывают, что он рассматривает многие словоупотребления, которые относятся к числу прецедентных имен, в качестве самых обыкновенных метафор. Примером может служить анализ широкоизвестных политических метафор «Саддам — это Гитлер сегодня» и «Если бы «Титаником» был Клинтон, то утонул бы айсберг».

Поэтому при дифференциации метафорических и неметафорических значений в настоящей монографии к числу метафорических относятся и такие, которые при традиционном подходе были бы охарактеризованы как сравнение или иные компаративные феномены. Рассмотрим несколько конкретных примеров, призванных показать многообразие формальных способов акцентирования в сравнительных конструкциях дифференциальных признаков прецедентных имен.

*Есть три основных варианта решения проблемы-2008: сильный новый президент, при котором Путин уходит в тень (например, готовить Олимпийские игры), слабый президент (при нем **Путин становится «Дэн Сяопином»** и возглавляет неформальный центр решений) и, наконец, коллективное руководство... В случае прихода Иванова тоже будет определенная*

система договоренностей, хотя и менее кардинальная, чем в 1999-м. — Ходорковских и Березовских будет больше получаться. — Да нет. Ходорковский в 99-м году тоже входил в систему договоренностей, но оказался нарушителем конвенции, как Паниковский. А Иванов — фигура, похожая на Путина того времени, он пока не оброс системой жестких связей, поэтому ему будет легче заключить конвенцию с остальными элитными группами (Диалог: С. Марков, В. Жарихина и Д. Орешкина. Почему группа-91 держится за президентское кресло // Известия. 2007. 25 июля).

В данном относительно небольшом фрагменте прецедентные имена представлены то в виде классической метафоры, то в виде сравнений, но между ними нет принципиальных различий: и в том и в другом случае прецедентные имена используются для обозначения совсем иных людей в условиях акцентирования соответствующих дифференциальных признаков.

Итак, в последующих разделах данной монографии будет разграничиваться метафорические и неметафорические значения прецедентного имени. К числу метафорических будут относиться и случаи использования прецедентного имени в составе сравнительных конструкций. При рассмотрении неметафорических значений будут выделяться случаи, когда акцентированы дифференциальные признаки прецедентного имени, и случаи, когда прецедентное имя используется как обычное имя собственное, то есть для указания на соответствующий референт (де-нотат).

1.5. Контекстные критерии прецедентности имени

В современной лингвистике активно обсуждается вопрос о критериях выявления прецедентных имен. В процессе дискуссии высказываются мысли о высокой значимости следующих факторов:

- связанность соответствующих имен с классическими произведениями [Караулов 1987];
- общеизвестность соответствующих феноменов [Красных 2002] или хотя бы их известность большинству членов лингвистического сообщества [Гудков 1999; Слышкин 2000].

Вместе с тем отмечается несомненные сложности в определении принадлежности отдельных текстов к числу «классических» (кто возьмет на себя смелость составить соответствующий список?), а также «общеизвестных» (кто в состоянии доказать, что они знакомы и понятны именно каждому русскому человеку?) или хотя бы «известных большинству» [Нахимова 2004; Семенец 2004].

При менее строгом отборе в качестве существенных рассматриваются также следующие критерии:

- регулярная воспроизводимость, повторяемость соответствующих имен в текстах [Кушнерук 2004];
- неденотативного использования того или иного имени в функции культурного знака [Нахимова 2004, 2005].

При изучении указанных признаков необходимо учитывать тот факт, что функционирование прецедентных феноменов в различных видах дискурса может иметь существенную специфику [Алексеев 2003; Гудков, Захаренко, Красных, Багаева 1997; Пикулева 2003; Смулаковская 2004; Слышкин 2000 и др.]. В частности, в массовой коммуникации могут использоваться только прецедентные имена, известность которых имеет общенациональный характер.

Значительный интерес вызывают также некоторые формальные признаки, свидетельствующие о восприятии автором соответствующего имени в качестве прецедентного. Детальное рассмотрение этих признаков будет способствовать более полному осознанию закономерностей функционирования прецедентных имен.

При рассмотрении прецедентных антропонимов лингвисты обычно говорят о переходе имен собственных в имена нарицательные. Такое преобразование предопределяет как возможность употребления форм множественного числа, так и использование в начале слова не прописных, а строчных букв. Кроме того, сам факт применения слова в необычном смысле делает целесообразным использование кавычек. Так имена собственные Дон Жуан и Дон Кихот (иногда именуемые также с использованием дефиса Дон-Жуан и Дон-Кихот) преобразуются в «донжуанов» и «донкихотов», то есть в нарицательные имена.

Названные семантические, грамматические и графические изменения представляют собой формальные показатели перехода имени собственного в разряд имен нарицательных. Еще один признак такого перехода — это включение соответствующего имени в толковые словари, в которых, как правило, отсутствуют словарные статьи на обычные имена собственные.

Примером может служить следующая словарная статья в «Толковом словаре русского языка» [Ожегов, Шведова 2001]. Ср.:

ДОНКИХОТ, а, м. Станный для окружающих человек, рыцарски самоотверженно борющийся за отвлеченные идеалы добра (по имени героя романа Сервантеса). *Людям нужны донкихоты* // прил. *донкихотский*.

В «Современном словаре иностранных слов» [1992] представлена следующая словарная статья на указанное существительное. Ср.:

ДОНКИХОТ [от имени Дон Кихота, героя романа испанского писателя Сервантеса] — наивный мечтатель, благородный и великодушный человек, рыцарски самоотверженно борющийся за нежизненные, неосуществимые идеалы.

Переход имени собственного Дон Кихот в имя нарицательное отмечает и «Советский энциклопедический словарь» [1979]. Ср.:

ДОН КИХОТ (Don Quijote), герой романа М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1605). Имя Д. К. стало нарицательным для обозначения человека, чье благородство, великодушие и готовность на рыцарские подвиги вступают в трагическое противоречие с действительностью.

Показательна и словарная статья на рассматриваемое слово в орфографическом словаре-справочнике «Прописная или строчная?» (Розенталь 1986), где отчетливо противопоставлены правописание имени собственного и соответствующего ему прецедентного антропонима. Ср.:

Дон-Кихот Ламанчский (герой романа Сервантеса); но: донкихот (фантазер, наивный мечтатель).

В другом орфографическом словаре-справочнике (Лопатин, Чельцова, Нечаева 1999) различия между именем собственным и рассматриваемым прецедентным антропонимом представлены следующим образом:

ДОН КИХОТ

Дон Кихот, -а (лит. персонаж)

донкихот, -а (благородный наивный мечтатель)

В орфографическом словаре А. Н. Тихонова [1999], в котором отсутствуют имена собственные, рассматриваемый прецедентный феномен представлен в слитном написании, начинающемся со строчной буквы, то есть как имя нарицательное.

Отметим также, что по данным указанных лексикографических источников рассматриваемое слово при переходе его в прецедентный антропоним утрачивает пробел (или дефис) и начинает писаться слитно, то есть *Дон Кихот* (он же и *Дон-Кихот*) превращается в *донкихота*.

К сожалению, прецедентные антропонимы из политической сферы практически отсутствуют в современных орфографических словарях, в том числе в словарях, которые призваны регламентировать правописание прописных и строчных букв [Розенталь 1986; Лопатин, Чельцова, Нечаева 1999; Тихонов 1999].

Отметим также, что общие рекомендации, помещенные в эти словари, не всегда способны подсказать правильное решение.

Так, в словаре Д. Э. Розенталя даются следующие рекомендации по правописанию:

- Собственные имена, ставшие нарицательными, пишутся со строчной буквы, например: *альфонс, держиморда, донжуан, ловелас, ментор, меценат, ванька* (прозвище извозчика в дореволюционной России), *ванька-встанька* (игрушка).
- Сохраняется написание с прописной буквы, если фамилия, употребленная в нарицательном значении, не переходит в разряд существительных нарицательных, например: *Мы... твердо были уверены, что имеем своих Байронов, Шекспиров, Шиллеров, Вальтер Скоттов* (Белинский).
- Но если индивидуальные названия людей употребляются в презрительном смысле как родовые обозначения, то они пишутся со строчной буквы, например: *презренные носке и шейдемань* (предатели социал-демократы), *квислинги* (коллаборационисты). [Розенталь 1986: 306].

Следует отметить, что точные критерии уже свершившегося или еще не закончившегося перехода прецедентных антропонимов в разряд имен нарицательных не определены, а «презрительность смысла» не относится к числу точных критериев.

Анализируемые ниже признаки антропонимов, используемых в современных газетных текстах, не вполне однородны, они могут быть факультативными или вариантными, но это не препятствует их рассмотрению в качестве дополнительных критериев прецедентности.

1. Графический критерий (использование строчных и прописных букв). В современных публицистических текстах прецедентные антропонимы, восходящие к именам собственным, пишутся то с прописной, то со строчной буквы. Использование прописной буквы свидетельствует о том, что соответст-

вующее существительное воспринимается автором как имя собственное. Ср.:

*За счет наших детей, пенсионеров, ветеранов труда и войны мы растили **Арафатов**, кредитовали **Саддамов Хуссейнов**. У нас и до сих пор, что ни план — то «громадьё». Мы еще не расселили коммуналки, не накормили беспризорников, а рвемся возводить показушные «сити» или строить «либеральную империю» (Костиков В. Вожди без пьедесталов). Дайте нам 20 лет покоя. **Без Шариковых**, без истерик. Вы не узнаете Россию — мы будем жить лучше, чем в Европе (Немцов Б. Интервью).*

Несомненным признаком специфического использования антропонима служит его написание со строчной буквы, свидетельствующей о том, данное имя может быть использовано для обозначения различных людей, обладающих соответствующими качествами. Ср.:

*Наша страна и без того потеряла двадцать лет исторического времени, миллионы населения, гигантские территории и зоны влияния — и все ради чего? Ради того, чтобы **абрамовичи** и уже с ними покупали себе недвижимость на Британских островах и Лазурном берегу? (Коньков Н. Голос — за «Родину» // Завтра. 2006. № 1). Россия — родина слонов, **жириновских и шандыбиных**) (Устюжанин В. Название заметки в газете «Комсомольская правда»).*

Интересно, что газета «Комсомольская правда» в тексте интервью с саратовским губернатором использует то прописную, то строчную букву для обозначения людей, подобных герою пьесы М. А. Булгакова. Ср.:

*— У меня, вслед за Столыпиным, на великого писателя Толстого зуб имеется. Сказав однажды, что земля — достояние Бога, он своим авторитетом благословил в России всяких **Швондеров**, которые и сейчас орут под ухом, что земля — это мать, а матерью не торгуют. А что, отцом-хлебом, торговать, значит, можно?*

— Это кто такие, по-вашему, сельские *швондеры*?

— *Швондер* — это как Емеля на печи: бездельник с гармошкой, но только еще и с наганом. Слава богу, в роду Аяцковых лодырей и *швондеров* не было (Аяцков Д. За это пространство я отвечаю!).

Нетрудно заметить, что в рассмотренных контекстах прецедентные антропонимы, употребленные «в презрительном смысле», о котором пишет Д. Э. Розенталь [1986], напечатаны с использованием как строчных, так и прописных букв.

2. Морфологический критерий (использование форм единственного и множественного числа, суффиксация, трансформация грамматического рода и др.). В соответствии с общими закономерностями русского языка имена собственные, как правило, могут использоваться только в форме единственного числа, тогда как большинство имен нарицательных способно изменяться по числам. В форме единственного числа эпизодически употребляются и прецедентные антропонимы, но сам по себе этот факт не является показателем отсутствия смысловых преобразований и принадлежности слова к числу имен собственных. Ср.:

Демократия — это «щит» и для самих силовиков, прививка от соблазна поучаствовать в «играх власти»». Гарантия того, что после очередной смены «кучмы» их не поволокут на майдан и не найдут, как Кравченко, в служебной пристройке с пулей в затылке (Костилов В. Азбука для «особистов»). Выход здесь я вижу один: для того, чтобы в судебном процессе стороны были представлены равноправно, наше государство должно в законодательном порядке обеспечить сбор доказательств как «за», так и «против». Иными словами, должны работать как бы два следственных механизма — *Жеглов и Шарапов* должны снова работать вместе (Полуян П. Осудить нельзя помиловать).

Специальные наблюдения показывают, что при рассматриваемых смысловых преобразованиях прецедентные антропони-

мы значительно чаще используются в форме множественного числа. Ср.:

Накануне Победы горстка «детей Арбата» пишет «саги», снимает «штрафбаты». Опираясь на путинское телевидение, спуская с поводков «радзинских», «розовских» и «радзиховских», тищится в очередной раз вбить кол в сталинизм (Проханов А. Сталин не бронза, а скорость света).

Употребление формы множественного числа акцентирует переход антропонима в разряд имен собственных, возможность его использования по отношению к различным людям. Вместе с тем иногда встречаются очень близкие по смыслу высказывания, которые отличаются друг от друга именно тем, формы какого числа используют авторы. Ср.:

В результате ошибок вождей Россия почти на сто лет сошла с магистрального пути европейского развития. Где наши Черчилли, де Голли, Рузвельты, Дэн Сяопины? Почему все наши вожди на исторической дистанции проиграли «забег» и оказались политическими банкротами? (Костиков В. Куда ведут амбиции лидеров). К несчастью, у нас не оказалось своего Дэн Сяопина, как и своего Людвиг Эрхарда (Бурлацкий Ф. Сталин и Мао видят нас).

Как показывают данные примеры, при написании прецедентных антропонимов, употребленных в формах множественного числа, используются как строчные, так и прописные буквы.

Крайне редко, но встречаются случаи, когда показателем метафоричности становится изменение рода прецедентного имени. Ср.: *Наконец-то высветился Данко, который выведет заблудшую Россию из тьмы. Вернее — «высветилась». Ради торжества справедливости Ирина Муцуовна Хакамада готова вырвать сердце из груди. Новоявленная Данка вчера призвала голосовать за себя на президентских выборах «как за символ некоего мужества и готовности к борьбе» (Баюн Е., Галимова Н. // Московский комсомолец. 2004. 15 янв.).*

В данном контексте речь идет об Ирине Хакамаде, которая, будучи кандидатом в президенты, обещала, подобно герою А. М. Горького, повести страну даже ценой самопожертвования.

В другом случае фольклорная Баба-яга становится «коварным БАБой-ягой». Ср.: *Вся история, связанная с пропажей Ивана Рыбкина, за развитием которой с волнением и интересом следили российские граждане весь минувший месяц, на проверку оказалась интригой, состряпанной главным интриганом современности Борисом Березовским. <...> Видимо, ностальгируя в туманах Альбиона, он придумал сюжет вполне в духе русских народных сказок. С хрестоматийными персонажами — простодушно-хитроватым **Иванушкой-дурачком**, **коварным БАБой-ягой**, **соловьями-разбойниками** украинско-чеченской национальности... Зато финал сказки оказался нетрадиционным. Иванушка, нутром почувствовав коварные замыслы **БАБа-яги**, не бросился бежать сломя голову, а вернулся в избушку на курьих ножках, что стоит недалеко от Лондона* (Сергеев Ю. // Комсомольская правда. 2004. 3 марта).

В данном случае обозначение Иванушка-дурачок употребляется применительно к кандидату в президенты И. П. Рыбкину, а Б. А. Березовский в соответствии первыми буквами имени, фамилии и отчества становится «БАБой-Ягой» мужского рода. Подобные трансформации создают эффект языковой игры и способствуют эмоциональному воздействию на читателей.

В соответствии с общими принципами когнитивной лингвистики, помимо использования множественного числа, к морфологическим признакам акцентирования прецедентности можно отнести также случаи аффиксации (*хлестаковицина*, *обломовщина*, *наполеончик*), в том числе связанные с частеречными преобразованиями (например, *стахановский*, *по-сталински*).

3. Пунктуационный критерий (использование кавычек).

Еще одним свидетельством использования прецедентного имени в качестве культурного знака, лишь косвенно связанного с носи-

телем соответствующего имени собственного, могут служить кавычки, которые подчеркивают использование слова в каком-то необычном смысле. Ср.:

Нынешняя война либералов с властью — это путь маргинализации демократического движения. Да и не годятся наши оранжевые «немцовы» на роль плакальчиков за Россию (В. Костиков. Догоняющая демократия). Главные спонсоры «демократической оппозиции» — павшие олигархи Березовский, Невзлин. «Человеческая обида» этих «графов Монте-Кристо» вполне понятна. Но это — их личные проблемы (Л. Радзиховский. Идущие вместе).

В других случаях авторы газетных текстов не считают необходимым использовать кавычки для выделения прецедентных антропонимов, что в целом не мешает правильному восприятию их смысла. Ср.:

*Есть люди, навсегда потерянные для партнерства. У фальшивых либералов и настоящих фашистов все больше общего. Ничего удивительного. О таких писал еще Достоевский. И сегодня все эти **Смердяковы и Лямины** приятно проводят время в разного рода комитетах по ожиданию восьмого года, где проповедуют целесообразность поражения собственной страны в войне с террором. Бог им судья (В. Сурков. Путин укреплает государство).*

Показательно, что в заголовке опубликованной «Комсомольской правдой» статьи В. Баранца «*Нам нужны новые **Штирлицы!***» прецедентный антропоним напечатан без кавычек, но в тексте этой статьи тот же антропоним приводится в кавычках: *Пока же на боевом счету наших спецслужб наберется немного удачных агентурных операций, связанных с внедрением чеченских «**Штирлицев**» в штабы террористических бандформирований.*

Следует отметить, что в преобладающем количестве случаев прецедентные антропонимы употребляются в тексте без ка-

вычек (соответствующие примеры представлены в настоящей статье при рассмотрении всех иных критериев акцентирования неденотативного употребления соответствующих имен).

4. Синонимический критерий (представление имен собственных как однотипных по семантике, образование контекстуальных синонимов). Показателем неденотативного использования прецедентных антропонимов часто служит необычное отождествление их семантики с семантикой иных антропонимов. Ср.:

Чубайс — это базовый элемент системы в стране. Вроде Энгельса у коммунистов. Маркс у них — Гайдар. Энгельс — это Чубайс. Ленин — Горбачев. Ельцин — Сталин. Если вытащить базовый элемент, система зашатается (Митрофанов А. Интервью газете «Комсомольская правда»). *Психологически Путин — это Штирлиц, достигший своей мечты: стать фюрером. Только у Штирлица был Центр, куда можно было направлять радиогаммы, и приближающаяся Красная Армия. А что есть у Путина?* (Хазин М. Хозяин и работник). *Эдуард Лимонов, потенциальный Робеспьер «ситцевой» революции, принял меня соответственно — в типовой квартире подпольщика* (Ворсобин В. Вожди льготного бунта).

Такое использование показывает, что один человек способен выполнять те или иные функции совсем иного человека, что эти люди в чем-то похожи. Отметим, что в подобных контекстах, как правило, есть указания на то, по каким именно признакам политические лидеры отождествляются с деятелями прошлого или персонажами произведений литературы и искусства: например, *Робеспьер ситцевой революции; Штирлиц, достигший своей мечты*.

5. Атрибутивный критерий (использование определений, подчеркивающих нетрадиционность смысла определяемого имени). В подобных случаях при прецедентном антропониме имеется определение, которое свидетельствует о том, что соот-

ветствующее имя использовано в особом смысле. В качестве указанных определений могут использоваться, в частности, такие прилагательные и местоимения, как *новый, современный, русский, наш, свой* и другие. Ср.:

*«Набравшая 4% голосов Хакамада находится в прострации. Борис Абрамович прибыл из Лондона, чтобы вывести ее из критических дней и оплодотворить новыми идеями», — намекнули в окружении русско-японской Жанны д'Арк (Апрелев П. Ведьмы выходят из-под контроля // Вечерний Екатеринбург). Березовскому выгодна смерть ТВ-6. Он понимал, что канал не удержать, но сделал все, чтобы эпатировать публику и власть. Теперь он политический изгнанник, мученик, **новый Троицкий** — это гарантирует ему свободу и финансовую активность на Западе (Проханов А. Березовскому выгодна смерть ТВ-6 // Завтра). Так вот, действительность выглядит совершенно иначе. В 80-х годах в КНР активно проводилась политическая перестройка и либерализация по советскому образцу. В КНР были и **«китайский Горбачев»**, и даже **«китайский Ельцин»** (В. Лещенко. Взгляд на Китай, где ГКЧП победил).*

Представление современных отечественных политиков как имеющих своего рода прототипы в иных странах или эпохах (а также иные подобные преобразования семантики) позволяет провести важные аналогии и обладает значительным прагматическим эффектом.

6. Темпоральный критерий (использование имени собственного в необычном темпоральном контексте, представление деятелей прошлого как ныне живущих или даже способных воскреснуть). В подобных контекстах фамилии политических лидеров прошлого используются в контексте будущего или настоящего времени, что предопределяет неденотативность речевого смысла соответствующих антропонимов. Ср.:

Мобилизация народа неизбежна. Дух не может дремать бесконечно. Россия грезит вождем. Он будет велик, прозорлив и

добр. Будет Сталиным и Сергием Радонежским, Петром Великим и Николаем Федоровым. Пушкиным и Королевым. Он среди нас. Ищите его по нимбу вокруг головы (Проханов А. Переводная статья газеты «Завтра»). *Если я не выиграю эти выборы, у нас в 97-м году все равно будет переворот. Потому что народ хочет Сталина. И я народу говорю: «Хотите? Я буду Сталиным! Но без ГУЛАГа и массовых репрессий» Психологически людям это приятно. Если увижу сопротивление, перейду к репрессиям* (Жиринский В. В. Я давно в конфликте с обществом).

Обозначение современных политических лидеров при помощи метафорического использования имен людей, прославившихся в других исторических условиях позволяет провести знаменательные параллели и обладает значительной воздействующей силой.

7. Ссылки на источники прецедентности. Обращает на себя внимание тот факт, что в одних случаях прецедентные феномены используются в публицистических текстах без каких-либо ксенопоказателей, тогда как в других случаях в тексте присутствуют те или иные сведения об источниках прецедентности. Это может быть указание на название художественного текста или его автора, на историческую эпоху или социальное положение политического деятеля. Ср.:

(1) *Так что БАБ все больше становится похож на Фирса из «Вишневого сада» А. П. Чехова. Пришли новые олигархи — и старый больше не нужен. Демонизированная фигура окончательно отлучена от российской политики* (Угланов А. Березовский атакует российский трон // Аргументы и факты. 2003. № 24).

(2) *Главные спонсоры «демократической оппозиции» — напавшие олигархи Березовский, Невзлин. «Человеческая обида» этих «графов Монте-Кристо» вполне понятна. Но это — их личные проблемы* (Радзиховский Л. Идущие вместе // Российская газета. 2005. 27 марта).

В первом случае автор использует для характеристики Б. Березовского прецедентное имя *Фирс* и, видимо не надеясь, что читатели сразу поймут, какой Фирс имеется в виду, упоминает название пьесы и ее автора. Во втором случае автор называет Березовского (а также Невзлина) «графом Монте-Кристо» и не считает необходимым напомнить читателям, кто автор соответствующего произведения и тем самым актуализировать в сознании читателей признаки, которые объединяют французского аристократа и российского олигарха.

Проведенные наблюдения показывают, что наиболее известные прецедентные имена, как правило, используются без каких либо уточнений. Если же автор не до конца уверен, что соответствующее имя относится к числу широко известных читателям, то он использует те или иные способы актуализации прецедентного имени. Можно предположить, что одной из функций ксенопоказателей в подобных контекстах является именно акцентирование неденотативного употреблений прецедентных феноменов, то есть использования их как своего рода культурных знаков, символов определенных личностных качеств.

Специальный анализ свидетельствует, что во многих случаях в контексте присутствует не один, а сразу несколько элементов, свидетельствующих об использовании соответствующего прецедентного феномена в неденотативном значении. Ср.:

*Накануне Победы горстка «детей Арбата» пишет «саги», снимает «штрафбаты». Опираясь на путинское телевидение, спуская с поводков «радзинских», «розовских» и «радзиховских», титится в очередной раз вбить кол в сталинизм (Проханов А. Сталин не бронза, а скорость света). Зашевелились и всплыли на телеэкране, казалось бы, позабытые **немцовы с хакамадами** и даже жгучая брюнетка Новодворская прошепелявила что-то с какой-то там наспех сколоченной трибуны. Экранное явление этих политических теней в высшей степени симптоматично (Владов П. Призраки).*

В первом контексте к числу признаков использования прецедентных имен в нарицательном значении относятся их написание со строчной буквы, использование формы множественного числа и кавычек. Во втором случае фамилии известных российских политиков употреблены в форме множественного числа и написаны без использования заглавных букв.

Вполне возможно, что рассмотренный в настоящей статье перечень показателей неденотативного актуального смысла прецедентных антропонимов не является законченным, однако представленный материал показывает, что при внимательном анализе контекста в нем нередко можно обнаружить формальные (орфографические, пунктуационные, морфологические, семантические, лексические и иные) знаки того, в каком именно смысле используется соответствующий культурный знак. При отсутствии указанных показателей в непосредственном окружении имени собственного следует обратиться к широкому контексту и дискурсивным характеристикам соответствующего текста.

Материалы данного исследования свидетельствуют также о том, что в нашем правописании пока не сложились строгие правила оформления прецедентных антропонимов при их использовании в неденотативном значении. Одни авторы пишут указанные антропонимы со строчной буквы, а другие — с прописной. Некоторые журналисты в подобных случаях используют кавычки, но другие не считают это необходимым. В отдельных случаях подобные антропонимы используются в форме единственного числа, тогда как в других текстах отдается предпочтение другим формам множественного числа. В существующих толковых и орфографических словарях рассмотренные существительные представлены крайне редко, а имеющиеся в словарях общие рекомендации по правописанию не в полной мере соответствуют существующей в СМИ практике.

Рассмотренные в проведенном нами исследовании факты свидетельствуют о том, что в настоящее время правописание

прецедентных антропонимов можно отнести к числу вариантных. Вместе с тем можно заметить, что чем более общеизвестным и высокочастотным становится тот или иной антропоним, тем выше вероятность его написания со строчной буквы, в форме множественного числа и без использования кавычек. Определенное влияние на предпочтение написания со строчной буквы может оказать и наличие в контексте негативной эмоциональной оценки соответствующих людей, однако и в этом случае рекомендации словарей не полностью соответствуют практике, существующей в современных печатных СМИ.

Итак, рассмотренный в настоящей главе материал показывает, что проблемы метафорического использования имени собственного являются предметом рассмотрения специалистов, принадлежащих к самым различным направлениям лингвистики, философии, логики, литературоведения, антропологии и иных гуманитарных наук.

Имеющийся в лингвистике опыт свидетельствует, в частности, о высокой эффективности рассмотрения прецедентности в рамках отдельных дискурсов, а поэтому достаточно перспективно исследование закономерностей прецедентности, характерных для дискурса массовой коммуникации.

Давние дискуссии о семантике и функционировании пока не привели к формированию единой точки зрения на специфику имени собственного, поскольку многие считают, что у имени собственного нет лексического значения. Однако более оправданным представляется мнение о том, что лексическое значение существует у всех знаменательных слов, но характер этого значения у имен собственных совершенно иной, чем у имен нарицательных. В соответствии с этой точкой зрения у прецедентных имен могут быть обнаружены дифференциальные признаки, подобные тем, которые выделяются у имен нарицательных.

Различия между метафорическими и неметафорическими вариантами использования имен связаны с тем, что в первом

случае слово связано с традиционным денотатом (референтом), а во втором — с совершенно иным денотатом (референтом), который имеет какие-то однотипные с первым признаки.

Существует несколько научных направлений, в центре внимания которых находится специфика использования имен собственных в традиционном и метафорическом (денотативном и коннотативном) значении. В рамках настоящей монографии признано целесообразным взять за основу теорию прецедентности, что, разумеется, не препятствует признанию достижений иных направлений — грамматического, риторического, литературоведческого, контекстного, метафорического, интертекстуального и др.

При выявлении прецедентных имен могут быть использованы графические, пунктуационные, морфологические, синтаксические, лексические и иные критерии, главным из которых являются широкий контекст и дискурсивные характеристики существования соответствующего текста.

В целом уже существующие публикации, посвященные рассматриваемым в данной главе вопросам, позволяют опереться на достаточно надежный теоретический фундамент, однако в области теории прецедентности и практики ее исследования еще осталось немало «белых пятен» и дискуссионных проблем. К числу наиболее перспективных направлений исследования прецедентности относятся, в частности, проблемы классификации прецедентных феноменов и закономерности реализации прецедентных феноменов в тексте и дискурсе.

ГЛАВА

2

ТИПОЛОГИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН

Опыт изучения прецедентности показывает, что проведенные на однотипном материале исследования могут значительно различаться между собой в зависимости от аспекта исследования, задач автора и научной школы, к которой он принадлежит. Основная цель настоящей главы — выделение возможных направлений классификации и описания прецедентных феноменов, используемых в современной массовой коммуникации.

2.1. Принципы классификации прецедентных имен

Нетрудно заметить, что та или иная классификация представлена едва ли не в каждом исследовании, посвященном прецедентности. Вместе с тем обзор существующих публикаций свидетельствует о многообразии возможных оснований для указанной классификации. Различия в выборе принципов классификации зависят также от цели и задач исследования, рассматриваемого материала, научной школы, к которой принадлежит автор, и ряда иных факторов.

Всякое рассмотрение прецедентных феноменов закономерно начинается с определения их сущности и характеристики их основных типов. В настоящее время наиболее широко используется классификация Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, В. В. Красных и Д. В. Багаевой [1997], которые предложили разграничивать следующие виды прецедентных феноменов: прецедентные имена, прецедентные названия, прецедентные высказывания, прецедентные тексты. Дискуссионным остается вопрос о принадлежности к рассматриваемому классу фразеологизмов.

Во многих исследованиях разграничиваются прецедентные феномены вербального и невербального характера. Так, в диссертации А. А. Евтюгиной рассматриваются не только вербальные, но музыкальные прецедентные знаки [Евтюгина 1995]. Особенно детальная классификация невербальных прецедентных единиц представлена в диссертации Ю. Б. Пикулевой, которая посвящена использованию прецедентных культурных знаков в телевизионной рекламе, где обнаружены такие невербальные феномены, как узнаваемые голоса, музыкальные цитаты, культурно значимые предметы вещного мира, типовые жесты, поведенческие формулы, ритуалы и др. [Пикулева 2003]. Показательно, что еще в 1987 году Ю. Н. Караулов отмечал, что элементы интертекстуальности способны присутствовать во всех сферах, связанных с передачей какой-либо информации [Караулов 1987].

Чаще всего за основу для классификации принимаются понятийные сферы-источники, к которым принадлежат прецедентные феномены в своих основных значениях (литература, театр, политика, кино, спорт, музыка, наука, субкультура и др.). Подобные классификации предлагают О. А. Ворожцова [2007], Ю. А. Гунько [2002], Е. А. Земская [1996], Г. Г. Слышкин [2004], Р. Л. Смулаковская [2004], А. Е. Супрун [1995], С. Л. Кушнерук [2006] и многие другие специалисты. Возможно также разграничение в качестве сфер-источников классической культуры и субкультуры [Долевец 2005], авторских текстов и фольклора [Земская 1996 и др.].

Значительно реже встречаются исследования, в которых за основу для классификации принимаются понятийные сферы-мишени, к которым принадлежат прецедентные феномены в своих вторичных значениях. Это могут быть такие сферы, как реклама, спорт, политика, наука, СМИ и др. [Нахимова 2004, 2005]. Обычно исследователи ограничиваются в своих публикациях лишь какой-то одной сферой: так, С. Л. Кушнерук [2006]

исследует рекламный дискурс, О. А. Ворожцова [2007] — предвыборный дискурс, Ю. А. Гунько [2002] — бытовой дискурс, Е. А. Земская [1996] — современную прессу, А. А. Моисеев [2005] — рок-поэзию, Г. Г. Слышкин [2004] — смеховой дискурс.

В процессе исследования нередко разграничиваются, с одной стороны, прецедентные феномены, которые используются без каких-либо изменений, и прецедентные феномены, которые переживают те или иные смысловые или структурные трансформации (Е. А. Земская, А. Е. Супрун, О. А. Солопова, М. Ю. Илюшкина, О. С. Боярских, Р. Л. Смулаковская и др.).

В публикациях О. А. Ворожцовой, Д. Б. Гудкова и С. Л. Кушнерук представлена дифференциация контекстов, в которых наблюдаются денотативное (экстенциональное) и коннотативное (интенциональное) использование прецедентных имен.

В исследованиях Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, С. Л. Кушнерук, Н. В. Немировой, Р. Л. Смулаковской детально рассмотрена классификация по характеру взаимодействия различных видов прецедентных феноменов друг с другом. В процессе такого исследования, в частности, рассматриваются механизмы построения и развертывания прецедентных цепочек, в которых один прецедентный феномен актуализирует другой.

Важное место в публикациях В. В. Красных, Г. Г. Слышкина и ряда других авторов занимает подразделение прецедентных феноменов по характеру прецедентности (в зависимости от степени известности в различных странах, социумах и др.). В этом случае выделяются феномены глобально прецедентные (например, прецедентные имена *Дон-Кихот*, *Отелло* и *Наполеон Бонапарт* известны в самых различных странах), национально прецедентные (это феномены, которые активно используются преимущественно в одной стране) и социумно прецедентные (феномены, которые не имеют общенациональной известности, но популярны в некоторых социальных, профессиональных, воз-

растных или иных группах); возможны также прецедентные феномены, известные лишь в малых группах, например, в отдельной семье. Г. Г. Слышкин противопоставляет также прецедентные феномены, остающиеся известными на протяжении многих веков, и прецедентные феномены, которые попадают в центр внимания общества лишь на короткий период времени.

В рамках еще одной классификации Н. А. Кузьмина противопоставляет две группы текстов. К первой из них относятся **«сильные тексты»**, которые «испытаны временем и присутствуют в национальной культуре на протяжении жизни более двух поколений» (это преимущественно литературная классика, религиозные книги, имена и события, надолго остающиеся в народной памяти). Во вторую группу входят **«ключевые тексты текущего момента»**, обращение к которым чрезвычайно активно в очень короткое время (реклама, шлягеры, телесериалы, политические и рекламные слоганы и т. п.). [Кузьмина 2004]. При всей условности границ между названными типами прецедентных феноменов и сложности конкретной дифференциации названная классификация отражает достаточно важные свойства

В ряде публикаций основой для классификации становятся способ указания на источник прецедентности (маркер) или же отсутствие таких указаний (Н. С. Бирюкова, О. А. Ворожцова, Е. В. Михайлова, Е. А. Нахимова и др.). В частности, выделяются такие маркеры прецедентности, как библиографическая ссылка, ссылка на автора, расширенная ссылка на автора, ссылка на название произведения, двойные ссылки, неопределенные ссылки, другие виды ссылок на источник, использование лексических и грамматических показателей не вполне традиционного смысла имени и графическое указание на прецедентность.

Значительно реже встречаются исследования, которые ориентированы на классификацию прецедентных имен по историческому периоду, к которому они относятся [Кушнерук 2006], по национально-культурной принадлежности соответствующих

прецедентных феноменов [Кушнерук 2006; Боярских 2007]. В этом случае обычно противопоставляются прецедентные имена отечественного и зарубежного происхождения, а в последнем классе дифференцируются имена, принадлежащие к различным национальным культурам (американская, британская, немецкая, французская, японская и др.).

В классификации Е. Г. Ростовой [1993], созданной для методических целей, по критерию «источник возникновения» выделяются пять групп прецедентных текстов: 1) тексты, возникшие на русской культурной почве: русские фольклорные произведения, художественные авторские тексты или цитаты из них, имена персонажей, анекдоты, лозунги и т. п.; 2) инокультурные и иноязычные знаменитые цитаты, названия, изречения; тексты, написанные на иностранных языках, без перевода или с частичным переводом; 3) русские тексты, возникшие на основе иностранных; русские ПТ, причиной создания которых послужили общеизвестные, знаменитые факты и события истории и культуры других стран; 4) тексты, возникшие на основе международных «бродячих сюжетов» (преимущественно сказки); 5) тексты, возникшие на основе общечеловеческих ПТ (в первую очередь, библейские сюжеты и мифы Древней Греции) [Ростова 1993: 7—15].

Можно предположить, что обнаруженные различия объясняются, с одной стороны, тем, что рассматриваются различные виды дискурса (научный, художественный, медийный, бытовой, политический, художественный и др.), а с другой — особенностями методов исследования и задач, которые ставят перед собой авторы.

Следует отметить, что значительный интерес могут представлять и отсутствующие пока классификации по гендерным, профессиональным и возрастным характеристикам прецедентных имен, по характеру источниковому онима (антропоним, топоним, астроним и др.).

Отдельную группу могут составить классификации, ориентированные на базисные когнитивные структуры (стереотипы, оппозиции, элементы картины мира и др.), которые находят внешнее выражение в соответствующих прецедентных именах.

В данной главе представлено описание прецедентных имен, основанное на последовательной многомерной классификации соответствующих феноменов по нескольким основаниям, которые воспринимаются как наиболее значимые на настоящем этапе развития науки.

Предварительным этапом такой работы должно быть рассмотрение места прецедентных имен в общем составе прецедентных феноменов, то есть сопоставление прецедентных имен с прецедентными высказываниями, текстами и событиями.

На первом этапе классификации предполагается рассмотреть виды прецедентных имен с точки зрения классификации онимов. По этому основанию можно выделить, в частности, следующие подгруппы: антропонимы, топонимы, названия событий, названия литературных, музыкальных, научных и иных произведений.

На втором этапе исследования предполагается рассмотреть виды ономастической метафоры с точки зрения классификации ментальных сфер-источников. С этой точки зрения выделяются, в частности, следующие ментальные сферы: литература, театр, политика, музыка, наука, война, и т. п.

На третьем этапе исследования предполагается изучение сфер-мишеней метафорической экспансии имен собственных. Классификация этих сфер во многом близка к понятийной классификацией дискурса массовой коммуникации. Соответственно выделяются такие сферы-мишени, как политика, экономика, спорт, технологии. Материалом для детального изучения в соответствующем разделе настоящей главы послужит политический дискурс и его важная составная часть — президентский дискурс.

2.2. Прецедентное имя в общем континиуме прецедентности

В соответствии с наиболее авторитетной современной концепцией прецедентности разграничиваются следующие виды прецедентных феноменов: прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты и прецедентные ситуации [Гудков, Захаренко, Красных, Багаева 1997]. Авторы концепции дают следующие определения.

1. Прецедентная ситуация, которая понимается как «некая «эталонная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу; означающим прецедентных ситуаций могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя (например, *Ходынка*, *Смутное время*) или непрецедентный феномен» [Красных 2002: 47]. Прецедентные ситуации в русском языке очень часто метонимически обозначаются через указание при помощи указания на место, где произошло соответствующее событие. Так, *Чернобыль* — это не только город, но и колоссальная экологическая катастрофа. Соответственно *Беслан* — это террористический акт, в результате которого погибли сотни детей, а *Кондопога* — это еще и образное обозначение межнациональных конфликтов.

2. Прецедентный текст, который понимается как «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли) предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу... К числу прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы (например, *Евгений Онегин*», *«Война и мир»*), тексты песен, рекламы, анекдотов, политические публицистические тексты и т. д. [Там же: 47—48]. Название некоторых широко известных текстов могут использоваться метафорически. Например, *Одиссея* — это образное обозначение длительного и опасного путешествия.

3. Прецедентное имя, которое понимается как «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, *Печорин*, *Теркин*), или с прецедентной ситуацией (например, *Иван Сусанин*); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени; может состоять из одного (например, *Ломоносов*) или более элементов (например, *Куликово поле*, *Летучий голландец*), обозначая при этом одно понятие» [Красных 2002: 48]. Именно прецедентные имена стали основным предметом рассмотрения в настоящей монографии. Некоторые прецедентные имена имеют яркие признаки — атрибуты, которые делают соответствующий образ более ярким и нередко используются метафорически. Ср.: *Не хочется каркать... Но при виде встрепёнувшихся политиков, копающих «нужное русло» для праведного гнева несчастных стариков, меня замучил простой вопрос: а кто сейчас в очереди на роль всероссийского бунтаря крайний? Неужели кто-то примеривает **рясу попа Гапона**, **кепку Ленина** и — чем черт не шутит — **шарф Ющенко**? И как далеко может зайти этот тип? И я пошел на поиски революционеров. ...Не стал оригинальничать. У коммунистов, думал я, наверняка уже есть **Смольный*** (Ворсобин В. Вожди льготного бунта // Комсомольская правда 2002. 2 февр.). *Чтобы заслужить благоволение американских властей, нужно прослыть защитником свободы и прав человека, «личным врагом диктатора». Вот Борис Абрамович и **примеривает шинель Льва Троцкого*** (Костиков В. // Аргументы и факты. 2001. № 36). Отметим, однако, что чаще, говоря о Троцком, вспоминают его *пенсне*, тогда как *шинель* (а также *трубка*) часто используется как атрибут Сталина. Выделенные прецедентные атрибуты (*ряса*, *кепка*, *шарф*, *шинель* и др.) делают соответствующие образы более наглядными и привлекают внимание читателей.

4. Прецедентное высказывание, которое понимается как «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу; последний всегда «шире» простой суммы значений; в когнитивную базу входит само прецедентное высказывание как таковое. К числу прецедентных высказываний принадлежат цитаты из текстов различного характера (например, *Не спится, няня! Кто виноват? Что делать? Ждем-с!*), а также пословицы (например, *Тише едешь — дальше будешь*)» [Красных 2002: 47]. Прецедентное высказывание нередко характеризует прецедентную ситуацию (ср. *Народ безмолвствует*) или включает прецедентное имя (ср. *Партия и Ленин — близнецы-братья*).

Как справедливо показывает Д. Б. Гудков, центром категории прецедентности вполне может быть признано прецедентное имя, при помощи которого нередко обозначаются прецедентные тексты и прецедентные ситуации.

Дискуссионным продолжает оставаться вопрос о принадлежности к числу прецедентных феноменов некоторых других единиц, в том числе фразеологизмов (особенно паремий) и метафорических моделей. Наиболее последовательным сторонником причисления метафорических моделей к числу прецедентных феноменов является Н. А. Кузьмина, в монографии которой этому виду прецедентности посвящена специальная глава [Кузьмина 1998]. Как мы уже отмечали ранее, метафоричность и прецедентность — это очень близкие, но в то же время достаточно самостоятельные явления, которые нередко пересекаются, что не мешает их автономности [Нахимова 2004].

Как отмечает А. Е. Супрун, взаимоотношения фразеологизмов и текстовых реминисценций очень сложны, и «есть достаточно оснований думать, что некоторые пословицы и поговорки возникли тоже из текстовых реминисценций, но затем предше-

ствующие тексты были забыты» [Супрун 1994: 26]. Фразеологизмы представлены как разновидность прецедентных феноменов в целом ряде публикаций [Алексеев 2003; Пикулева 2003; Смулаковская 2004 и др.]. Такая позиция имеет известные основания, поскольку прецедентные феномены, как и фразеологизмы, относятся к числу единиц, воспроизводимых в речи.

В настоящем исследовании за основу принята наиболее известная концепция, в соответствии с которой основу прецедентности составляют четыре вида феноменов — имена, ситуации, высказывания и тексты [Гудков и др. 1997].

2.3. Прецедентные онимы

В современной ономастике разграничивается несколько видов онимов — антропонимы, зоонимы, топонимы, астронимы, урбонимы, названия событий, кораблей и др. Поскольку основная проблематика массовой коммуникации — это человеческая деятельность, то вполне закономерно, что здесь ведущее место занимает использование прецедентных антропонимов. Вместе с тем важно отметить, что подобное употребление характерно не только для антропонимов, но и для других имен собственных. Выделим другие (помимо антропонимов) группы прецедентных имен:

1. Прецедентные имена, которые обозначают художественные или иные произведения. Ср.:

Шолохов — русский Гомер, написавший «Илиаду» гражданской войны на юге России и «Одиссею», где русская душа безнадежно странствует в поисках родимого берега (Проханов А. Шолохов и «11 сентября» // Завтра. 2005. № 21).

В данном контексте названия произведений Гомера используются как обобщенные наименования эпоса, а имя их автора — как обобщенное обозначение великого писателя. Ср. также:

Бюджетные деньги будут направлены в семинарию и на постройку разрушенного в 30-х годах собора Александра Невского

го, который Аяцков назвал «**вторым храмом Христа Спасителя**, но на саратовской земле» (Оганезова С. Аяцков поможет церкви деньгами // Известия. 2002. 12 янв.).

2. Прецедентные имена, которые обозначают важные события при помощи указания на их дату. Ср.:

Конституцию можно изменить. Никто не говорит о «18 брюмера»! Но в Конституции прописана подобная процедура. (Радзиховский Л. // Российская газета. 2007. 21 апр.).

В данном случае дата переворота, совершенного Наполеоном Бонапартом во Франции, образно используется как обозначение изменения государственного устройства в России. Ср. также:

История движется. И вдруг, разрывая покровы иллюзий, случается «11 сентября», когда алюминиевые птицы Судного Часа врезаются в небоскребы. И рушатся в дыме и пламени грандиозные близнецы — Власть и Культура (Проханов А. Шолохов и «11 сентября» // Завтра. 2005. № 21).

Незадолго до сыр-бора с ЮКОСом Чубайс как раз и выступил со своим манифестом, заявив стране, что его «партия меньшинства» возглавит второй этап либеральной реформации в России. Ставки сделаны и — все эти стенания вокруг «термидора» питерцев и «второй 37-й год» — невсерьез, на публику (Попов В. // Завтра. 2003. 18 нояб.).

3. Прецедентные имена, которые обозначают те или иные события при помощи указания на место, где они произошли. Ср.:

«Осторожно, пропустите женицин», — кричала одна из сотрудниц президентской пресс-службы, пытаясь хоть как-то снять натиск напиравшей на узкую дверь толпы. Перспектива провести два часа на морозе никого из собравшихся журналистов обрадовать не могла. Казалось, еще немного, и начнется настоящая «ходынка» (Меликова Н. // Независимая газета. 2004. 13 февр.). *Вот я-то коммунистом никогда не был, вообще*

считаю, что им надо покаяться перед нашим народом за содеянное, за убитых людей, за голод на Украине, в Поволжье и так далее, но тем не менее то, что они сейчас исполняют, похлеще, чем то, что делал Доренко в 99 году (Немцов Б. // Аргументы и факты. 2004).

4. Прецедентные имена, которые обозначают объекты бизнеса — компании, заводы, банки и т. п. Ср.:

У Бушей нефтяной бизнес, и им выгодно общаться с арабами — тогда цены на нефть будут высокими. В Техасе у них там свой «Лукойл» местный или ЮКОС. С арабами они деньги зарабатывают (Жириновский В. Интервью // Аргументы и факты. 2004). Ср. также: *А чего Бушу много работать? Лето, экономика отлажена. БАМ не надо строить, Чечни у них нет* (В. Жириновский).

В устах лидера российских либеральных демократов названия крупных российских нефтяных компаний служат обобщенным наименованием нефтяных компаний, работающих в арабских странах, прецедентное имя БАМ используется как обозначение дорогой новостройки, требующей большого внимания страны.

5. Прецедентные имена, которые обозначают получившие широкую известность географические объекты. Ср.:

Чуть поодаль расположен езидский Ватикан — священный город Лалеш, где живут посвященные и куда со всего мира стекается паства с богатыми дарами (Султанов Э. Путешествие по Месопотамии // Завтра. 2006. № 1). *Я думаю, что Петербург вполне может стать российским Гонконгом — свободной экономической зоной с особым режимом* (интервью В. Матвиенко «Петербург — северный Гонконг» // Аргументы и факты. 2005).

В данном случае город, который считается священным в соответствии с религией езидов, назван по аналогии со священным городом католиков. Соответственно быстро разбогатевший китайский город становится в устах губернатора обозначением

цели развития Санкт-Петербурга, который нередко называют также Северной Венецией..

6. Прецедентные названия стран способны служить напоминанием об исторической судьбе соответствующих государств. Ср.:

*Любые расчеты на чилийский вариант, хотя об этом вслух никто не говорит, оказались наивными и безграмотными. Пытаясь стать **Чили**, мы стали **Нигерией**: та же коррупция и та же нефть* (Хакамада И. // Независимая газета. 2004. 28. янв.).

В данном случае обозначение *Чили* выступает характеризует государство, в котором жесткая и даже жестокая власть способствует экономическому прогрессу. Соответственно *Нигерия* образно обозначает государства, в котором даже богатство недр не обеспечивает экономической устойчивости.

7. Прецедентные имена, которые восходят к названиям кораблей. Самое известное и самое частотное подобное имя — «Титаник». Название корабля, погибшего в результате столкновения с огромным айсбергом, в современных СМИ часто используется для образного обозначения катастроф, которые происходят не только с кораблями. Ср.:

***Титаник** подходит к айсбергу. Раскол КПРФ возможен. Но не по-кремлевскому* (Виноградов М. // Известия. 2003. 26 дек.). *Я помню, как много лет назад разгоняли «Новый мир» во главе с Твардовским... В редакции на эту критику сначала реагировали пренебрежительно, свысока и насмешливо. Когда сообразили, что не до шуток, стали впадать в патетику, поминая осажденную **Брестскую крепость** и гордо тонувшего **«Варяга»**. Произнося при этом что-то клятвообразное* (Войнович В. // Известия. 2001. 14 апр.).

Как показывает рассмотренный материал, наиболее частотной группой прецедентных имен являются прецедентные антропонимы. Что касается второго места, то его уверенно удерживают прецедентные топонимы. Возможно, это связано с тем, что

в русской речи прецедентные топонимы способны образно обозначать самые разные события, так или иначе связанные с соответствующим городом. Рассмотрим несколько конкретных примеров.

1. Обозначение знаменитого сражения, внесшего перелом в течение войны. Ср.: *Багдад как иракский **Сталинград**. Проиграть битву за Багдад означает проиграть и всю страну в целом* (Мамаев Ш. // Политический журнал. 2007. 5 февр.).

2. Обозначение большой, богатой и авторитетной страны. Ср.: *Просто Украина решила, что она теперь **Германия или Франция** и может диктовать России правила торговли путем запугивания. Только за это можно из Евросоюза вылететь, да еще штраф хороший получить за это воровство* (Воробьев В., Горина И. Ющенко решил подстелить соломки // Российская газета. 2006. 17 янв.). Ср. также: *В свое время канцлер Коль мне сказал: «**Западная Германия** до сих пор не может переварить **Восточную**». А ведь никакой «**Западной России**» у нас нет* (Ельцин Б. Мы обречены быть вместе. Интервью // Российская газета. 2007. 20 апр.).

3. Обозначение юридического договора, который неоднозначно расценивается обществом. Ср.: *После захвата заложников в Норд-Осте был критический момент с развитием событий по варианту «**Хасавюрт — 96**»* (Тетекин В. // Советская Россия. 2003. 6 марта).

4. Обозначение важного политического события при помощи указания на улицу, площадь, здание, где оно произошло. Ср.: *Армия, МВД и органы госбезопасности в ходе реформ разрушены весьма основательно. Но «Альфа» и «Вымпел» сохранили боеспособность. И именно они спасли Россию от унижительного поражения и десятков новых «**Норд-Остов**»* (Тетекин В. // Советская Россия. 2003. 6 марта). *В Киргизии быстро обнаружился местный Ющенко и даже тянь-шаньская Тимошенко. **Майданы** запылали гневом* (В. Воробьев). *И я пошел на поиски революционеров. ...Не стал оригинальничать.*

У коммунистов, думал я, наверняка уже есть **Смольный**. ...Эдуард Лимонов, потенциальный Робеспьер «ситцевой» революции, принял меня соответственно — в **типовой квартире подпольщика** (Ворсобин В. Вожди льготного бунта // Комсомольская правда. 2005. 2 февр.).

5. Обозначение террористического акта путем указания на город, где произошли трагические события. Ср.: *Обилие в некоторых республиках ваххабитских медресе, замещение традиционных мулл ставленниками «саудитов» делают Поволжье взрывоопасным районом, который может сдетонировать при очередном **Беслане*** (Проханов А. «А в Киеве дядька...» // Завтра. 2004. № 45).

Функционирование и восприятие прецедентных имен тесно связано с особенностями национальной культуры, с традициями и ментальностью соответствующего народа. Например, сербы с особым чувством воспринимают прецедентный топоним *Косово поле*, поляки — *Освенцим*, а евреи и украинцы *Бабий Яр*. В США Ирак нередко называют *Вьетнам Буша*.

Нередко обнаруживаются и своего рода «межнациональные политические параллели», в рамках которых политическая реальность одной из стран становится сферой-источником для заимствования прецедентных феноменов, необходимых автору для описания политической реальности другого государства. В результате возникают такие обозначения, как *Российская Швейцария* или *Северный Гонконг*.

Коммуникативные смыслы подобных словоупотреблений служат основой для создания межнациональных параллелей, в рамках которых и существует международный политический интердискурс. В самых различных лингвокультурных сообществах топонимы *Монако* и *Лас-Вегас* выступают как обозначение мест, где разрешены азартные игры, название реки *Рубикон* — как символ границы, переход через которую означает кардинальные изменения; соответственно название *Бабий Яр* выступает как символ бесчеловечного уничтожения людей.

Итак, рассмотренный в настоящем разделе материал показал, что наиболее распространенный вид прецедентных имен — это прецедентные антропонимы, далее по частотности следуют прецедентные топонимы. Другие виды прецедентных имен (названия художественных и не только художественных произведений, событий, кораблей, бизнес-структур, храмов и др.) встречаются значительно реже. Поэтому именно прецедентные антропонимы будут основным предметом дальнейшего исследования.

2.4. Сферы-источники прецедентности

Существенным этапом исследования прецедентных имен является обращение к сферам-источникам прецедентности: важно определить, какие именно сферы (религия, фольклор, литература, театр, политика и др.) служат в том или ином социуме основным источником для репертуара прецедентных имен, событий, высказываний и текстов.

Рассмотрение сфер-источников прецедентности может предоставить также интересный материал как для оценки эрудиции, жизненного опыта, политических предпочтений, прагматических установок и речевого мастерства автора, так и для оценки авторского представления об аналогичных качествах адресата [Гудков, Захаренко, Красных, Багаева 1997; Ворожцова 2007; Илюшкина 2005; Косарев 2007; Кушнерук 2004; Нахимова 2004; Семенец 2004; Слышкин 2000; Смулаковская 2003; Солопова 2005; Супрун 1995 и др.].

При рассмотрении интертекстуальности в художественных произведениях обычно разграничивают литературные и социальные источники. Так, О. С. Ахманова и И. В. Гюббенет [1977], используя несколько иную терминологию, дифференцируют два вида вертикального контекста: филологический и социально-исторический. Более широкий подход представлен в моногра-

фии создателя теории прецедентных текстов Ю. Н. Караулова [1987: 216—287]. Исследователь предлагает отнести к числу прецедентных явлений не только словесные тексты, но и названия музыкальных произведений, произведений архитектуры и живописи, исторические события и имена политических лидеров, что в свою очередь увеличивает и количество возможных сфер-источников прецедентности. Несколько позднее в качестве источников текстовых реминисценций был выделен еще более широкий круг исходных сфер, среди которых Библия, античная мифология, музыка, фольклор, популярные песни, политические тексты, наука, спорт, медицина и др. [Евтюгина 1995; Супрун 1995].

При обращении к иным коммуникативным дискурсам (реклама, средства массовой информации, бытовое общение) возникает необходимость использовать еще более детализированную классификацию сфер-источников [Боярских 2007; Земская 1996; Кушнерук 2004; Слышкин 2000; Смулаковская 2004 и др.].

Представляется, что подобные рабочие классификации не претендуют на логическую безупречность: они призваны помочь читателям лучше представить ведущие источники прецедентности.

В нашем исследовании сфер-источников прецедентных имен в дискурсе массовой коммуникации, будет использована следующая рабочая классификация.

1. Социальная область, которая подразделяется на такие сферы, как политика, экономика, образование, развлечения, медицина, война, криминал, спорт.

2. Область искусств, к которой относятся такие сферы, как литература, театр и кино, изобразительные искусства, музыка, архитектура, мифология и фольклор.

3. Область науки, которая включает, в частности, следующие сферы гуманитарных и естественных знаний: математика, физика, химия, биология, история, география, филология.

4. Область религии, к которой относятся прецедентные феномены, которые восходят к религиозным текстам.

При необходимости классификацию можно сделать многомерной, то есть учесть и иные критерии. Это могут быть отечественное или зарубежное происхождение прототекста, его принадлежность к современной или классической, элитарной или популярной культуре, авторский или фольклорный характер текста, идеологические установки, оценка авторского мастерства и др.

Предметом специального рассмотрения могут быть прецедентные имена, восходящие к одному тексту или к текстам одного писателя. Такие комплексы прецедентных имен в настоящем исследовании обозначаются широко известным в когнитивной лингвистике термином «фрейм». Рассмотрим в качестве примера один из типичных и в то же время не вполне тривиальных фреймов, в основе которого лежит художественный текст.

2.4.1. Фрейм «Приключения Буратино» как источник прецедентности

В современной отечественной прессе значительное место занимают прецедентные концепты, восходящие к детской литературе. В частности, врач часто обозначается как *доктор Айболит*, милиционера называют *дядей Степой*, простодушного человека — *Незнайкой*. Достойное место в этой команде занимают герои сказки А. Н. Толстого «Приключения Буратино или Золотой ключик», образующие развернутый фрейм прецедентных феноменов.

В частности, в «Национальном корпусе русского языка», представленном в Интернете [ruscorpora.ru], содержится 133 документа (около 300 контекстов), включающих имя «Буратино» (отметим, однако, что примерно в половине контекстов имеется в виду напиток, названный по имени героя сказки, соответ-

вующая игрушка или спектакль по мотивам указанной сказки). Аналогичные материалы широко представлены и на сайтах ведущих российских газет («Известия», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Завтра», «Российская газета»). Именно эти источники и послужили предметом рассмотрения в настоящей публикации.

В современных СМИ прецедентные имена рассматриваемой группы постоянно используются для обозначения тех или иных качеств: (простодушный *Буратино* — кукла, изготовленная из полена, злобный *Карабас Барабас*, долгожительница *черепаха Тортила*, красивая кукла *Мальвина*, хитрая *лиса Алиса*, ее спутник *кот Базилио*, доблестный *пудель Артемон*, злобный и недалекий *Дуремар* и др.). Ср.: *Вспоминается история с Буратино. Деревянный парень запретил укорачивать себе нос. Это было первое его своеволие. Затем последовала череда самостоятельных поступков, от которых **папа Карло** пришел в уныние. То же самое прослеживается и в настроениях российских политических Карлов* (Лысков А. Сделано в СМИ // Завтра. 2000. 18 янв.). *Если получится Буратино, найдем среди вас **папу Карло*** (Лившиц А. Копить по-русски // Известия. 2003. 20 февр.).

Весьма показательны и параллели, которые проводят авторы современных текстов массовой коммуникации: Григорий Явлинский — *плачущий Пьеро*, Борис Ельцин — *папа Карло*, Борис Березовский — *Карабас Барабас*, Ирина Хакамада — *лиса Алиса*, Владимир Путин — *Буратино*. Одним из ярких примеров развертывания подобной метафоризации может служить следующий фрагмент из статьи Юрия Зайнашева «Наследник деревянной куклы» (Московский комсомолец. 2000. 2 апр.). Ср.:

*Буратино появился так. Вместо того чтобы работать с документами, **Мама Карла дель Понто** весь вечер столярничала. Из первого попавшегося полена ей приспичило сделать сыночка. Наследника. Имя ему Мама сочинила сразу — Буратино. **Мама Карла** очень хотела, чтобы сыночек вырос честным и*

боролся с коррупцией. Преемник бежал по тропе, зажимая березовыми ладонями пять золотых монет. Мама отрядила его купить азбуку на Западе. Но она зря надеялась. Буратино свернул с пути, указанного ему Мамой Карлой. Сделали это одnogлазый кот Базилио-Березовски и лиса Алиса-Дьяченко.

Во многих случаях прецедентные имена выступают как важная составляющая прецедентных ситуаций, то есть описанных Алексеем Толстым ситуаций, к которым обращаются авторы современных текстов в поисках источника для аналогии, способа нетривиальной оценки современных событий или инструмента для моделирования действительности.

Чаще всего авторов привлекают следующие ситуации: *Папа Карло, создавший ожившую куклу; Буратино, закопавший свои деньги на поле чудес и ожидающий урожая; кот Базилио и лиса Алиса, стремящиеся обмануть простодушного мальчика и др.* Показателен, в частности, следующий типичный пример. *В десяти метрах от контрольно-пропускного пункта, отделяющего Ставрополье от Карачаево-Черкесии, — захудалое придорожное кафе. Над входом в пункт питания краской выведено: «Поле чудес». Карачаево-Черкесская Республика сегодня, и правда, — поле чудес, где российские власти, подобно Буратино, все закапывают и закапывают деньги. И с упорством деревянного мальчика твердо верят, что совсем скоро денежки прорастут стабильностью и безопасностью. Результат, как и полагается, сказочный: Карачаево-Черкесия может стать второй Чечней* (Метелева С. Повторение Кавказа // Известия. 2002. 16 дек.).

В отдельную группу можно выделить **прецедентные атрибуты** — постоянные приметы облика героев (*длинный нос Буратино, красивые волосы Мальвины, борода Карабаса Барабаса*), а также важные для развития сюжета прецедентные **артефакты** (*золотой ключик, картина, за которой скрывалась дверца, поле чудес и др.*).

Можно предположить, что использование в текстах современных СМИ подобных прецедентных феноменов далеко не случайно. Авторы уверены в том, что сказка А. Н. Толстого хорошо знакома современным читателям, а поэтому соответствующие аллюзии будут правильно восприняты.

Если XIX век начинался с активизации прецедентных феноменов, восходящих к античности, а в прошлом веке максимально активными были прецедентные феномены, восходящие к русской классической литературе, то в наступившем веке закономерно ожидать активизации новых сфер-источников. Все отчетливее в массовой коммуникации прослеживается тенденция к сокращению аллюзий, ориентированных на знакомство с текстами классической литературы, и активизации отсылок к максимально простым и общедоступным источникам прецедентности.

Целенаправленный анализ прецедентных феноменов, функционирующих в современных СМИ, может способствовать обнаружению специфических свойств современной массовой коммуникации и выявлению тенденций в развитии медийного дискурса.

Рассмотренные примеры (а также многие другие) показывают, что ментальное поле прецедентных феноменов со сферой-источником «Детская литература» обладает широкими возможностями для использования в современных текстах. Одним из наиболее активных в названном поле оказался фрейм «Приключения Буратино». Использование названного фрейма часто носит иронический характер и позволяет выразить негативное отношение к некоторым участникам соответствующей ситуации, а также многие иные концептуальные смыслы. Вместе с тем аллюзии, связанные с детской литературой, легко воспринимаются читателями и нередко помогают автору ярко представить какие-то важные детали, образно охарактеризовать соответствующую ситуацию и ее активных участников.

Специалисты по русской культуре уже отмечали ее «литературоцентризм», высокий авторитет писателей и постоянное обращение к художественным текстам в самых различных сферах коммуникации [Кондаков 2006]. Наши наблюдения показывают, что на современном этапе развития для отечественной массовой коммуникации (а возможно, и для российской культуры в целом) особенно характерно обращение к ресурсам детской литературы и иным наиболее доступным источникам. Особенно часто аллюзии связаны с литературными текстами, популярность которых поддерживается хорошими инсценировками, широко известными песнями или римейками.

2.4.2. Концепт «Наполеон» как источник прецедентности

В настоящем параграфе в качестве своего рода примера экспансии прецедентности будут рассмотрены прецедентные имена, относящиеся к субсфере «война», которая в свою очередь принадлежит социальной сфере. В специальной литературе уже неоднократно рассматривалась специфика военной (милитарной) метафоры [Чудинов 2001; Каслова 2003; Ряпосова 2002 и др.], однако до настоящего времени не было исследований, посвященных прецедентным именам, восходящим к соответствующей субсфере. Между тем использование прецедентных имен, обозначающих участников боевых действий, весьма характерно для отечественной коммуникации. Чаще всего это герои, которые получили всенародное признание. Ср.:

А тройка этих ребят — вечная им память — погибших у Белого дома... Они не совершали подвига Александра Матросова... А этих несчастных ребят, погибших при массовых беспорядках, взяли, вознесли. И тут же, тут же забыли, естественно (Розенбаум А. Бультерьер). Тут еще идея пофигизма. Именно по всем массовым каналам. Собственно говоря, эта идеология была именно навязана американцами. Они сказали: «Нужно

сделать так, чтобы в следующей войне не было ни Матросовых, ни Гастелло, никого». Что сейчас и делают (Беседа с социологом на общественно-политические темы // ФОМ. Самара, 2003. 22 апр.). Похоже, команды брать Кабул «Сусаниными» из военного контракта, т. е. нами, мы не дождемся. То ли что-то изменилось, то ли с самого начала это не планировалось, а было лишь иллюзией, возникшей в наших головах (До и после победы // Солдат удачи, 2004).

Следует, однако, отметить, что абсолютное большинство имеющихся в наших материалах примеров относится к метафорическому использованию имен военачальников. Возможно, это кому-то покажется несправедливым, но реальность именно такова. Ср.:

Доктрина в тотальном обществе — вещь серьезная. И все-таки, когда доходит до горла, можно подправить и доктрину. Заменить Разина и Пугачева Суворовым и Кутузовым на боевом знамени 1941 года. Но отказаться вообще от интернационализма на знамени, полученном из рук Ленина, опасно (Аннинский Л. На краю Отечества // Нева, 2003). Нам приказали засеять под кукурузу лучшие земли! — кричал председатель, бесстрашно, как Чапаев, нападая на Хрущева. — А я не знаю, стоит ли здесь косить или дешевле пустить скот, пока снег не выпал (Искандер Ф. Поэт // Новый мир. 1998). Народ пугают тем, что войска остановят, Россия потеряет Кавказ, террористы вернутся в Москву. Путин, направляющий генералов вперед, выглядит, как Ермолов, покоряющий дерзких абреков. Как спаситель, собирающий Русь. Как последняя надежда страны, снедаемой кознями и предательством (Проханов А. Шлем Путина и саван Старовойтовой // Завтра. 1999. 23 нояб.).

Среди великих полководцев, навеки прославивших свое имя, особое место занимает Наполеон Бонапарт. По частотности метафорического использования это имя заметно лидирует в наших материалах. Возможно, это связано с тем, что Наполеон

широко известен не только как полководец, но и как государственный деятель, человек яркой судьбы, возносившей его от безвестности то к вершинам славы, то к позору и заточению.

При рассмотрении дифференциальных признаков рассматриваемого прецедентного имени полезно учесть материалы лексикографии. В «Новейшем энциклопедическом словаре» [2006] представлена следующая статья.

НАПОЛЕОН I (Napoleon) (Наполеон Бонапарт) (1769—1821), выдающийся французский политический деятель, полководец, первый консул Французской республики в 1799—1804 гг., французский император в 1804—1814 и 1815 гг. Уроженец г. Аяччо (Корсика). Начал службу в артиллерийских войсках в 1785 г. в чине младшего лейтенанта. Впервые отличился при осаде Тулона в 1793 г. Выдвинулся на военной службе в период Французской революции XVIII в. (достигнув чина бригадного генерала) и при Директории (командующий армией). Возглавил государственный контрреволюционный переворот 9—10 ноября (18 брюмера) 1799 г. и установил личную диктатуру, став Первым консулом. В 1804 г. провозглашен императором Франции (в 1805 г. — королем Италии). Н. I ввел строгую централизацию административного аппарата, создал разветвленную полицейскую систему, реформировал судебную систему и систему образования (которая существует почти без изменений до настоящего времени), ввел гражданский свод законов, получивший наименование «Кодекс Наполеона» (до сих пор лежит в основе французского законодательства). В 1801 г. заключил конкордат (соглашение) с католической церковью, признавая католицизм «религией огромного большинства французских граждан», но не государственной религией, тем самым поставив церковь себе на службу (конкордат Н. просуществовал 100 лет). Значительно расширил территории империи, поставил в зависимость от Франции большинство государств Западной и Центральной Европы. Поражение наполеоновских войск в войне

1812 г. против России положило начало крушению империи. Вступление в 1814 г. войск антифранцузской коалиции в Париж вынудило Н. I отречься от престола. Был сослан на о. Эльба. Вновь занял французский престол в марте 1815 г. («Сто дней»). После поражения при Ватерлоо вторично отрекся от престола (22 июня 1815 г.). Последние годы жизни провел в изгнании на о-ве Св. Елены. Его прах был перевезен во Францию в 1840 г. и захоронен в Доме Инвалидов в Париже.

Было бы весьма интересно определить, какая именно часть представленных в данной статье фактов составляет содержание прецедентного имени *Наполеон*, и выявить состав дифференциальных признаков прецедентного имени *Наполеон* в современном русском национальном сознании. При характеристике энциклопедической информации и дифференциальных признаков (языкового знания) мы учитываем теорию А. А. Потебни, разграничившего ближайшее и дальнейшее значение слова [Потебня 1974: 274], и современную интерпретацию этой проблемы, представленную в частности в статье Б. Ю. Нормана, который дифференцирует наивное, языковое и научное знание и подчеркивает отсутствие ярко выраженной границы между этими феноменами [Норман 2007: 21—23].

Источником для настоящего исследования прецедентного имени *Наполеон* послужили 2724 словоупотребления. Почти половину из них составляют материалы «Национального корпуса русского языка», представленные в Интернете (ruscorpora.ru): в указанном корпусе зафиксировано более пяти тысяч словоупотреблений указанного имени, но были учтены только 1204 словоупотребления (в 433 документах), включенные в публицистический подкорпус. В качестве дополнительного в настоящем исследовании использовался массив словоупотреблений указанного прецедентного имени, представленный в Интернет-архивах общенациональных высокотиражных российских газет «Завтра» (134 словоупотребления), «Комсомольская правда» (278), «Из-

вестия» (426), «Московский комсомолец» (501). Еще 181 словоупотребление было извлечено из текстов, опубликованных в других газетах.

Следует отметить, что 490 рассматриваемых словоупотреблений (почти 18%) не имеют прямого отношения к Наполеону Бонапарту. Здесь выделяются три группы.

К первой относятся обозначения торта, сервиза, марки коньяка и иных товаров, которые называются «Наполеон» (часто с использованием строчной буквы, что, впрочем, не влияет на результаты Интернет-поиска). Скорее всего, названия этих товаров должны вызывать ассоциации именно с императором Наполеоном.

Вторую группу составляют случаи, когда антропоним «Наполеон» обозначает человека, носящего одинаковое имя с императором.

Третью группу составляют упоминания о Наполеоне Втором (сыне) и Наполеоне Третьем (племяннике).

Обратимся к контекстам, в основе которых лежит именно личное имя выдающегося полководца и государственного деятеля Наполеона Бонапарта. При их рассмотрении важно разграничивать денотативное (в первичном значении) и коннотативное (в метафорическом значении) использование прецедентных имен. В первом случае прецедентные имена указывают непосредственно на денотат (или сигнификат), то есть при использовании исследуемого прецедентного имени имеется в виду именно Наполеон Бонапарт, знаменитый полководец и французский император. При коннотативном употреблении имеется в виду уже не Наполеон Бонапарт, а какой-то иной человек, который в чем-то похож на французского императора. Разумеется, аспекты сходства крайне разнообразны.

Рассмотрим типы дифференциальных признаков, которые могут быть акцентированы при метафорическом использовании имени *собственного Наполеон*.

1. Талантливый полководец, быстро и решительно разгромивший грозного врага. Ср.:

*Взрывы произошли. Началась война в Чечне. Она должна была показать нашей публике нового **Наполеона**, лидера, который совершил молниеносный маневр и сокрушил главного противника России* (Бондаренко В. Обсуждение нового романа Александра Проханова в Центральном доме литераторов // Завтра. 2001. 25 дек.).

Рассматриваемый дифференциальный признак вербализуется в данном контексте придаточным предложением «который совершил молниеносный маневр и сокрушил главного противника России». Метафоричность обозначения *Наполеон* подчеркивается определением «новый» и упоминанием о том, что победы одержаны в Чечне.

2. Иноземный захватчик, вторгающийся в Россию во главе большой армии с целью порабощения ее народа (как известно, Наполеон поступил так в 1812 году). Ср.:

*В 1848 году во Франции разразилась новая буржуазная революция. Наученные историческим опытом, власти России не могли ждать от этих событий ничего лучшего, нежели вторжения новых **наполеонов** и всей Западной Европы в наши пределы* (Сегень А. // Наш современник. 2002).

Показательно, что в данном контексте использованы строчная буква, определение «новый» и множественное число, что ярко подчеркивает метафоричность использования прецедентного имени. Характер дифференциального акцентируемого признака определяется упоминанием о «вторжении в наши пределы».

В следующем контексте *Наполеон* оказывается уже в ряду однотипных прецедентных имен, обозначающих знаменитых завоевателей. Ср.:

— *А как же великие завоеватели прошлого, все эти Чингисханы, Александры Македонские, Юлии Цезари, **Наполеоны** и иже с ними?*

— Похоже, амбиции американцев еще более масштабны, так как они пытаются подчинить себе мир и материальный, и духовный. Сегодня они стремятся овладеть регионом, включающим территорию от Персидского залива до Прикаспия и Предкавказья, где находится около 70 процентов мировых запасов нефти и газа. Контролирующий их автоматически станет хозяином мира (Вандиенко А., Нарочницкая Н. Война всех против всех // Комсомольская правда. 2003. 14 апр.).

Показательно, что автор подчеркивает обобщенность обозначения при помощи использования прецедентных имен в форме множественного числа, которое усиливает сходство между различными завоевателями, затеняет индивидуальные признаки.

3. Честолюбивый генерал, стремящийся захватить политическую власть в государстве. И вновь широко известное основание для метафоры: в начале своей карьеры Наполеон всего лишь удачливый генерал, но позднее он сумел стать императором Франции. Ср.:

*Когда мы были с Булганиным на Дальнем Востоке, после посещения войск нас пригласил к себе командующий дальневосточными войсками маршал Малиновский. За обедом Малиновский сказал: «Остерегайтесь Жукова, Это растущий **Наполеон**. Если надо — не остановится ни перед чем». Я тогда не обратил внимания на эти слова, но мне потом об этих словах и их смысле много раз напоминал Булганин. Вот, оказывается, с каких пор Малиновский занялся провокацией и подкопом под меня (Абрамова Ю. // Аргументы и факты. 2001. 7 апр.).*

Как известно, высшие советские руководители (И. В. Сталин, Н. С. Хрущев) опасались, что прославленный полководец Г. К. Жуков будет стремиться получить высшую государственную власть, и это стало причиной серьезных проблем для народного любимца. Общий контекст беседы, последующие напоминания Булганина и — главное — скорое увольнение Г. Жуко-

ва с должности министра достаточно ясно указывают на тот признак, который служит основой для сравнения двух полководцев.

4. Политик, который, опираясь на армию, захватил высшую власть в государстве. Ср.:

*Соседний Сальвадор тоже пережил разгул ультраправого террора. В октябре 1979 года во время очередного военного переворота группа офицеров свергла президента Ромеро Мену и передала власть военно-гражданской хунте. Режим возглавил гражданский политик консервативного толка — глава Христианско-демократической партии Хосе Наполеон Дуарте. Однако сальвадорский **Наполеон** был лишь марионеткой в руках военных, которым принадлежала реальная власть в стране. Пытаясь подавить повстанческое движение, диктаторский режим опирался на «эскадроны смерти». Фашистские боевики убивали левых политических деятелей, профсоюзных активистов, адвокатов, журналистов, священников, осмеливавшихся протестовать против насилия (Музаев Т. Зондеркоманда для генерала // Комсомольская правда. 2003. 20 окт.).*

Показательно, что в данном контексте речь идет о гражданском человеке, то есть полностью нейтрализованы столь важные для большинства предшествующих словоупотреблений дифференциальные признаки военного характера. Вместе с тем подчеркивается, что это хотя и «сальвадорский» (т. е. не подлинный), но все-таки *Наполеон* и рассказывается о государственном перевороте и последующем терроре.

5. Талантливый политический лидер, который внес значительный вклад в укрепление государства, повышение его международного авторитета. Ср.: *И тем не менее никуда не деться от того действительно благоприятного впечатления, что оставил после себя Путин. Конечно, после сомнамбулического Ельцина, за поездки которого по миру было до смерти стыдно, любой трезвый политик будет выглядеть Талейраном и **Напо-***

леоном в одном лице. Но Путин превзошел средний уровень. Дальневосточное подготовительное турне по Китаю и Северной Корее прошло блестяще. Победы, пусть и тактические, по вопросам ПРО и Чечни заслуженны (Тукмаков Д. Про и контра // Завтра. 2000. 25 июля).

В этом контексте, как и в предыдущем, полностью нейтрализованы признаки военного характера, однако в данном случае ярко выражена положительная эмоциональная оценка. Показателен не только ряд однородных членов *Талейран и Наполеон*, но и перечисление конкретных дипломатических успехов.

6. Энергичный политический деятель, успешно руководящий могущественным государством. Ср.:

*Для руководителя равнодушие — дар Божий, а для народа — трагедия. Наш народ намного умнее тех, кто руководит сейчас нами. Это наша беда. На фоне тех полуживых президентов, которые были, Путин мог войти в историю как **Наполеон*** (Любошиц С. Турист, дзюдоист и просто президент // Московский комсомолец. 2001. 29 марта).

В рассматриваемом контексте указанный дифференциальный признак акцентирован при помощи противопоставления «полуживым президентам», которые руководили нашей страной ранее. Важен и общий контекст статьи, в самом названии которой подчеркиваются спортивные увлечения, предполагающие хорошую физическую форму.

7. Политический лидер, способный укрепить государственную власть и навести порядок в стране после революционных потрясений. Ср.:

*Журнал «The Wall Street Journal» сравнивает Россию с постреволюционной Францией, а Путину прочит роль **Наполеона**, которому досталась «псевдомонархия, управляемая псевдомократическими институтами...» Путин и действует **понаполеоновски** решительно и быстро: начал борьбу с региональными царями, делит 89 провинций на семь, хочет назна-*

чать и снимать губернаторов; он, наконец, начал атаку на независимую прессу (Морозов А. Владимир Бонапарт // Московский комсомолец. 2000. 17 мая).

В данном контексте акцентированию дифференциального признака способствует сравнение с Францией до Наполеона и во время его правления, упоминание о том, что Путин действует *по-наполеоновски решительно и быстро*, а также перечисление конкретных действий, свидетельствующих о намерении укрепить государственную власть.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о разнообразии дифференциальных признаков, которые могут быть акцентированы при использовании прецедентного имени *Наполеон* в современной российской прессе.

Вместе с тем рассмотренный материал показывает, что при анализе метафорического использования прецедентного имени, как правило, существует возможность выявить, какой именно признак оказывается выделенным, акцентированным в данном контексте.

На следующем этапе исследования рассмотрим несколько примеров денотативного употребления, при котором прецедентное имя *Наполеон* обозначает именно знаменитого полководца, ставшего императором Франции и добившегося больших успехов в различных сферах деятельности.

В данных контекстах, как и при метафорическом использовании, акцентируются одни дифференциальные признаки рассматриваемого имени и одновременно в той или иной степени приглушаются, становятся малозначимыми, почти незаметными другие признаки указанного слова. Анализ каждого примера начинается с выделения наиболее яркого признака, который оказывается доминирующим при соответствующем использовании рассматриваемого прецедентного имени.

1. Наполеон Бонапарт как широко известный полководец, глава армии, вступающей в сражение с противником. Ср.:

*Не думаете же вы в самом деле, что она [Третья мировая война] будет происходить, как во времена Гомера или в девятнадцатом веке? Встали Гектор с Ахиллесом или Веллингтон с **Наполеоном** в чистом поле, армии двинулись, рукопашная пошла. Кто победил, тот объявляется д'Артаньяном? (Бакушинская О. Третья мировая уже идет? // Комсомольская правда. 2004. 28 мая).*

Контекст ясно показывает, что речь идет о полководцах, которые сражаются во главе армий. В данном случае не так уж важно, что английский полководец, в отличие от командующего французской армией, не имел в своей стране политической власти. Автор называет имена *Наполеона* и *Веллингтона*, но смысл фразы по существу не изменился, если бы вместо Веллингтона был назван Кутузов. При таком использовании прецедентного имени становятся несущественными и многие другие признаки прецедентного имени *Наполеон*, которые в других обстоятельствах могут быть весьма существенными.

2. Наполеон как удачливый и уверенный в себе полководец, который всегда побеждал врагов. Ср.:

*С 15 августа 1971 года, когда президент США Ричард Никсон подписал указ о приостановлении золотого обеспечения доллара, в мире началась эпоха непрерывной финансовой войны Америки против остального мира. Пока она, как **Наполеон** до Бородино, одерживает победу за победой, но бесконечно так продолжаться не может. Свидетельством тому — переход боевых действий непосредственно на территорию США. А в любой войне, как утверждают историки, больше всего выигрывает тот, кто в ней меньше всего участвует. И это за океаном всегда понимали очень хорошо (Геращенко В. Рубли для России // Завтра. 2001. 5 нояб.).*

Как известно, Наполеон долгие годы не знал поражений на поле боя, но за три последних года своей активной деятельности потерпел несколько серьезных поражений. Поэтому в данном

случае Америка сравнивается не с Бонапартом вообще, а с Наполеоном в его лучшие годы. Вместе с тем этот знак, возможно, помогает внушить читателем мысль о том, что впереди Ватерлоо, потеря власти, сто дней и Версальский конгресс.

3. Наполеон как завоеватель, который во главе огромной армии стремился нанести поражение России. Ср.:

*На российском Северном Кавказе зреют похожие проблемы. Там тоже не исключен «зеленый взрыв», хотя Москва всегда стремилась строить дружественные отношения с исламским миром, а российских мусульман интегрировать в общественные процессы. Вообще для России эта угроза — серьезный исторический вызов сродни нашествию **Батыя, Наполеона** или **Гитлера**. На него нужно срочно искать ответ, а население страны тает...*

Кое-кто в Америке представляет будущее таким. Но это — вряд ли... (Баранов А., Кафтан Л. Каким будет мир в 2020 году? // Комсомольская правда. 2006. 15 июня).

Показательно, что в данном контексте Наполеон Бонапарт представлен в одном ряду с другими завоевателями, пытавшимися получить власть над Россией; соответственно здесь важна негативная оценка Бонапарта и его предшественников. При таком словоупотреблении оказываются малосущественными многие другие события из биографии императора — его путь к власти, блистательные победы в Италии, поражение при Ватерлоо и смерть на далеком острове. Больше того, смысл фразы по существу остался бы прежним, даже если бы имя прецедентное имя *Наполеон* вообще было пропущено или заменено упоминанием о польской интервенции в 1612 году.

4. Наполеон Бонапарт как авторитетный человек, создатель известных афоризмов, произведений, которые могут рассматриваться как своего рода руководство к действиям и т. п. Ср.:

***Наполеон** в свое время сказал, что командиры, допускающие унижение своих подчиненных и презирающие заботу о*

служивом люде, готовят войска к поражению. Слишком затянувшаяся контртеррористическая операция и растущее число жертв в наших частях навевают грустные мысли о верности этих слов (Баранец В. Военное обозрение // Комсомольская правда. 2000. 20 дек.).

Мысль Наполеона о необходимости заботиться о своих воинах вовсе не относится к числу очень оригинальных, но для читателей важно, что соответствующие слова сказаны удачливым полководцем и отражают его жизненный опыт. Вместе с тем в данном случае как бы забывается о том, что французские войска под его руководством потерпели тяжелые поражения, которые привели к потере трона и реставрации Бурбонов. Акцентирование восприятия Наполеона как авторитетного автора, хорошо разбирающегося в военном деле, обнаруживается и в следующем контексте.

*Спасибо за предоставленное слово. Я разделяю беспокойство моего соседа. Но не поддерживаю его точку зрения по поводу принятия этого закона. Я считаю, что давно пора прекратить дискуссии на эту тему. Я помню, в 1992 году я вернулся в Россию, проработав за рубежом в качестве преподавателя университета 4 года. И в 1992 году другой состав, правда, обсуждал те же проблемы — переходить ли на бакалавры, не переходить. С 1992 года мы только и рассуждаем. Вот мы глубоко чтим почему-то слова **Наполеона** — вяжемся в битву, а там разберемся. Мы регулярно вязываемся, а потом начинаем рассуждать (Эскиндаров М. Реформа образования. Проблемы и перспективы // Комсомольская правда. 2007. 18 июня).*

5. Наполеон как мыслитель, военный стратег и связанные с этим его действия в тех или иных ситуациях. Ср.:

Еще с суворовской поры прижилась в войсках поговорка «Хуже дури только пуля». Так что армейская бестолковость — категория историческая. В летописи военного искусства известен лишь один «знаменитый» случай, когда дурацкое решение малоизвестного полководца помогло ему заставить рети-

роваться самого **Наполеона**. Полководец этот приказал своим войскам беспорядочно двигаться по полю брани. Такая логика оказалась непостижимой даже для гениального стратегического ума Бонапарта, и он приказал своей армии... отступить. Мне кажется, что, если бы **Наполеону** пришлось разгадывать логику действий нынешних наших стратегов, он поступил бы таким же образом (Баранец В. Генеральский зазор // Комсомольская правда. 2006. 6 дек.).

Коммуникативная тактика автора связана с тем, что Наполеон представлен как своего рода образец полководца: вполне понятно, что странные перемещения могли бы запутать обычного генерала, но автор подчеркивает, что даже сам Наполеон не смог догадаться об их причинах.

6. Наполеон Бонапарт как реформатор социальной жизни, создатель новой системы законов и т. п. Ср.:

*Президенту явно не хватает профессионалов, команды. Проблема тем более остра, чем очевиднее инертность постсоветского общества, пока так и не избавившегося от социальной пассивности и иждивенчества. При этом Путин подчеркнуто избегает выступать в роли **Наполеона**, Кемаля Ататюрка, генерала Перона, Петра Великого или Александра II, то есть в роли авторитарного реформатора. Он вроде бы хочет, чтобы «в конструктивном ключе» заработали механизмы снизу (Бабаева С., Бовт Г. Полдень президента: два года одиночества // Известия. 2002. 24 марта).*

В данной статье акцентируемый дифференциальный признак вербализован словосочетанием «в роли авторитетного реформатора». Обратим внимание, что в этом контексте Наполеон представлен в ряду государственных лидеров, которые провели кардинальные реформы общества в Турции, Аргентине и России. Показательно, что не все они были знаменитыми полководцами, но все прославились реформами, проведенными «сверху».

7. Наполеон как государственный руководитель, реформирующий вооруженные силы. Ср.:

*Давайте вспомним недавнюю историю. Что в 20-е годы прошлого столетия сделали большевики? Заставили служить своей идее царских офицеров, которые и составили в итоге костяк Красной армии. Ленину и Троцкому присягнули личности выдающиеся, достаточно назвать легендарного генерала Брусилова... Еще раньше нечто подобное проделывали **Наполеон** и Петр Первый — брали старое за основу и строили новое. Нынешний бундесвер, к слову, тоже создавался из офицеров и солдат вермахта. И в основу управления национальной обороны Японии вошли генералы бывшей императорской армии, разгромленной в 45-м. Понимаете? (Шаравин А. Пушечное мясо нынче не в моде // Комсомольская правда. 2004. 5 янв.).*

В данном контексте акцентирован еще один аспект многогранной деятельности знаменитого полководца, и соответственно не воспринимаются как значимые многие иные признаки — агрессивное вторжение в Россию, покорение Египта и почти всей Европы, отказ от многих идеалов революции и коронация. Показательно, что в данном случае Наполеон выступает как руководитель, который поступил так же, как Ленин, Троцкий, Петр I, правительство Японии и Германии.

8. Иноземный захватчик, во время пребывания которого (а возможно, и по вине которого) в Москве были большие пожары. Примером может быть заголовок статьи А. Родкина «Москва пылает, как при **Наполеоне**», посвященной крупным пожарам в столице России (Комсомольская правда. 2004. 19 апр.). Ср. также текст, в котором с Наполеоном сопоставляется мэр Юрий Лужков:

*На пепелище Манежа суетился невысокий лысый человек, чья тень издали напоминала призрак **Наполеона**. Он говорил о том, что никто в пожаре не виноват — просто короткое замыкание. И выглядел человек, несмотря ни на что, — торжественно. Ведь для него настал момент славы. Он все*

же на старости лет уподобился **Наполеону** — потому что поджег Москву.

А рядом с ним напрягал заспанные морщины его соратник по партии «Единая Россия», начальник Госкомпиара по вроде-как-чрезвычайным-ситуациям. Этот сразу объяснил, в чем сермяжная правда: деревянные перекрытия. Это они во всем виноваты. Если бы не они, стоять бы Манежу как новенькому, радовать бы человеческий глаз.

Вот оно что! Не каким-то там **Наполеоном** — самим Нероном решил заделаться демократически избранный властелин столичного города. Президентом РФ в свое время стать не удалось — надо же хоть как-то плюнуть в спину истории (Белковский С. Белка в колесе // Завтра. 2004. 16 марта).

Историки до сих пор спорят о причинах московских пожаров 1812 года и о том, какова вина Наполеона в этих событиях. Но для автора статьи нет сомнений: в тот раз Москву сжег Наполеон, а почти через два века его преступление повторил Ю. Лужков, по вине которого сгорел Манеж. В результате образно сближаются три знаменитых «поджигателя» — французский император Наполеон, римский император Нерон и московский градоначальник Лужков.

9. Государственный деятель, потерпевший военное поражение и закончивший свои дни в ссылке на острове вдали от Родины. Ср.:

Арабская пресса пишет, что США конфиденциально предложили находящемуся в заключении экс-президенту Ирака Саддаму Хусейну выбор между смертным приговором и изгнанием за пределы страны.

По утверждению главного адвоката на процессе Хусейна и семи его сподвижников Халиля ад-Дулейми, которого со ссылкой на одну из ведущих египетских газет Al-Ahram цитирует ИТАР-ТАСС, американское предложение довел до сведения бывшего

диктатора представитель военного командования США, посетивший Хусейна в тюрьме близ багдадского аэропорта.

По его словам, бывший иракский лидер, не признающий легитимность суда над ним и называющий его фарсом, отказался от «добровольной ссылки». «По существу, они предложили Саддаму Хусейну выбор между судьбой **Наполеона**, окончившего жизнь на острове Святой Елены, и Муссолини, казненного в конце II Мировой войны», — сказал адвокат (Вашингтон предложил Хусейну пройти по стопам либо Наполеона, либо Муссолини // Известия. 2006. 16 июня).

Как известно, государственные деятели и полководцы, потерпевшие разгромное поражение, по-разному заканчивают жизнь: одних за это казнят, других — отправляют в отставку, третьи — погибают в решительном сражении, четвертые — пережив позор или даже объявив поражение победой, продолжают управление государством и армией. В данном контексте акцентирован заключительный этап жизни Наполеона. Соответственно воспринимаются как малосущественные многие иные дифференциальные признаки рассматриваемого прецедентного имени.

10. Контексты, в которых акцентируется или весь комплекс признаков или же неясно, какие именно признаки имеет в виду автор. Ср.:

В оригинальной галерее видных политических деятелей России люберецкого скульптора Александра Рожникова появились новые композиции. О первых работах в заметке «Первый тост — за Путина, второй тост — за Громова» «Комсомолка» уже писала 25 марта. Напомним, что своих героев Рожников изображает в виде какого-нибудь персонажа из прошлого, душа которого якобы переселилась в нашего современника. Общее название серии — «Реинкарнация». А создать ее скульптор решил, увидев в питерском Эрмитаже портрет молодого римлянина V века до н. э., удивительно похожего на Владимира Пу-

*тина. Уже готовы бронзовые изваяния российского президента, который был, по мнению Рожникова, римским полководцем, Бориса Громова — в прошлом русского средневекового витязя и Владимира Жириновского — бывшего **Наполеона** (Смирнова О. Русскую мафию увековечили в бронзе // Комсомольская правда. 2002. 24 сент.).*

Рассмотрение примеров акцентирования тех или иных дифференциальных признаков при использовании прецедентного имени *Наполеон* в прямом значении можно продолжить. Однако даже уже рассмотренный материал наглядно показывает, что при использовании имени императора в прямом значении постоянно наблюдается акцентирование тем или иных дифференциальных признаков. Характер выделяемых признаков, как правило, можно достаточно точно определить по контексту, хотя существуют случаи, когда выявление названных признаков оказывается невозможным. Отметим также, что в исследованных примерах обнаруживается совершенно различная эмоциональная окраска прецедентного имени *Наполеон*.

Представленные материалы позволяют еще раз подчеркнуть национальную специфику восприятия прецедентного имени. В русском национальном сознании слабо актуализированы некоторые факты биографии Наполеона Бонапарта, которые могут быть существенными для французов.

Так, не обнаружено контекстов, в которых актуализирован заключенный Наполеоном конкордат с католической церковью, создание централизованной системы управления (видимо, «бюрократические» таланты императора мало известны нашим соотечественникам). Для российских СМИ оказалось несущественным даже то, что Бонапарт — корсиканец и что его прах захоронен в парижском Доме инвалидов. Видимо, даже в прецедентном имени интернационального характера каждый народ воспринимает далеко не все потенциально возможные характеристики.

Заканчивая параграф, отметим, что нами пока не рассматривался вопрос о том, насколько удачно авторы используют прецедентные имена. Видимо, далеко не всегда создателям текста и его редакторам хватает чувства такта и даже эрудиции. Например, трудно понять, что имел в виду редактор газеты «Завтра», когда спрашивал у Б. Березовского:

*Борис Абрамович, наш разговор протекает на веранде дворца, среди зеленых лугов и дубрав, на территории английского острова, которую вы купили. Задаю себе вопрос: кто вы сейчас? Меншиков в Березове? **Наполеон** на Корсике? Троцкий в Мехико? Кем вы себя чувствуете в изгнании?* (Беседа Александра Проханова с Борисом Березовским // Завтра. 2002. 1 окт.).

Как известно, Троцкий в Мехико и Меншиков в Березове — это прецедентные ситуации, которые обозначают политического лидера страны, лишённого власти и не по своей воле оказавшегося вдали от столицы России. Однако для Наполеона Корсика — это малая родина, а вовсе не место изгнания.

Итак, обращение к прецедентным именам — традиционная черта отечественной массовой коммуникации. Этот прием позволяет ярче представить позицию автора, привлечь внимание к историческим и литературным параллелям, усилить прагматическое воздействие текста. Прецедентное имя может быть использовано как в основном (денотативном), так и в метафорическом (коннотативном) значении. Как в первом, так и во втором случае прецедентное имя может характеризовать человека (в том числе литературного героя) по ряду параметров (те или иные факты биографии, характер, успехи и неудачи, оценка и др.). Показательно, что как при буквальном, так и при метафорическом использовании имени собственного, как правило, существует возможность выявить, какой из дифференциальных признаков оказывается акцентированным.

В частности, и в том и в другом случае Наполеон чаще всего выступает как талантливый военачальник и выдающийся соци-

альный реформатор, однако во многих контекстах обнаруживается и негативная окраска, связанная с представлением Наполеона Бонапарта как завоевателя, спалившего Москву, потерпевшего поражения в самых главных сражениях и умершего в ссылке на далеком острове.

2.5. Сферы-мишени прецедентности

В предшествующем разделе были рассмотрены смысловые сферы-источники, к которым относятся прецедентные имена, функционирующие в современных СМИ. Основная задача данного раздела состоит в рассмотрении смысловых сфер-мишеней, к которым относятся прецедентные имена. Среди этих сфер-мишеней ведущее место занимают рекламный и политический дискурс.

Закономерности использования прецедентных имен в современном российском рекламном дискурсе (в сопоставлении с американским рекламным дискурсом) детально рассмотрела С. Л. Кушнерук [2006]. Исследователь выяснил, что сходство ценностных установок, отражающих общность человеческой природы, приводит к однотипности большинства сфер-источников культурного знания, востребованных в рекламе. Как российские, так и американские рекламисты преимущественно оперируют прецедентными именами, восходящими к художественной литературе, киноискусству, музыке, а также политике. Национально-культурное своеобразие определяет различия в выборе речевых средств: несовпадающими сферами-источниками прецедентных имен являются «религия», «фольклор», апелляция к которым засвидетельствована в российской рекламе, «кулинарное дело», «криминал» — в американской.

При изучении национальных истоков прецедентности было обнаружено значительное количество универсально-прецедентных имен, однако в русской рекламе чаще, чем в американской,

используются прецедентные имена зарубежного происхождения. В отечественной рекламе регулярно используются прецедентные имена, относящиеся к русской литературе и музыке, европейской живописи и американскому кинематографу; соответственно в американской рекламе частотна апелляция к американскому кинематографу и музыке, а также к европейской литературе и живописи.

Обратимся к специфике использования прецедентных имен в отечественной политической коммуникации.

2.5.1. Политика как сфера-мишень прецедентности

При конкретном анализе прежде всего выявляется относительно узкий круг прецедентных полей, которые находят применение в отечественной политической коммуникации. С другой стороны, использование некоторых прецедентных полей в качестве источников совершенно нехарактерно для российского политического дискурса.

Например, удивительно редко встречаются в политических текстах прецедентные имена из ментальной субсферы «Наука»: наших политиков в этом смысле не привлекают ни гуманитарные, ни естественные области знаний.

Наибольшее место в фонде прецедентных имен, используемых политическими лидерами современной России, занимает социальная субсфера, а особенно сфера политики. Например, нетрудно заметить, что очень частотны в функции источника имена широко известных глав государств, а также других знаменитых людей.

Многие наши политики, размышляя о собственной личности и своем вкладе в историю, вольно или невольно обращаются к прецедентным именам из наиболее близкой и понятной им сферы. И снова в качестве своего рода образцов и «антиобразцов» в сознании всплывают знаменитые президенты и руководители правительств. Ср.:

Де Голль был мудрым человеком, поэтому и мне надо по-мудреть (Е. Ноздратенко, губернатор Приморского края). Как вы отдыхаете? — Отдыхаю как простые люди. В баню с девочками не хожу, пью больше *Горбачева*, но до *Ельцина* мне еще далеко (из интервью Г. Зюганова, председателя КПРФ). Я русский *Клинтон*. То же образование, те же манеры, тот же возраст (В. Жириновский, вице-спикер Государственной думы). Классный мужик *Билл Клинтон*. Я завидую *Монике Левински* (Д. Аяцков, губернатор Саратовской области). *Клинтона* целый год долбали за его *Монику*. У нас таких через одного. Мы еще им поаплодируем. Но другое дело — Конституция. Написано: нельзя к *Монике* ходить — не ходи! А пошел — отвечай! (В. Черномырдин, председатель Правительства России). Я из себя выжал *Гайдара*, а его корежит (Он же). Как сказал один известный деятель, хороший политик думает о выборах, а государственный деятель — о будущих поколениях (В. Путин, Президент России, скрытая ссылка на У. Черчилля).

Очень характерны для современных отечественных политических лидеров и обращения к прецедентным именам из религиозной сферы. По указанному показателю недавние коммунисты скоро обойдут американских президентов, для которых использование подобных прецедентных имен — это, помимо прочего, дань многовековой традиции. Ср.:

Я в данном случае с *Иисусом Христом*. Он был первый социалист у нас. Тут уж ничего не поделаешь (М. Горбачев, Президент СССР). Хочу в религию уйти. В религию, в религию, в религию. Ну, уже встречался с *Папой Римским*, вот сейчас к *Далай-ламе* вылетаю. Чуть-чуть в религию, а потом дальше. В принципе надо готовиться уже к встрече с цивилизациями внеземными (К. Илюмжинов, Президент Калмыкии).

Предводитель кузбасских депутатов размышляет над сложнейшим вопросом: кто выше и славнее: Христос с Магометом или же все-таки губернатор Аман Тулеев, но так и не находит окончательного ответа. Ср.:

*Слово Амана Тулеева — это слово **Господа Бога**. Я не постесняюсь сказать, что сегодня примерно получается такая ситуация: вот здесь **Иисус Христос**, здесь **Магомет**, а вот здесь Тулеев, а может быть, даже наоборот (А. Филатов, председатель Законодательного собрания Кемеровской области).*

Справедливости ради необходимо отметить, что наши политики эпизодически вспоминают и других знаменитых соотечественников: героев войны, прославленных разведчиков и предводителей крестьянских восстаний. Ср.:

*Вы, Владимир Владимирович, будете тем **Рихардом Зорге**, работая в российском правительстве, который будет стоять на стороне национальной экономики и на стороне трудового народа России (Н. Харитонов, лидер аграрной партии). Кроме Пиночета, в нашей стране всегда были **Матросовы** и **Космодемьянские** (Г. Зюганов, председатель КПРФ). С нами **Стенька Разин** и **Емельян Пугачев** (В. Анпилов, один из лидеров левых экстремистов).*

В значительно меньшей степени отечественные политические лидеры обращаются к сфере искусств, однако некоторые высказывания позволяют лучше понять кругозор авторов и их отношение к искусству. Больше всего наших политических активистов привлекает литература, и они постоянно стремятся продемонстрировать свою эрудицию в этой сфере. Ср.:

*Первое и осознанное уважение к женщине я пережил, прочитав «Грозу» **Островского**. Очень уж мне понравилась **Катерина**, сиганувшая в известном направлении (Г. Янаев, вице-президент СССР). **Пушкин** несчастный был. Лучшие бы его не было совсем (В. Жириновский, вице-спикер Государственной думы). Я сегодня ночью — ну как-то готовился. Ну, решил на свежую голову, так сказать, часа в два ночи почитать **Пушкина**. И вы знаете, оказалось не так просто (Б. Ельцин, Президент России). Есть люди, навсегда потерянные для партнерст-*

ва. Лимоны и некоторые яблоки растут теперь на одной ветке. У фальшивых либералов и настоящих фашистов все больше общего. Ничего удивительного. О таких писал еще *Достоевский*. И сегодня все эти *Смердяковы и Лямины* приятно проводят время в разного рода комитетах по ожиданию восьмого года, где проповедуют целесообразность поражения собственной страны в войне с террором. Бог им судья (В. Сурков, заместитель руководителя Администрации Президента РФ).

Один из лидеров левых экстремистов Виктор Анпилов предлагает оригинальную трактовку личности идеологически близкого ему героя «Собачьего сердца». Ср.:

Когда меня сравнивают с Шариковым, ну там Киселев... Шариков — хорошая русская фамилия, она отражает сложность характеров в повести Булгакова. Шариков прошел путь от собаки до человека, который задался вопросом: «А зачем я появился на свет? Какова моя миссия?» (В. Анпилов, сопредседатель Народно-патриотического союза).

Видимо, только сходство идеологических позиций Шарикова и Анпилова помешало нашему современнику увидеть, что Шариков так и не смог стать достойным человеком, а его характер изображен не столь уж сложным. Однако общий слоган — «Все отнять и поделить!» — оказался важнее литературоведческих деталей.

Иногда даже филологу трудно сразу понять сложные литературные аллюзии руководителя. Например, В. С. Черномырдин обращается к авторитету А. П. Чехова: *Правительство поддерживать надо, а мы ему по рукам, по рукам, все по рукам. Еще норовим не только по рукам, но еще куда-то. Как говорил Чехов* (В. Черномырдин, Председатель Правительства РФ). Не исключено, что Виктор Степанович, размышляя о взаимодействии ветвей государственной власти, вспомнил рассказ «По делам службы», где старик-вестовой горько жалуется: *«Летось веду арестанта в город, а он меня — по шее! по шее! по шее!»*. В

этом случае правительство предстает как безответный возница, а депутаты — как агрессивный арестант. Однако вполне возможно, что в памяти эрудита запечатлелись слова из письма Ваньки Жукова своему дедушке Константину Макарычу: *«А на неделе хозяйка велела мне почистить селедку, а я начал с хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать»*. И в том и в другом случае люди, мешающие правительству, оцениваются крайне негативно.

Широкую эрудицию проявляет и лидер либеральных демократов В. В. Жириновский, который постоянно использует в своей публицистике литературные и библейские аллюзии. Ср.:

Бедный дедушка Аркадий, не со своего ли будущего внука писал ты портрет жирного предателя, продавшего Родину за «банку варенья да коробку печенья» (Последний вагон на север). *Как же так, мать-Россия, как же допустила ты, что эти уроды управляли тобой, морили тебя голодом, разоряли и насиловали? Федор Михайлович! Разве ж в твоё время были «бе-сы»? То были бесенята* (Там же). *Не хотелось ли, как Иуде, повеситься на дереве после предательства партии, взрастившей на своей груди змею? Молчит Михаил Сергеевич* (Там же).

Значительно реже политические эрудиты обращаются к архитектуре, изобразительному искусству и театру, но и эти сферы в ряде случаев становятся источником ярких образов, обогащая оригинальный авторский подход к эстетическим ценностям. Ср.:

Почему вывоз икон считают контрабандой? Раз берут — надо продавать. И рисовать их, рисовать. Что у нас, Рублевых что ли, нет? (В. Брынцалов, кандидат в Президенты России). *Деньги — источник духовности. Можешь себе место в Большом театре купить. Оперу там послушать, балет опять же* (В. Брынцалов). *Наш президент больше был похож на постоянно падающую Пизанскую башню* (К. Затулин, депутат Государ-

ственной думы). *Сатанист Якунин в черном маскхалате, сиамские близнецы Немцов и Явлинский, ведьмы Боннер и Гербер, неугомонные жабы Старовойтова и Новодворская, псевдогенералы, бородатые проповедники, парижские беллетристы-гомосексуалисты, юмористы-проститутки и картавые журналисты. Паноптикум! Видение **Иеронима Босха*** (В. Жириновский, заместитель Председателя Государственной думы).

В выступлении активиста Народно-патриотического союза Виктора Анпилова используется традиционный риторический прием: близкие ему политики объединяются в один ряд с людьми, которые, по мысли автора, на протяжении всей истории России были славой и гордостью страны. Показательно, что к таким людям отнесены не только князь и святой, разбойник и два коммунистических лидера, но и лучшие российские поэты. Ср.:

*Какие люди! **Бабурин, Тулеев, Варенников!** Вот где сила! Вот где мощь нации!!! С нами **Дмитрий Донской**, с нами **Сергей Радонежский!** С нами **Стенька Разин!** **Пушкин и Лермонтов!** С нами **Ленин**, с нами **Сталин!***

Проведенное исследование показывает, что авторы современных политических текстов наиболее охотно обращаются к ресурсам двух сфер источников — политики и литературы; значительно реже в политической коммуникации используются прецедентные феномены, восходящие к сферам религии, мифологии, театра, живописи, музыки. Вместе с тем авторы политических текстов мало склонны к использованию прецедентных феноменов, относящихся к научной субсфере.

При количественном сопоставлении выясняется также, что в российской политической коммуникации отечественные прецедентные имена используются примерно в пять раз чаще, чем зарубежные. Показательно, что частотность позитивного и негативного использования российских и зарубежных прецедентных имен определенным образом коррелирует с политической позицией авторов текстов.

Обращение к прецедентным феноменам — традиционная черта отечественной политической коммуникации. Этот прием позволяет ярче представить политическую позицию автора, привлечь внимание к историческим основам современных социальных теорий, усилить прагматическое воздействие текста. Вместе с тем легко заметить, что неудачное использование прецедентных имен обнаруживает косноязычие и скудоумие адресанта, что особенно бросается в глаза на фоне его значительного общественного положения.

Можно выделить несколько критериев эффективности использования прецедентных феноменов в политической коммуникации.

Политическая уместность прецедентного феномена. Используемые автором прецедентные имена должны в полной мере соответствовать дискурсивным характеристикам текста и особенно представлениям адресата. Например, в статье С. Белковского «Специальная теория Путина» (Комсомольская правда. 2004. 29 сент.) выражается резкое неприятие прецедентного имени, использованного бывшим Государственным секретарем США Збигневом Бжезесинским. Ср.:

*Гигант либерально-демократической мысли, отец всей и всяческой демократии, 76-летняя особа, приближенная к Всемирному правительству, — короче, сам Збигнев Бжезесинский опубликовал программную статью «Московский Муссолини». В статье гигант на полном серьезе уподобил Владимира Путина **Бенито Муссолини, а путинский режим — итальянскому фашистско-корпоративному государству 20—30-х годов прошлого века.***

1. Интертекстуальная сверхдетерминация прецедентного феномена. Как отмечает С. Козлов, «термин «сверхдетерминация» перешел в теорию интертекстуальности из психоанализа; он означает, грубо говоря, обусловленность текста множеством накладывающихся друг на друга интертекстуальных связей»

(С. Козлов <http>). Чем обширнее детерминация, тем больше аллюзивный потенциал этого прецедентного феномена, тем эффективнее будет его использование. Например, Сергей Козлов, анализируя фразу Ю. Тавровского «Спящую красавицу внешне-политической пропаганды пора будить», демонстрирует, что прецедентный феномен «спящая красавица» в российском сознании связан не только со сказкой Перро, но и с балетом П. Чайковского в постановке Петипа, а также с недавней реставрацией этого балета в Мариинском театре, осуществленной Сергеем Вихоревым. В результате «спящая красавица» воспринимается как образ политической реставрации, тесно связанной с Петербургом.

2. Доступность используемого прецедентного феномена для читателей, на которых ориентируется соответствующее издание. В нашей предыдущей статье [Нахимова 2004] было показано, что не более четверти первокурсников юридического вуза оказались в состоянии понять смысл таких прецедентных феноменов, как *Смутное время*, *Ходынка*, *Семибоярщина*, *Акела промахнулся*, *испорченные жилищным вопросом москвичи*, *пепел Клааса стучал в сердце прокурора*, *бороться с ветряными мельницами*. Еще более яркие факты о восприятии студентами прецедентных высказываний приведены в исследованиях Н. А. Кузьминой [2000, 2004]. Очевидно, что человек, не способный осознать тот или иной прецедентный феномен, оказывается вне зоны его прагматического воздействия. Многие наши соотечественники воспримут выражение «спящая красавица» только как сообщение об уснувшей девушке приятной внешности.

3. Достаточная корректность и недвусмысленность использования прецедентного феномена. Не замеченная вовремя политиком возможность двоякого понимания фразы отвлекает внимание от авторского замысла. Среди рассмотренных выше особенно двусмысленно воспринимается фраза Дмитрия Аяцкова:

«Я завидую Монике Левински». Не вполне корректным представляется и обращение приморского губернатора к опыту французского президента (*Де Голль был мудрым человеком, поэтому и мне надо помудреть*): все-таки слишком велика интеллектуальная дистанция от Евгения Ноздратенко до Шарля де Голля. По-разному можно оценить и рассказ депутата о том, что длина очереди в его кабинет сопоставима с размерами очереди в мавзолей В. И. Ленина. Создается впечатление, что наши политические лидеры не до конца осознают, что их внимательно слушают и пытаются найти скрытый глубокий смысл в каждом высказывании.

Вместе с тем в условиях современного российского политического дискурса отнюдь не считается недостатком некоторая грубость и даже оскорбительность используемого образа, а также неточное цитирование или смысловое преобразование цитаты. Использование прецедентных феноменов — это, помимо прочего, эффективный способ оскорбить и унижить оппонента, не опасаясь при этом судебного преследования. Остается надеяться, что развитие политической культуры и социальной толерантности в нашей стране будет способствовать в будущем более корректному использованию прецедентных феноменов.

2.5.2. Президент как субсфера-мишень прецедентности

Исследование президентского дискурса — одно из перспективных направлений современной политической лингвистики. Подобные исследования особенно характерны для американских специалистов: см. специальный обзор в монографии Э. В. Будаева и А. П. Чудинова [2006]. Вместе с тем показательно, что и отечественные специалисты в последние годы все чаще обращаются к этой сфере исследования. Помимо монографии и докторской диссертации М. В. Гавриловой, в которой детально рассмотрены коммуникативные особенности выступле-

ний Б. Н. Ельцина и В. В. Путина [Гаврилова 2004, 2005], можно выделить несколько кандидатских диссертаций [Каслова 2003; Стрельников 2006; Моисеева 2007; Чернякова 2007 и др.], а также целый ряд статей [Белкина 2002; Вепрева 2007; Маркова, Харламова 2005; Светоносова 2005 и др.].

Повышенное внимание к президентскому дискурсу легко объяснимо: глава государства традиционно вызывает интерес у соотечественников и многих граждан зарубежных стран. Вполне закономерно, что президент воспринимается не только как руководитель, но и как своего рода символ страны. Показательно, что в самых разных языках существует образная модель, в соответствии с которой президент метонимически обозначает государство в целом: так, еще Дж. Лакофф подметил, что американские политические лидеры и близкие к ним журналисты предпочитали говорить не о войне с Ираком, а о борьбе с Саддамом Хусейном [G. Lakoff 1991].

В современной политической лингвистике выделяются два подхода к изучению президентского дискурса. В первом случае предметом рассмотрения становится идиостиль главы государства [Гаврилова 2007]. Специалисты рассматривают коммуникативные стратегии и тактики президента, его образные средства, использование различных пластов лексики и фразеологии, излюбленные средства синтаксиса, способы выражения модальности, выражение оценки и др. Комплексная характеристика идиостилей президентов России представлена в исследованиях М. В. Гавриловой [2004, 2005]. Другие авторы обращаются лишь к отдельным аспектам президентского идиостиля. Так, Т. А. Светоносова [2005] рассматривает политические ценности, представленные в выступлениях президента В. В. Путина, А. В. Сурина описывает метафоры со сферой-источником «насилие» в мемуарах первого президента России Б. Н. Ельцина.

Во втором случае (широкий подход) исследуются не только речевая деятельность президента, но и пути создания образа

президента в коммуникативной деятельности иных политических деятелей и журналистов. Изучение подобных материалов позволяет определить, как руководитель страны воспринимается в национальном сознании. Так, в диссертациях А. А. Касловой [2003], А. М. Стрельникова [2005], А. И. Моисеевой [2007] сопоставлены метафоры и оценочные высказывания, которые широко использовались в избирательных кампаниях по выборам президентов США и России.

Основным материалом для рассмотрения в настоящей публикации стали публикации отечественных политиков и журналистов, которые дают характеристику президенту В. В. Путину, то есть учитывается широкий подход к выделению президентского дискурса. Предметом исследования стал арсенал прецедентных имен, которые используются для образного представления действующего президента страны в современном российском президентском дискурсе.

Одно из перспективных направлений в исследовании прецедентных имен в современной российской политической коммуникации — это последовательное описание ведущих сферисточников и сфер-мишеней прецедентности, что важно для определения того круга фоновых знаний, который необходим читателю для правильного и полного понимания соответствующих текстов [Караулов 1987; Красных 2002]. Изучение сферисточников и сфер-мишеней прецедентных имен может предоставить также интересный материал для оценки эрудиции, жизненного опыта, политических предпочтений, прагматических установок и речевого мастерства автора, а также для выявления авторского отношения к концептам, составляющим сферы-мишени.

Следует отметить, что случаи использования для создания образа президента прецедентных феноменов, восходящих к литературной сфере, весьма немногочисленны и воспринимаются как несколько надуманные, не вполне удачные. Например, со-

вершенно неожиданный образ находит редактор оппозиционной газеты «Завтра» Александр Проханов. Ср.:

*Симпатии общества к Путину из последних сил подогреваются Леонтьевым, Пушкивым, Сванидзе. Среди бесчисленных оглуляющих мыльных опер и бессмысленных ток-шоу эти «три мушкетера» выглядят благородными рыцарями, воспевающими свою Даму Сердца, которая таинственно и печально, словно блоковская **Незнакомка**, маячит в осеннем тумане российской политики (Проханов А. «А в Киеве дядька...» // Завтра. 2004. № 45).*

Наибольшее место в фонде прецедентных имен, используемых в современной политической коммуникации для осмысления личности и предназначения действующего Президента России, занимает сфера политики [Нахимова 2005]. Особенно частотны в функции источника имени широко известных глав государств, а также других знаменитых политических лидеров.

Сторонники В. В. Путина, обращаясь к нему, видят в нем продолжателя традиций лучших политических лидеров нашего государства. Ср.:

*На Руси все Владимиры были мудрыми — от **Владимира Красное Солнышко** и **Владимира Мономаха** до **Владимира Ильича**. А Вы мудры на генетическом уровне, потому что вы Владимир Владимирович (М. Бобаков, руководитель новосибирских профсоюзов).*

Бывший лидер «Союза правых сил» Б. Е. Немцов, размышляя о программе действий В. В. Путина, вспоминает о деятельности преобразившего Россию Петра Первого.

*Когда **Петр** надумал прорубить «окно в Европу», он стал ввозить в Россию немцев, голландцев, посылать своих «птенцов» к заграничным учителям, заложил на болоте европейский город. Это была выразительная и недвусмысленная демонстрация государевых намерений. **Путину**, слава Богу, уже не надо прорубать ни окно, ни дверь. Время требует от лидера нации*

совсем иных «царских жестов». Но несомненно, что такие жесты, а еще лучшие — дела, необходимы. Хотя бы для того, чтобы общество почувствовало: на дворе — новая эра (Б. Немцов, лидер «Союза правых сил»).

Совсем иные образы для представления действующего Президента Российской Федерации находят оппозиционные авторы, которые вспоминают всемирно известных диктаторов (Наполеон, Иван Грозный, Пиночет, Сталин и др.). Ср.:

В ельцинском мифе конкретного исторического предка не было. Мифический Ельцин — продолжение абстрактного былинного богатыря, черпающего силу от народа и матери-сырой земли.

*А Путину пытались подыскивать великих предшественников. Предлагалось сравнение с генералом де Голлем, который сумел мобилизовать униженную нацию и создать сильную президентскую республику. Делались намеки на **Наполеона**, который, как и Путин, пришел к власти после революции (имеется в виду, что революция — это Ельцин), когда страна устала и нуждалась в стабильности. Проводились аналогии с Андроповым.*

*Сейчас про **де Голля и Наполеона** замолчали. Нынче на очереди **Петр I**. Это свежая идея. Раскручивать ее будут, по-видимому, к 300-летию Петербурга. Мол, Путин — тоже создатель империи, цивилизатор, рубит окна в европы. Но — жесткая рука. Без этого у нас никак, **Петр** тоже бороды боярам резал, однако цель оправдывала средства (Озерова М. и др. Золотая маска // Московский комсомолец. 2001. 8 апр.).*

*Журнал «The Wall Street Journal» сравнивает Россию с постреволюционной Францией, а Путину прочит роль **Наполеона**, которому досталась «псевдомонархия, управляемая псевдodemократическими институтами...» Путин и действует **по-наполеоновски** решительно и быстро: начал борьбу с региональными царями, делит 89 провинций на семь, хочет назначать и снимать губернаторов; он, наконец, начал атаку на не-*

зависимую прессу (Морозов А. Владимир Бонапарт // Московский комсомолец. 2000. 17 мая).

*Русское сердце бьется в тайной надежде — вот он выстрадавший лидер России, новый **Иосиф Сталин**, до времени скрывавшийся в тайниках еврейской власти и вышедший, наконец, на свет божий* (А. Проханов, редактор газеты «Завтра» и один из лидеров народно-патриотического союза).

*Четыре года напролет Владимир Владимирович спрашивал себя: тот ли я, за кого меня принимают? хозяин Кремля или случайный постоялец? вольный государь или невольный **Лжедмитрий**? представитель клана, посредством безобразной ельцинской смелости получившего на разграбление экссверхдержаву, или водитель нации, избавитель ее от эпохи безвременья? <...> Чтобы снять этот — центральный — вопрос со своей личной повестки дня, Путин должен был избавиться от Кабинета Касьянова* (Белковский С. // Комсомольская правда. 2004. 1 марта).

*Сегодня либералы шьют для В. Путина чуть ли не кафтан **Ивана Грозного*** (В. Костиков, бывший помощник Президента РФ Б. Н. Ельцина).

*Нынешняя избирательная кампания представляет собой не очередной маскарад с наполнением Государственной думы новым составом депутатов, а фундаментальный поворот путинского Кремля к формированию нового типа государственного устройства, в рамках которого все вопросы будут решаться силами фактически однопартийной системы, возглавляемой лично «**русским Пиночетом**»* (А. Нагорный, журналист).

Журналист А. Будберг, пытаясь осмыслить динамику политических решений действующего Президента России, обращается к широкому ряду прецедентных имен, среди которых и имена зарубежных политических лидеров. Ср.:

*Создается впечатление, что **Путин** постепенно реализует идеи, которые казались перспективными в 1999—2000 гг. Но*

страна за эти четыре года проделала огромный путь. Прodelала во многом благодаря самому **Путину**. И тогда, цитируя Стругацких, очень хотелось поставить его «в один ряд с **Ришелье, Никкером, Токугавой. Иэясу, Монком**». Но, неожиданно развернувшись, пойдя против того, что сам делал, Путин проявил себя не как крупный политик, который «всегда должен идти от жизни», а как доктринер. В результате он больше похож не на **Ришелье, а на Николая I**. Один из историков так написал об этом русском императоре: «Он считал себя ответственным за все, что делается в государстве, хотел все знать и всем руководить». Чем закончилась эпоха **Николая I** — хорошо известно: Россия упустила время на необходимую модернизацию, растеряла фору, которую получила после наполеоновских войн (А. Будберг, журналист и политолог).

К числу политиков, видимо, в настоящее время можно отнести и калифорнийского губернатора, который ранее был известным актером. Ср.:

*Несмотря на некоторую тягу к военной атрибутике — бушлаты, фуражки, шлемы, куртки военного образца, — он (Путин) вовсе не претендует на роль **супермена**, российского «**шварценеггера**» (Костиков В. // Аргументы и факты. 2004. 17 марта).*

Для характеристики В. В. Путина нередко используются имена известных разведчиков, что легко объясняется биографией президента. Ср.:

*Психологически Путин — это **Штирлиц**, достигший своей мечты: стать фюрером. Только у Штирлица был Центр, куда можно было направлять радиogramмы, и приближающаяся Красная армия. А что есть у Путина? (Хазин М. Хозяин и работник // Завтра. 2005. № 10).*

*Вы, Владимир Владимирович, будете тем **Рихардом Зорге**, работая в российском правительстве, который будет стоять на стороне национальной экономики и на стороне трудового народа России (Н. Харитонов, лидер Аграрной партии).*

Даже обратившись к самому перечню прецедентных имен, нетрудно обнаружить идеологическую позицию автора, степень его воспитанности и политической корректности, а также его представления о том, по какому пути движется страна под руководством В. В. Путина, о том, кто должен стать образцом для президента и что представляет для него несомненную опасность. Особенно часто в таких контекстах используются прецедентные имена Наполеон, Сталин, Иван Грозный и Петр Великий. Действующего Президента России сравнивают также с основоположником династии Романовых Михаилом Первым и Александром Вторым-Освободителем, однако даже враги В. В. Путина не предрекают ему судьбу Николая Второго, Павла Первого или Петра Третьего.

Представленные материалы свидетельствуют, что как сторонники, так и противники президента используют для характеристики В. В. Путина прецедентные имена из социальной мегасферы, тогда как художественная мегасфера остается маловостребованной. В названной функции отечественные по сфере происхождения прецедентные имена заметно преобладают над зарубежными, а прецедентные имена, восходящие к историческому прошлому, — встречаются значительно чаще прецедентных имен, которые связаны с современным этапом развития общества. Выбор прецедентного имени обычно тесно связан с политическими взглядами автора и его отношением к личности и деятельности президента.

Следует согласиться с тем, что использование прецедентных имен «служит грозным оружием в руках умелых журналистов, поскольку является мощным механизмом создания положительного или отрицательного политического портрета» [Клушина 2002: 55]. Метафора в равной степени способна и возвеличить, и дискредитировать политического лидера, поскольку действует на подсознание и активизирует интертекстуальную составляющую вербально-ментального лексикона.

Дальнейшее исследование президентского дискурса позволит сопоставить прецедентные феномены, которые используют сами президенты, с прецедентными феноменами, которые используются при характеристике президентов другими политиками и журналистами. Значительный интерес может представить сопоставление прецедентных феноменов, которые используются в российском и зарубежном президентском дискурсе, а также историческое сопоставление прецедентных феноменов в политическом дискурсе высших руководителей современной России, Советского Союза и Российской империи.

Разумеется, политическая сфера относится к числу наиболее активных «магнитов» для прецедентных имен, но указанные имена нередко используются и для обозначения иных лиц, которые привлекают общественное внимание и служат предметом эмоциональной оценки (особенно негативной). В частности, при помощи прецедентных феноменов нередко обозначаются люди, работающие в экономической сфере, и особенно олигархи. Ср.:

*Кем бы он ни был на самом деле: сперва влиятельное лицо при очередном заточенном в Горках обезумевшем правителе, а ныне как бы уже **Троцкий** в бегах, **Березовский**, безусловно, человек с чутьем и вкусом на таланты* (Баранов В. От мертвого осла уши // Лебедь. Бостон. 2003. 28 сент.). *Могущество и самоуверенность **Березовского** зашли так далеко, что он не боялся в близлежащем к Кремлю ресторане предаваться плотским утехам на глазах у всех. Начались сравнения с **Распутиным**, а вместе с ними и первые сомнения: а нужен ли России президент, подконтрольный тем, кто на него закулисно влияет* (Угланов А. Березовский атакует российский трон // АиФ. 2003. № 24). *Каста олигархов, как бы сказали раньше — **Политбюро** — стала тяготиться Березовским, отвергла его. Слишком много знает, не держит язык за зубами, да и «поляна» уже занята* (А. Угланов // Там же). Сопоставление Березовского с Троцким и Распутиным, а олигархов в целом — с Политбюро ЦК КПСС позволяет

выразить негативную оценку, которая способствует соответствующему воздействию на читателя.

Не менее распространены случаи, когда в качестве прецедентных выступают имена современных российских олигархов. В частности в следующем контексте фамилии низвергнутых олигархов используются для обозначения богатых людей, которые также могут подвергнуться тому или иному давлению. Ср.:

В случае прихода Иванова тоже будет определенная система договоренностей, хотя и менее кардинальная, чем в 1999-м. — Ходорковских и Березовских будет больше получается. — Да нет. Ходорковский в 99-м году тоже входил в систему договоренностей, но оказался нарушителем конвенции, как Паниковский (Диалог В. Жарихина и Д. Орешкина. Почему группа-91 держится за президентское кресло // Известия. 2007. 25 июля). Гуцериев — второй Ходорковский? Говорят, что проблемы владельца «Руснефти» М. Гуцериева с прокуратурой связаны с его претензиями на активы ЮКОСа (Без автора под рубрикой «Знакомые лица» // АиФ. 2007. № 21).

В следующем контексте фамилия олигарха метафорически используется для обозначения всех богатых людей, которые, по мнению автора, необоснованно получили свое состояние. Ср.:

Наша страна и без того потеряла двадцать лет исторического времени, миллионы населения, гигантские территории и зоны влияния — и все ради чего? Ради того, чтобы абрамовичи и уже с ними покупали себе недвижимость на Британских островах и Лазурном берегу? (Коньков Н. Голос — за «Родину» // Завтра. 2006. № 1).

Показательно, что в тех случаях, когда нет необходимости подчеркивать сомнительное происхождение состояния, наши авторы предпочитают вспоминать о Рокфеллере, Ротшильде, Билле Гейтсе и иных чрезвычайно богатых иностранцах.

Среди других сфер-источников прецедентности в современной массовой коммуникации необходимо выделить субсферу

популярной культуры (имена широко известных певцов, композиторов, актеров, а также героев наиболее известных фильмов, клипов, песен и др.). Широко используются также прецедентные имена, восходящие к субсферам «Музыка» и «Спорт». Все реже в последние годы появляются новые прецедентные имена, связанные со сферами науки и особенно производства. Отметим также, что в субсферах «Музыка», «Зрелища» и — в меньшей степени — «Спорт» прецедентные имена зарубежного происхождения представлены значительно шире, чем в иных субсферах. Вообще на современном этапе развития массовой коммуникации популярная культура оказывается востребована не в меньшей степени, чем классика. В последние годы значительно активнее, чем в советскую эпоху, используются прецедентные имена зарубежного происхождения.

Итак, материалы настоящей главы свидетельствуют о том, что в основу общей классификации прецедентных имен могут быть положены следующие основания: вербальный или невербальный характер, понятийные сферы-источники и сферы-мишени прецедентности, степень известности (в отдельном социуме, в стране или в различных государствах) и продолжительность широкой известности (на протяжении многих столетий или же в течение небольшого промежутка времени), национально-культурная принадлежность, характер источникового онима (антропоним, топоним, астроним и др.).

При рассмотрении прецедентных имен в составе текста может быть учтен характер структурных и семантических преобразований, денотативное или коннотативное использование, типы взаимодействия с другими текстовыми единицами, наличие в тексте специальных маркеров прецедентности.

Представленное в настоящем разделе детальное рассмотрение отдельных классификаций (по типам источниковых онимов, по сферам — источникам и сферам-мишеням прецедентности)

позволяет более полно увидеть сущность прецедентности и специфические признаки отдельных видов прецедентных имен.

Исследование сфер-источников прецедентности показывает, что в современной массовой коммуникации к числу наиболее продуктивных относятся субсферы-источники «Литература», «Театр», «Политика» и «Война». Значительно реже в современной коммуникации используются прецедентные имена, восходящие к сферам «Наука» и «Религия». Заметное предпочтение при выборе источников прецедентности отдается широко известным именам, восходящим к отечественным источникам. Все более востребованными оказываются прецедентные феномены, восходящие к массовой культуре и заметно снижается роль классики как источника прецедентности.

При обследовании сфер-мишеней экспансии прецедентности выяснилось, что наиболее востребованными прецедентные имена оказываются в политическом, медийном и рекламном дискурсах. Особенно часто прецедентные имена используются для характеристики политических лидеров и иных людей, находящихся в центре общественного интереса. Чем с большим вниманием авторы относятся к тому или иному явлению, тем больше вероятность его образной характеристики при помощи прецедентных имен и иных прецедентных феноменов.

ГЛАВА

3

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ТЕКСТЕ, ДИСКУРСЕ И МЕНТАЛЬНО-ВЕРБАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ ЛИЧНОСТИ

В предшествующих главах рассматривалось место прецедентных имен в русской языковой системе и закономерности использования прецедентных феноменов в общем континууме современной массовой коммуникации. Основная задача настоящей главы — исследование роли прецедентных феноменов в организации текста, дискурса и ментально-вербального лексикона личности с использованием как когнитивно-дискурсивной и лингвокультурологической методологии, так и методологии современной лингвистики текста.

Термин «текст» не имеет в современной науке общепризнанного определения, поскольку отражает сложную, разноплановую сущность и используется в самых различных научных парадигмах (грамматической, психолингвистической, коммуникативной, семантико-смысловой, стилистической, когнитивной и др.).

В рамках традиционного (грамматического) подхода текст понимается как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанного в соответствии с этим типом документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 2005: 18].

При когнитивном подходе определение текста предполагает учет не только лингвистических системно-структурных, но и дискурсивных факторов, существенно влияющих на организацию текста. Текст существует не как автономная сущность, а как результат ментальной и речевой деятельности субъекта речи — говорящей личности. В результате такого подхода текст рассматривается не как комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных знаков, а как реально сложная система, функционирующая в различных сферах и ситуациях общения. Текст существует в рамках национальной культуры, он взаимосвязан с множеством иных текстов и является проявлением национальной картины мира. Как справедливо подчеркивает Е. С. Кубрякова, «текст — это событие и семиотическое, и лингвистическое, и коммуникативное, и культурологическое, и когнитивное» (Кубрякова 1994).

В рамках современной когнитивно-дискурсивной парадигмы (Е. С. Кубрякова) текст рассматривается как центральная, организующая часть дискурса, что предполагает особое внимание к прагматическим установкам текста, который должен рассматриваться с учетом конкретных условий его создания и восприятия на основе учета факторов интертекстуальности. В данном случае дискурс понимается как «текст, погруженный в жизнь» (Н. А. Арутюнова), то есть учитываются все условия создания и восприятия соответствующего текста (автор, адресат, время появления в свет, цели создания и тиражирования, принадлежность массовой или личностной коммуникации и др.) и его интертекстуальные связи.

При изучении закономерностей функционирования прецедентных концептов важно максимально учитывать такие параметры текста, как целостность, связность, интертекстуальность, прагматическую направленность и соотнесенность с дискурсом. Прагматические и дискурсивные связи текста запрограммированы его формой и содержанием, но выходят за его пределы, в

этом случае автор надеется на общекультурную и политическую компетенцию читателя [Бабенко, Васильев, Казарин, 2000: 259—264]. Такой подход позволяет в большей мере учесть интертекстуальные связи прецедентных имен во всем культурном пространстве.

При осмыслении текста как продукта социокультурной коммуникативной деятельности должны в полной мере учитываться интертекстуальные связи, одним из проявлений которых являются прецедентные феномены. Как показано в монографии А. П. Чудинова, «к числу текстообразующих прагматических средств во многих случаях относится и система метафор», которая часто «представляет собой не случайный набор абсолютно автономных элементов, а своего рода систему, для которой характерны сильные внутритекстовые и внетекстовые связи» [Чудинов 2003: 110]. Можно предположить, что сказанное в значительной степени относится и к функционированию прецедентных феноменов, которые, как и концептуальная метафора, способны участвовать в обеспечении связности, целостности, прагматической направленности, дискурсивности и интертекстуальности соответствующего текста.

Эта закономерность проявляется прежде всего в тех случаях, когда текст построен таким образом, что в нем присутствует значительное количество прецедентных феноменов, которые образуют специфическую систему. И эта система способствует восприятию текста как определенного единства, она связывает отдельные части текста в единое целое и одновременно обеспечивает прагматическую действенность текста, его интертекстуальные и дискурсивные связи.

Показательно, что в монографии Н. А. Фатеевой, написанной на материале художественной речи, ярко продемонстрировано, что интертекстуальность, в рамках которой значительную роль играют прецедентные феномены, способна служить средством объединения текста. На этой основе автором выделяется

особая функция интертекста — текстопорождающая [Фатеева 2006: 37—39].

Основная задача настоящей главы — когнитивно-дискурсивное исследование закономерностей использования прецедентных феноменов в пределах конкретного текста и соответствующего ему дискурса с учетом ментально-вербального лексикона личности.

В первом параграфе главы представлен анализ функций, которые характерны для прецедентных феноменов — когнитивной, номинативной, коммуникативной, прагматической, людической и др., что позволяет полнее охарактеризовать взаимодействие прецедентного имени с текстом и дискурсом. Общее исследование функциональной нагрузки прецедентных имен позволяет более точно определить функции того или иного прецедентного имени в конкретном тексте.

На следующем этапе исследования описываются общие закономерности использования прецедентных феноменов в качестве стилистической доминанты текста. В этом случае прецедентные феномены выделяются, усиливаются за счет их использования в сильных (то есть наиболее значимых для восприятия) позициях текста (начало, концовка, заголовки и др.), а также за счет взаимодействия прецедентных феноменов с другими образными средствами (метафора, антитеза, аллюзия, инверсия и др.).

В третьем параграфе главы рассматривается специфика развертывания в пределах текста группы прецедентных феноменов, восходящих к одной понятийной сфере. Такой состав прецедентных феноменов усиливает их значимость, системность, привлекает внимание читателей и увеличивает прагматический эффект.

Заключительный раздел главы посвящен рассмотрению места прецедентных феноменов в ментально-вербальном лексиконе отдельного человека, что в значительной степени влияет на способность данного человека правильно понимать текст, в ко-

тором активно представлены прецедентные феномены. Данный аспект позволяет в большей степени учесть роль личности — создателя текста. Текст существует не как автономная сущность, а как результат ментальной и речевой деятельности субъекта речи — говорящей личности. В каждом конкретном тексте отражается ментально-вербальная языковой личности автора, который стремился в полной мере учесть дискурсивные и социокультурные факторы восприятия данного коммуникативного произведения адресатом.

3.1. Функции прецедентных имен в тексте и дискурсе

Вопрос о функциях прецедентных феноменов в тексте уже неоднократно привлекал внимание специалистов, которые стремятся понять, ПОЧЕМУ авторы обращаются к использованию ресурсов прецедентности. При рассмотрении этой проблемы важно не ограничиваться рамками собственно текста, а обратиться к функциям прецедентных феноменов в дискурсе.

Обзор существующих публикаций по проблемам функционирования прецедентных феноменов свидетельствует о существовании совершенно различных точек зрения на эту проблему.

Основоположник теории прецедентности Ю. Н. Караулов, рассматривая способы и цели введения прецедентных текстов в дискурс, выделяет несколько типов: номинативный (знак, вводящий прецедентный текст, указывает на какое-то характерное свойство, типовую примету); референтный (включение имен выдающихся людей в целях обогащения идейно-проблемного содержания произведения, наращивания его духовного заряда, увеличения воздейственной эстетической и этической мощи); цитирование. Функции цитирования могут быть двоякими. Роль высказывания, носящего характер формулы, состоит в указании на особого рода «канал», по которому развиваемая в дискурсе языковой личности мысль как бы вливается в широкий «мен-

тальный контекст» духовного арсенала произведения, читателя, эпохи» [Караулов 1987: 230].

В. Б. Гудков — один из наиболее авторитетных специалистов по теории прецедентности выделяет для них следующие функции: экспрессивную, оценочную и парольную [Гудков 2003: 157—158]. В данной публикации не акцентируется исследуемый дискурс, однако следует учитывать, что функции прецедентных феноменов в значительной степени зависят от характера дискурса. Обратимся к проблемам взаимосвязи функций прецедентности и типа дискурса.

С. И. Сметанина, рассматривая прецедентные феномены в медиа-текстах, указывает, что они «интеллектуализируют изложение, формируют новые смыслы, своеобразно вводя событие текущей жизни в общеисторический и культурный контекст» [Сметанина 2002: 123]. По мнению Н. В. Немировой, прецедентность контекста «позволяет наиболее ярко выразить политические пристрастия автора-публициста» [Немирова 2003: 153]. В статье Н. И. Клушиной выделены две основные тенденции в использовании антропонимов в современном газетном языке. Первая из них — это экспрессивная игра со словом, которая призвана привлечь внимание читателя. Вторая тенденция — это идеологическое использование антропонима, «когда он становится оценкой (часто противоречащей сложившемуся в обществе этическому канону), являясь грозным оружием в руках умелых журналистов» [Клушина 2002: 53]. Автор убежден, что «антропонимика в современной газете является мощным механизмом создания положительного или отрицательного политического портрета» [Клушина 2002: 55].

При исследовании политической коммуникации выделяют следующие функции прецедентных феноменов: опознавательную, поэтическую и референтивную функции [Филинский 2002: 53]; экспрессивную, оценочную, идеологическую и консолидирующую [Базылев 2005: 14—16]. В диссертации О. А. Ворожцо-

вой, посвященной сопоставительному исследованию прецедентности в российском и американском предвыборном дискурсе, рассмотрены следующие функции прецедентных феноменов: когнитивная (которая представлена номинативной, оценочной, моделирующей, инструментальной, гипотетической разновидностями), коммуникативная, прагматическая и эстетическая (изобразительную и экспрессивную) [Ворожцова 2007]. В основу этой классификации положена классификация функций метафоры, предложенная А. П. Чудиновым.

При рассмотрении интертекстуальности в научном дискурсе выделяются следующие функции: референционная, оценочная, этикетная и декоративная [Михайлова 1999: 11].

В диссертациях, посвященных использованию прецедентных феноменов в рекламном дискурсе, особое внимание обращается на их манипулятивную функцию, прагматическое воздействие на адресата [Кушнерук 2006; Пикулева 2003]. В диссертации М. В. Терских персуазивная функция соотносится с функцией авторитетности, основанной на том, что ПТ обладают определенной культурной значимостью. Далее рассматриваются аттрактивная функция, которая основана на использовании известного текста в новом контексте для привлечения внимания, игровая (людическая) функция, основанная на использовании игровых приемов и тесно связанная с эстетической функцией. Автор выделяет также делимитативную функцию (адресация рекламы определенной референтной группе) и имиджеобразующую функцию, ориентированную на создание позитивного имиджа [Терских 2003: 20—22].

При характеристике художественного дискурса Н. А. Фатеева делает вывод о том, что функции интертекста — это введение в текст некоторой мысли или конкретной формы представления мысли; включение данного текста в более широкий культурно-литературный контекст; создание подобия тропеических отношений на уровне текста; в качестве дополнительной

выделяется конструктивная, текстопорождающая функция [Фатеева 2006: 37—39]. Ю. Ю. Саксонова при анализе прецедентности указывает на следующее предназначение: 1) вызвать у читателей; 2) создать комический эффект путем столкновения различных дискурсов; 3) поддержать развитие сюжета. В художественных произведениях выделенные функции чаще всего совмещаются [Саксонова 2001: 15].

В диссертации, посвященной функционированию прецедентных феноменов в разговорной речи, выделяются оценочная, характеризующая, коммуникативная, конативная и экспрессивная функции [Гулько 2002: 18].

В исследовании, посвященном изучению смеховых жанров, рассматриваются номинативная, персуазивная, людическая и парольная функции прецедентных феноменов [Слышкин 2000: 85—104].

Можно предположить, что обнаруженные разногласия объясняются, во-первых, тем, что рассматриваются различные виды дискурса (научный, художественный, медийный, бытовой, политический и др.), а во-вторых, тем, что одни специалисты говорят только о функциях прецедентных имен, а другие — о функциях прецедентных феноменов в целом. Следует учитывать также принадлежность соответствующих специалистов к той или иной научной школе, различия в представлениях о том, что такое функции прецедентных феноменов.

Если попытаться выявить то общее, что обнаруживается в рассмотренных классификациях, то обнаружится, что различные авторы выделяют следующие виды функций:

- оценочную (А. А. Филинский, Б. В. Гудков, В. Н. Бызылев, Е. В. Михайлова, Ю. А. Гулько, О. А. Ворожцова);
- поэтическую, к которой близки эстетическая и декоративная (А. А. Филинский, Е. В. Михайлова, О. А. Ворожцова, Н. А. Фатеева, Г. Г. Слышкин, Ю. Ю. Саксонова);

- экспрессивную (В. Н. Базылев, О. А. Ворожцова, Б. В. Гудков, Ю. А. Гунько);
- консолидирующую, к которой близка парольная и опознавательная функции (В. Н. Базылев, Б. В. Гудков, Г. Г. Слышкин, А. А. Филинский);
- номинативную (Г. Г. Слышкин, О. А. Ворожцова);
- коммуникативную (О. А. Ворожцова, Ю. А. Гунько, Н. А. Фатеева);
- людическую, связанную с языковой игрой (Г. Г. Слышкин, М. В. Терских);
- прагматическую (С. Л. Кушнерук, Ю. Б. Пикулева, М. В. Терских);
- референтивную, или референционную (А. А. Филинский, Е. В. Михайлова).

Отдельные специалисты выделяют также следующие функции: идеологическую (В. Н. Базылев), характеризующую и когнитивную (Ю. А. Гунько), персуазивную (Г. Г. Слышкин), когнитивную (О. А. Ворожцова), интертекстуальную и текстопорождающую (Н. А. Фатеева), персуазивную (М. В. Терских), имиджеобразующую (М. В. Терских). При внимательном рассмотрении указанных функций среди них можно выделить две группы.

К первой группе можно отнести такие функции, которые выделяют едва ли не у любого слова как единицы языка и речи: этими функциями прецедентные имена обладают в силу того, что они являются именами существительными. Примером может служить номинативная функция, которая присуща всякому слову. Ко второй группе следует отнести такие функции, которые проявляются у прецедентных имен в большей степени, чем у некоторых иных групп существительных.

Для настоящего исследования преимущественный интерес представляет вторая группа функций, которая и будет охарактеризована ниже.

1. Функция оценки. Прецедентные имена — важное средство эмоциональной оценки, они не претендуют на логическую законченность, на точную формулировку, но ярко выражают субъективное отношение автора. Как подчеркивает Д. Б. Гудков, оценка, выраженная с помощью прецедентных феноменов, не претендует на объективность, она подчеркнуто эмотивна и субъективна [Гудков 2003: 157].

2. Моделирующая функция — функция формирования представлений о мире в виде модели. Прецедентные имена — важная часть национальной языковой картины мира. С их помощью тому или иному реальному лицу приписываются определенные качества, эталонным носителем которых выступает прецедентное имя.

3. Прагматическая функция — функция воздействия на адресата. Прецедентные феномены — мощное средство воздействия на адресата, они помогают переформатировать картину мира, имеющуюся у адресата. Прецедентные феномены задают определенную систему ценностей и антиценностей, которая в той или иной мере регулирует поведение представителей национально-лингвокультурного сообщества, объединяя «своих» и противопоставляя их «чужим».

4. Эстетическая функция связана с тем, что прецедентные имена воспринимаются как способ эстетической оценки мира, они воспринимаются адресатом как эстетически значимые, привлекают к себе внимание необычной формой выражения. Поскольку прецедентные имена нередко рассматриваются как одна из разновидностей метафоры (хотя не всегда и всякое ПИ употребляется метафорически), то их восприятие во многом аналогично восприятию метафоры — одного из главных средств эстетического воздействия.

5. Парольная функция. Прецедентные имена, используемые в речи, часто служат для обнаружения общности ментально-вербальной базы автора и читателя. Читатель, откликаясь на

пароль, названный автором, становится как бы «своим», «посвященным». Таким образом, читатель и автор образуют своего рода «команду», группу единомышленников, понимающих друг друга и отделяющих себя от «непосвященных».

6. Людическая функция. Использование прецедентных феноменов часто имеет характер своего рода языковой игры: автор задает загадку, а читатель ищет на нее ответ. Языковая игра способствует привлечению внимания к форме текста, снижению напряженности общения и делает его менее формальным.

7. Эвфемистическая функция. Применение прецедентных имен иногда помогает смягчить высказывание, сделать его менее резким, менее конкретным и — в конечном итоге — выразить необходимую информацию в неагрессивной форме.

Важно подчеркнуть, что все названные функции прецедентных имен реализуются в комплексе, хотя в тех или иных контекстах возможно преобладание каких-либо функций. При определении этих функций важно учитывать не только содержание текста, но соотношение данного текста с дискурсом: прецедентные имена выполняют свои функции не просто в тексте, а в его дискурсе.

3.2. Акцентирование прецедентности в тексте

Проведенное исследование показывает, что имена собственные, при использовании которых акцентированы их коннотативные признаки, встречаются в современных текстах значительно реже, чем имена в денотативном употреблении. В этом отношении показательны результаты поиска прецедентных имен с использованием интернет-ресурса «Национальный корпус русского языка»: из многих сотен и тысяч зафиксированных в этом корпусе словоупотреблений имен собственных к числу прецедентных словоупотреблений, как правило, относится не

более 5—10%. Значимость прецедентных имен для организации конкретного текста также может быть различной. Чаще всего случается так, что прецедентное имя оказывается в тексте «одиноким», воспринимается как отдельная деталь, которая потребовалась автору для иллюстрации своего замысла.

Поэтому повышенный интерес представляют случаи, когда прецедентные имена оказываются среди ведущих средств коммуникативной организации того или иного текста и одновременно выполняют несколько функций. В качестве примера рассмотрим следующую статью А. Проханова, напечатанную в газете «Завтра» (2004. 12 нояб.).

«А в Киеве дядька...»

*Ни Янукович, ни Ющенко. Второй тур. Украина топчется на историческом перекрестке, выбирая между Европой и Россией, «ляхами» и «москалями». Януковичу, перепачканному угольной пылью Донбасса, милей **Богдан Хмельницкий** и **Тарас Бульба**, православный крест и казацкая люлька. Ющенко, глотнувший горилки с цианистым калием, тяготеет к **Мазепе** и **Бандере**, к иезуитской сутане и кошельку **Сороса**.*

Путин со скрипом выбивает клин, забитый Ельциным в трещины, по которым раскололся Советский Союз, «домкратит» осевшее здание Евразии, — учреждает военную базу в Таджикистане, поощряет экспансию капитала в Киргизию, «присутствует» в Южной Осетии и Абхазии, стягивает скрепы между Россией и Беларусью. Этому препятствует Америка, залезшая в мошонку практически всем странам мира, что заставляет человечество орать от боли и взрывать американцев то на Манхэттене, то в Ираке. Противоречия Америки и России будут обостряться независимо от борьбы Буша и Керри. «Бушкеррия» — соперник России на весь XXI век, ставящая на границах нашей Родины системы ракетного перехвата, радары разведки и дивизии НАТО.

Путин увеличивает поклажу проблем, непосильно нагружая двугорбого верблюда российской государственности. Его «вертикаль власти», легко пронзившая ливерные места холопствующих губернаторов, создавшая великолепный шашлык **из Рос-селя и Чубайса, Ходырева и Прусака**, натолкнулась на косточки в ягодицах президентов Татарии, Чувашии, Башкортостана. Их местные «думы», российские по форме, националистические по содержанию, объявили бойкот путинскому централизму. Обилие в некоторых республиках ваххабитских медресе, замещение традиционных мулл ставленниками «саудитов» делают Поволжье взрывоопасным районом, который может сдетонировать при очередном **Беслане**.

Олигархи, внешне смиренные, послушно отдающие ключи от своих сейфов **Вольскому и Примакову**, на деле тихо ненавидят Путина, начиная новое партийное строительство, где изношенные, подгнившие «балки либерализма», такие, как **Хакамада, Немцов и Рыжков**, будут дополнены новым строительным материалом, американскими технологиями, «слезами солдатских матерей», тактическими союзами либералов и коммунистов, о которых год назад лишь грезилось в лондонских снах **Березовскому**.

Обилие нерешаемых проблем, внешних и внутренних, экономических и социальных, уподобляет российскую власть **чернобыльскому реактору**, который в результате резонанса роковых неудач и дурных ошибок рванул так, как если бы его захватили чеченские террористы.

Симпатии общества к Путину из последних сил подогреваются **Леонтьевым, Пушковым, Сванидзе**. Среди бесчисленных оглуляющих мыльных опер и бессмысленных ток-шоу эти «**три мушкетера**» выглядят благородными рыцарями, воспевающими свою **Даму Сердца**, которая таинственно и печально, словно **блоковская Незнакомка**, маячит в осеннем тумане российской политики.

*Путину нечего сказать народу. У него нет «образа будущего», кроме образа 2008 года, когда мы вдруг не досчитаемся нашего **«Петра Великого»**, и путинские «прилипалы» станут панически метаться в поисках новой акулы. Вот и долбит **Жириновский** великое советское прошлое — так ворон с испачканными пометом перьями клюет глаза погибшего витязя.*

*Люди русские, а вы станете умирать за **Абрамовича**?*

В заглавие данной статьи вынесена пословица, которая, казалось бы, не имеет прямого отношения к содержанию основного текста, однако в составе этой пословицы присутствует прецедентный топоним «Киев», что служит косвенным указанием на то, что речь пойдет об Украине. Указанный топоним очень важен для русского национального сознания, поскольку Киев — это, с одной стороны, «мать городов русских», а с другой — столица независимой Украины, государства, которое волею судеб оказалось между Россией и Европой. Отметим, что обсуждение исторических судеб государства начинается с яркой метафоры (*Украина топчется на историческом перекрестке, выбирая между Европой и Россией, «ляхами» и «москалями»*), которая взаимодействует с соответствующими прецедентными именами.

Основной текст начинается с фамилий кандидатов, вышедших во второй тур и символизирующих два вектора устремлений украинских избирателей. Именно два этих вектора постоянно упоминает автор, используя для обозначения прецедентные имена и метафоры. Союз России и Украины представляют прецедентные имена **Богдан Хмельницкий** и **Тарас Бульба**, а также яркие символы и метафоры (*«Януковичу, перепачканному угольной пылью Донбасса, милей православный крест и казацкая люлька»*). Другую сторону представляют прецедентные имена **Мазепа** и **Бандера**, которые сопровождаются иными символами и метафорами (*«Ющенко, глотнувший горилки с цианистым калием, тяготеет к иезуитской сутане и кошельку **Сороса**»*).

В результате фамилии кандидатов в президенты Украины также приобретают характер прецедентных имен.

В следующих абзацах организующую роль играет метафора, которая в значительной степени усиливается использованием прецедентных имен (*великолепный шашлык из Росселя и Чубайса, Ходырева и Прусака; Олигархи, внешне смиренные, послушно отдающие ключи от своих сейфов Вольскому и Примакову; изношенные, подгнившие «балки либерализма», такие, как Хакамада, Немцов и Рыжков*). Реальность возможных угроз представлена с использованием прецедентного топонима, использованного в метафорической конструкции (*Обилие в некоторых республиках ваххабитских медресе, замещение традиционных мулл ставленниками «саудитов» делают Поволжье взрывоопасным районом, который может сдетонировать при очередном Беслане*).

В заключительных абзацах представлено два прецедентных названия из литературной сферы — **«три мушкетера»** и **блоковская Незнакомка**, а также обозначение действующего Президента России прецедентным именем царя-реформатора. В качестве прецедентных имен в данном контексте воспринимаются и фамилии политических обозревателей **Леонтьева, Пушкива** и **Сванидзе**, которые предстают как символы чрезмерно ангажированной и необъективной журналистики.

Несомненно, прецедентный характер в данном контексте имеют также фамилии олигархов — **Березовского**, которому снятся «лондонские» сны, и **Абрамовича**, который стал еще одним символом незаслуженного обогащения и чрезмерной роскоши. Показательно, что статья заканчивается риторическим вопросом (*Люди русские, а вы станете умирать за Абрамовича?*), в котором использована фамилия олигарха, ставшая прецедентной.

Итак, данный текст отличается активным использованием разнообразных прецедентных имен, которые последовательно поддерживаются многочисленными метафорами, другими разновидностями прецедентности а также иными образными сред-

ствами (риторический вопрос, риторическое обращение, аллюзия, инверсия).

В качестве еще одного примера рассмотрим следующую статью А. Лысова, напечатанную в газете «Завтра» (1997. 22 апр.). Данный текст отличается использованием значительного количества прецедентных имен, активно взаимодействующих с иными образными средствами, организующими повествование.

Ты — Борисыч, Я — Борис

Немцов произошел от нежно-голубой связи Хлестакова с Бендером. Редкий случай: в результате литературно-типажного брака нарождается мальчик во плоти. Он журит, распекает в пух, вводит в трепет генералов, подрыгивая при этом ляжкой и иронично-гневно виляя взглядом — это от папы. Умилительно отпирается, что бросил камень в окошко Газпрома, виновато улыбается и трепещет юношеским станом под просторным пиджаком — это от мамы. Тинейджерское самоутверждение сквозит в его поступках. Ущербность и непрощенная детская обида движут им. Какая-то семейная драма тяготит его душу. Отмщением пылает взгляд у этого вечно набычившегося молодого человека.

Тот же в нем комплекс Димы Якубовского: хочет стать генералом и всем что-то доказать. Но опять слышится только жалкий лепет о непричастности к хищению книг — у Димы. И ведется игра на шовинистов, игра в машинки — у Бори.

Хотя за три недели подъяупитерной жизни Немцов чиновничьи обрюзг и заматерел, но все его взятки еще впереди. Чиновник — рыцарь, совесть нации намеренно ходит в недорогом, слегка помятом пиджаке. Чем-то напоминает еще и молодого бескорыстного Свердлова, только без чахотки, здоровенького. Большевичок!

Теперь окончательно ясно, что в случае с Немцовым телевидение, силясь достичь политических результатов, достигло

лишь художественных. Автор с инициалами **Н. Т. В.** намерился воздуть младогубернатора до будущего президента России — преемника Ельцина, но Немцов в нескольких эпизодах лишь талантливо сыграл самого себя.

Вопреки почти кэзэбешино-цэрэушиной скрытности, «двойственности личности, компьютерной расчетливости в общении», он обнажился и воссиял литературно.

Безусловно, в прототипе-то преобладает унылая литературщина: молодое, махровое негодяйство заурядного российского карьериста, по-своему пронизательного и крайне циничного, наделенного вторым — хитрым умом.

Начинал с того, что водил несколько десятков молодых крикунов на борьбу против строительства атомной станции. С виду был борец за чистоту атмосферного воздуха и только. Однослойные его «друзья»-ровесники теперь мерзнут в неотапливаемых квартирах. Поделом. А Борис уже тогда в межрегиональной группе заседал и с протекции Сахарова блистал на московских кухнях. Азартно поджигал бикфордовы шнуры под стенами Союза. За что потом и получил губернию в удел.

Презирая аборигенов, построил в Нижнем тысячу пивных ларьков, и недоволен, что неблагодарные освистали его на последней побывке. И это в тридцать лет!

Тоска в его глазах оттуда, оттуда, от груза великих «дел».

Он чувствует, что пропадает, что народ перекормлен его «образом». Еще две-три недели такой раскрутки — и **Немцова** возненавидят пуще **Чубайса**.

Вот именно, в сравнении с пряным **Немцовым** скоро покажется Чубайс простоватым ковбоем. И единым кандидатом от демократов.

Немцов — один, как перст. У **Чубайса** — команда. У **Немцова** — «вся жизнь впереди». У **Чубайса** — час пробил. **Немцов** запачкан в патриотизме. **Чубайс** — незапятнанный западник. **Немцов** — «сложный». **Чубайс** — без комплексов... Ну где же

они, покажите мне скорей ряд новеньких «Волг» у подъезда Дома правительства?!

*Да и в будущем, может быть, Немцов, получивший негласное предложение от Чубайса заменить Черномырдина на посту премьера в мае, а потом и **стать Ельциным**, этот шулер почти наверняка «кинет» и самого **Чубайса**.*

В данном тексте использован интригующий заголовок, который представляет собой некую загадку и сразу привлекает внимание. В конце 90-х гг. прошлого века в российской политике присутствовало несколько «Борисов» (в том числе президент страны и первый вице-премьер) и несколько «Борисовичей». Поэтому читатель понимал, что речь пойдет о высшем руководстве России, но едва ли мог догадаться, о ком именно.

Однако уже в первой фразе статьи появляется фамилия Немцова — одного из наиболее известных в то время Борисов. Однако фамилия Борисовича (Анатолия Борисовича Чубайса) появляется только в конце текста.

Первая фраза статьи (как и весь ее первый абзац в целом) организована двумя прецедентными именами литературного происхождения: в характере Бориса Немцова автор стремится акцентировать черты главных героев двух сатирических героев — Хлестакова и Бендера. Автор рисует узнаваемые черты Хлестакова (*Он журит, распекает в пух, вводит в трепет генералов, подпрыгивая при этом ляжкой и иронично-гневно виляя взглядом*), которые приписываются Немцову и тем самым снижают его образ в глазах читателей. Это же относится и к чертам Бендера, которые автор приписывает вице-премьеру (*Умилительно отпирается, что бросил камень в окошко Газпрома, виновато улыбается и трепещет юношеским станом под просторным пиджаком*). Далее появляется еще одно прецедентное имя (Дмитрий Якубовский) и дается описание соответствующих черт личности (*хочет стать генералом и всем что-то дока-*

зать. Но опять слышится только жалкий лепет о непричастности к хищению книг). Таким образом, использование прецедентных имен оказывается сильным средством для дискредитации главного видного государственного чиновника.

Важное место в статье занимает еще одно прецедентное имя — первый глава Советского государства Свердлов. Этот антропоним также используется для дискредитации Бориса Немцова (*Чиновник — рыцарь, совесть нации намеренно ходит в недорогом, слегка помятом пиджаке. Чем-то напоминает еще и молодого бескорыстного Свердлова, только без чахотки, здоровенького. Большевичок!*).

В заключительном абзаце статьи используется прецедентное имя, относящееся к сфере современной политики: по мысли автора Борис Немцов получил предложение «**стать Ельциным**», то есть президентом России. Таким образом, обнаруживается кольцевое расположение прецедентных имен, открывающих и завершающих статью, то есть занимающих максимально сильные позиции в данном тексте.

Отметим также взаимосвязь заголовка статьи («Ты — Борисыч, Я — Борис») с первым и последним словами основного текста: статья открывается фамилией Бориса (Немцов) и заканчивается фамилией «Борисыча» (Чубайса).

Рассмотренные способы акцентирования прецедентных имен последовательно дополняются другими образными средствами. Наиболее заметна метафора (*в результате литературно-типажного брака нарождается мальчик во плоти; бросил камень в окошко Газпрома; отмищением пылает взгляд у этого вечно набычившегося молодого человека; воздуть младогубернатора до будущего президента России; азартно поджигал бикфордовы шнуры под стенами Союза; за что потом и получил губернию в удел; народ перекормлен его «образом»; запачкан в патриотизме*). Череда этих образов заканчивается криминальной метафорой (*этот шулер почти наверняка «кинет»*).

Среди иных фигур и тропов следует отметить антитезу: *«Немцов — один, как перст. У Чубайса — команда. У Немцова — «вся жизнь впереди». У Чубайса — час пробил. Немцов запачкан в патриотизме. Чубайс — незапятнанный западник. Немцов — «сложный». Чубайс — без комплексов...»*. Далее используется аллюзия: фраза *«Ну где же они, покажите мне скорей ряд новеньких «Волг» у подъезда Дома правительства?!»* (а еще раньше — *игра в машинки*), несомненно, должна напомнить о призыве Бориса Немцова использовать в государственных учреждениях только отечественные автомобили.

Итак, в данном тексте несколько ярких прецедентных имен литературного и политического происхождения (Хлестаков, Бендер, Свердлов, Якубовский, Чубайс, Сахаров, Ельцин), в каждом из которых акцентированы негативные качества, образуют особую систему, которая призвана дискредитировать образ вице-премьера Бориса Немцова. Указанная система постоянно взаимодействует с иными образными средствами (метафора, аллюзия, антитеза и др.), что заметно усиливает ее воздействие на читателя.

Рассмотренный материал (как и множество других примеров) позволяет выделить основные признаки, по которым прецедентные феномены в том или ином тексте можно охарактеризовать как доминантные, играющие важную роль в организации соответствующей статьи:

- повышенная частотность использования, наличие определенной системы прецедентных единиц;
- разнообразие по видам, сферам-источникам, по форме представления и иным параметрам;
- рассредоточенность, то есть присутствие в различных частях текста;
- использование в наиболее сильных позициях текста (заголовков, первая и последняя фразы текста в целом и — в меньшей степени — его структурно-композиционных частей и др.);

- взаимодействие с иными образными средствами (метафора, антитеза, аллюзия и др.).

3.3. Развертывание прецедентных феноменов в тексте

В современной массовой коммуникации текст часто оказывается «многослойным», то есть насыщенным элементами интертекстуальности: в нем обнаруживается множество прецедентных феноменов, цитат и квазичитат, реминисценций и аллюзий, явной и скрытой полемики. В подобных случаях интертекстуальность становится ведущим композиционным принципом, а не единичным приемом, что характерно для постмодернистской парадигмы.

Адекватное восприятие материалов современных СМИ возможно только в дискурсе, с учетом множества фоновых знаний из различных областей культуры, а следовательно, требует специального подхода, учитывающего современные методики интерпретации текста, включающего концептуальные метафоры, аллюзии, прецедентные феномены и иные проявления интертекстуальности [Бабенко, Васильев, Казарин 2000; Костомаров, Бурвикова 2006; Сметанина 2002; Чудинов 2003 и др.].

При рассмотрении прецедентности в современной публицистике Н. В. Немирова выделяет несколько способов функционирования прецедентных феноменов в политическом дискурсе: прецедентные цепочки (группа прецедентных единиц, где каждый из предыдущих является непосредственным источником последующего), прецедентные парадигмы (группа прецедентных феноменов, восходящих к одному и тому же источнику) и прецедентные контаминанты (высказывания, восходящие одновременно к двум прецедентным источникам) [Немирова 2003: 153].

Представляется, что возможна и несколько иная классификация.

При рассмотрении закономерностей использования прецедентных имен в конкретных текстах целесообразно разграничить следующие случаи:

- прецедентное имя оказывается в тексте единичным, не связанным с другими прецедентными феноменами;
- прецедентное имя выступает в составе целого комплекса прецедентных феноменов, относящихся к одному и тому же тексту-источнику (или к текстам одного автора);
- прецедентное имя выступает в составе комплекса прецедентных имен, относящихся к одной понятийной сфере;
- прецедентное имя выступает в составе комплекса прецедентных феноменов, относящихся к различным сферам-источникам.

По количеству словоупотреблений заметно преобладает первый вариант использования указанного концепта. Например, в публикации, посвященной положению в Грузии, приводятся слова бывшего министра Георгия Хаиндрава: *У Саакашвили (как, кстати, и у Ющенко на Украине) своей идеологии нет. Есть убежденность: если мы пойдем на Запад, то решим все проблемы, найдем там золотой ключик. Я это называю идеологией **Буратино*** (Юсин М., Иашвили А. Как живут грузины // Известия. 2007. 13 февр.). Образ представляется достаточно интересным, но в данном тексте нет его развития, названный фрейм не является для данного текста доминантным.

Значительно меньше распространен (но более интересен) второй вариант использования прецедентных имен. В этом случае прецедентное имя используется в составе группы прецедентных феноменов, играющей важную роль в композиционной и эстетической организации текста. Рассмотрим закономерности развертывания прецедентности в статье Натальи Галимовой «Поле чудес», опубликованной в газете «Московский комсомолец» 15 сентября 2003 года.

Акцентирование фрейма «*Приключения Буратино*» в данной статье начинается уже с самого заголовка, в качестве которого выступает прецедентное название «*Поле чудес*». Далее следует интригующий подзаголовок «*Папой Буратино был Абрам*», представляющий собой формальную и смысловую трансформацию прецедентного имени *Папа Карло*. Это привлекает внимание читателей, хорошо помнящих текст детской сказки, и заставляет их продолжить чтение, чтобы выяснить причины заведомо неверного утверждения.

Использование прецедентных феноменов, восходящих в указанной сказке А. Н. Толстого, активно продолжается в начальном абзаце рассматриваемой статьи, где обсуждается отчество и фамилия Буратино и авторство соответствующей сказки. В результате оказывается, что в данном контексте сын папы Карло действительно должен быть Абрамовичем и носить фамилию Березовский.

Далее обнаруживается и нетрадиционный подход к определению авторства сказки. Ср.:

*Кто бы мог подумать, что фамилия **Буратино** — Березовский? И что отчество у него вовсе не **Карлович**, а Абрамович? Тайна **деревянного мальчика** была раскрыта в субботу на съезде «Либеральной России» Березовского, когда в концертном зале «Измайлово» зазвучала финальная песенка из знаменитого **фильма-сказки про золотой ключик**. После вопроса: «Скажите, как его зовут?» — прозвучало не привычное уху «**Бу-ра-тино**», а неожиданное «Бе-ре-зов-ский». Присутствующие тут же засомневались в **авторстве сказки**: может, ее написал **во-все не Толстой**, а друг БАБа Юлий Дубов, который уже «обес-мертил» Березовского, сняв фильм «Олигарх».*

Развертывание фрейма продолжается (хотя и менее активно) во втором абзаце рассматриваемой статьи, где обнаруживаются *Мальвины* и *Карабасы-Барабасы*, участвующие в празднике на «поле чудес». Все это позволяет акцентировать концептуальный

вектор карнавальности и несерьезности происходящего, что, разумеется, дискредитирует столь серьезное политическое событие, как съезд партии, претендующей на политическое влияние в России и активное участие в избирательной кампании. Ср.:

*Сторонники Бориса Абрамовича решили превратить съезд в поле чудес. Более 600 делегатов походили на гигантские лимоны, нарядившись в ярко-желтые толстовки с надписью «Berezovsky team» (то бишь «команда Березовского»). Наиболее остроумные прозвали толстовки «березовками». Лидер партии Иван Рыбкин «березовку» не надел. «Я похудел на 16 кг, все майки на мне болтаются как на дубине», — пожаловался он. Дважды «подберезовики» устраивали фейерверк. На сцене «распускались» диковинные искусственные цветы, а с потолка сыпались нарядные ленты. Впрочем, не только они: в опасной близости от журналистов пролетели гигантский болт и кусок пластмассы. В большом ассортименте были представлены **Мальвины** — девушки из модельного агентства, которых пригласили в качестве украшения. Не обошлось без **карабасов-барабасов**: в зал неожиданно ворвались люди в униформе и масках и заорали: «Не двигаться!» Лица делегатов напряглись. Но вскоре выяснилось, что это проделки товарищей. «Это шутка, — заявил и. о. сопредседателя партии Виктор Курочкин. — Но, пока в нашей стране режим Путина, это может стать реальностью». «Режиму Путина» еще повезло: его выставили в довольно безобидном свете. Изначально планировалось, что «захватчики» будут вооружены и откроют стрельбу холостыми патронами, но администрация «Измайлово» стрелять запретила.*

Составляющие рассматриваемого фрейма не представлены в двух следующих абзацах статьи, но зато они вновь появляются в концовке текста, где пересекаются концептуальные фреймы «Буратино» (кукла, сделанная из полена) и Березовский, сторонники которого обозначаются как «подберезовики» и «березовцы», что акцентируют сему «дерево». Все это напрямую свя-

зано с общим смыслом статьи, в которой съезд партии представлен как действие, весьма похожее на кукольную жизнь, описанную Алексеем Толстым. Ср.:

*Компания подобралась что надо. Да и делегаты тоже. Утвердили письмо правительству и королеве Великобритании, в котором выражали благодарность за участие в деле Березовского. А вот о своей судьбе на выборах рассуждали равнодушно. Сейчас сторонники БАБа судятся с Минюстом, оспаривая право участвовать в выборах. Но глава ЦИК Александр Вешняков назвал притязания «подберезовиков» абсурдом: мол, в выборах имеет право участвовать «ЛибРоссия» Похмелкина. «Ну не регистрируют нас. Подумаешь», — пожимали плечами **березовцы**. Действительно, чего волноваться? БАБ исправно платит своим сторонникам зарплату (лидеры региональных отделений, по информации «МК», получают \$3 тыс.), а они исправно создают шумную оппозиционную массовку. Альянс **богатого Буратино** и **хитрых котов Базилио** наверняка будет длиться до тех пор, пока Березовскому хочется, чтобы о нем говорили в России. А желание это вряд ли привязано только к выборам.*

При знакомстве с представленной статьей легко заметить, что прецедентные феномены являются подлинным структурным, смысловым и стилистическим центром этой публикации. Они в значительной степени обеспечивают целостность и связность текста, поскольку развертывание поля начинается уже в заголовке статьи и максимально развивается в наиболее сильных позициях текста: в его начальной и заключительной части.

Рассмотренные примеры (а также многие другие) показывают, что ментальное поле прецедентных феноменов со сферой-источником «Детская литература» обладает широкими возможностями для развертывания в текстах современной массовой коммуникации. Одним из наиболее активных в названном поле оказался фрейм «Приключения Буратино». Использование названного фрейма часто носит иронический характер и позволяет

выразить негативное отношение к некоторым участникам соответствующей ситуации, а также многие иные концептуальные смыслы. Вместе с тем аллюзии, связанные с детской литературой, легко воспринимаются читателями и нередко помогают автору ярко представить какие-то важные детали, образно охарактеризовать соответствующую ситуацию и ее активных участников.

Специалисты по русской культуре уже отмечали ее «литературоцентризм», высокий авторитет писателей и постоянное обращение к художественным текстам в самых различных сферах коммуникации. Наши наблюдения показывают, что на современном этапе развития для отечественной массовой коммуникации (а возможно, и для российской культуры в целом) особенно характерно обращение к ресурсам детской литературы и иным наиболее доступным источникам. Особенно часто аллюзии связаны с литературными текстами, популярность которых поддерживается хорошими инсценировками, широко известными песнями или римейками.

На следующем этапе исследования рассмотрим особенности развертывания в тексте прецедентных феноменов, восходящих к одной смысловой сфере-источнику. В подобных случаях нередко обнаруживается своеобразное **поле прецедентных феноменов**, в составе которого выделяется целая система прецедентных имен, событий, высказываний и текстов, образующих развернутую подсистему фреймов. Подобное поле во многом оказывается аналогичным ментальному полю, служащему источником для метафорических моделей, однако между двумя указанными феноменами можно обнаружить и существенные различия.

В качестве примера рассмотрим поле прецедентных феноменов с ментальной сферой-источником «Театр». В политической коммуникации это поле-источник включает по меньшей мере следующие составляющие:

1. Прецедентные имена:

- создатели пьес и сценариев (драматурги, сценаристы и др.);
- создатели спектаклей (режиссеры, балетмейстеры и др.);
- персонажи пьес и спектаклей;
- актеры.

2. Прецедентные тексты:

- названия пьес и их фрагментов;
- названия прозаических произведений, по которым ставятся спектакли;
- названия спектаклей (например, спектакль Г. Товстоногова по пьесе А. М. Горького «На дне» — это нечто иное, чем другие спектакли по этой пьесе).

3. Прецедентные высказывания:

- цитаты из пьес;
- афоризмы и цитаты, связанные с соответствующей ментальной сферой («театр начинается с вешалки», «короля играет свита» и др.).

4. Прецедентные ситуации:

- ситуации из пьес (например, Софья Фамусова предпочла Молчалина);
- ситуации из соответствующей ментальной сферы, например, «почкование театров (в частности, разделение на две части «Театра на Таганке» и МХАТа);
- ситуации, представляющие собой своего рода синтез театральной и политической жизни (например, балет «Лебединое озеро» прочно связывается в современном сознании с августовским путчем 1991 года).

Можно предположить, что использование в политических текстах театральных прецедентных феноменов далеко не случайно. И дело здесь не только в том, что на рубеже веков многие политики активно осваивают актерские приемы для оболыщения избирателей, а многие люди театра «ушли в политику» (Президент Чехии драматург Вацлав Гавел, известный артист кино

Джордж Буш-старший, губернатор Калифорнии Арнольд Шварценеггер, губернатор Алтайского края Михаил Евдокимов). В эпоху все усиливающейся власти СМИ сценический имидж политика все чаще оказывается более важным, чем его политическая программа, моральные качества или опыт государственной деятельности. Отношения между политическим лидером и электоратом все более становятся похожими на взаимодействие актера и театральной публики.

Для комплексного описания поля прецедентных феноменов должны быть охарактеризованы его следующие существенные признаки:

1. Исходная понятийная область, то есть сфера-источник для соответствующего ментального поля (например, «театр», «литература», «история», «музыка», «спорт» и др.). Во многих случаях в составе того или иного ментального поля-источника можно выделить своего рода подполя, группы и иные подобные единицы.

2. Новая понятийная область, то есть сфера-магнит (сфера-мишень) для соответствующего ментального поля (например, «политика», «реклама», «сфера развлечений» и др.). Во многих случаях в составе того или иного ментального поля-магнита можно выделить своего рода подполя, группы и иные подобные единицы. В настоящей публикации рассматриваются только ментальные поля прецедентных феноменов, относящихся к сфере-магниту «политика».

3. Типы (по классификации Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д. В. Багаевой) прецедентных феноменов, относящихся к данному ментальному полю (прецедентные имена, ситуации, высказывания и тексты).

Относящиеся к соответствующей сфере фреймы, концепты, сценарии, скрипты и иные ментальные единицы, каждая из которых представляет определенную часть соответствующего смыслового поля.

При необходимости это описание может быть дополнено характеристикой продуктивности соответствующего поля (его способности к развертыванию в тексте и дискурсе) и сведениями о частотности составляющих данное поле единиц. Полезной может быть также дискурсивная характеристика поля прецедентных феноменов, то есть описание типичных для данного поля концептуальных векторов, прагматических интенций и эмотивных характеристик, дополненное сведениями о взаимосвязи данного поля с другими полями и с другими составляющими текста и дискурса.

Во многих случаях можно обнаружить также элементы взаимодействия между полем прецедентных феноменов и соответствующим метафорическим полем.

Целенаправленный анализ функционирующих в политической сфере ментальных полей прецедентных источников может способствовать обнаружению специфических свойств современной политической коммуникации и выявлению тенденций в развитии политического дискурса.

Рассмотрим закономерности развертывания ментального поля прецедентных феноменов со сферой-источником «Театр» в статье Ю. Богомолова «Политночлежка в пределах Садового кольца», опубликованной в газете «Известия» 6 марта 2004 года.

Нынче перед нами поставлен вопрос ребром: кто мы — быдло или напротив?

Хакамада говорит: если вы «напротив», придите и отдайте голос мне.

«Комитет-2008» и Владимир Рыжков говорят: если вы истинные демократы, не ходите к урнам, оставайтесь дома.

...Попрыгунья-стрекоза лето целое пропела и проплясала, а теперь, когда зима катит в глаза, принялась обличать и требовать долива после отстоя пены. Теперь она — лицо русской демократии и, как бывший член Государственной думы Киса Воробьянинов, просит подаяния.

Нетрудно заметить, что всякий раз у нас президентская гонка напоминает если не басенный, так литературно-сценический сюжет.

В 1996-м выборы проходили почти по сценарию «Карьеры Артура Уи». Финал был не тот, что в пьесе. Старый президент Генсборо все-таки выбрался из глубокой ямы. Все-таки Уи тогда не прошел в президенты.

В связи с выборами 2000 года мне в свое время пришлось вспомнить «Горе от ума». Появление Путина на политической авансцене вызвало тогда недоумение у передовой общественности. Сразу встал вопрос: кто такой? Ответ на него имел психологический подтекст: он такой, как все, — не самый высокий, не самый красноречивый. Не ярко выраженный блондин и уж точно не брюнет. И никакой у него харизмы. И политическая биография у него совсем коротенькая. И чего в нем нашла Софья Фамусова?

Каждый претендент на ее руку тогда чувствовал себя обойденным Чацким — остроумным, свободолюбивым, непринужденным, с большим политическим опытом. Особенно Явлинский. А она, Софья (в просторечии — электорат), тогда предпочла Молчалина, который на поверку не так уж и прост.

В знаменитой товстоноговской постановке, памятной для нашего поколения, акценты были несколько смещены. Самой яркой актерской удачей был Юрский в роли Чацкого — непринужденный, обаятельный, эксцентричный. Но истинным откровением того режиссерского прочтения все-таки стал Молчалин в исполнении Кирилла Лаврова. Его Молчалин был, по контрасту, скованный, принужденный, затаившийся — разночинец, шагнувший из тени в свет. Но при всем том его герой не смотрелся ничтожеством. Были в нем какая-то странность, загадочность и сила. Снаружи действительно Молчалин, а внутри — чуть ли не Базаров.

Молчалин и Чацкий — неразлучная пара в русской литературе. И, возможно, в русской жизни. У Салтыкова они подру-

жились. А у Островского — одно лицо. И имя ему — Егор Дмитриевич Глумов. Повадки и приемчики у него — как у Молчалина, а резвость ума и либерализм — от Чацкого.

То была середина XIX века. Тогда чиновничество набирало силу и пускало корни. Не было жалче зверя — мелкого чиновника (читайте Гоголя). Не было зверя страшнее крупного бюрократа (смотрите Сухово-Кобылина). Чацкие обезличились к тому времени, Молчалины обрели сановитость.

А уж в начале XX века, когда ветер демократических свобод и буржуазных начинаний впервые задул на просторах России, собирательным ее образом стал не чеховский «Вишневый сад» — им явилась ко всеобщему удивлению городская ночлежка из горьковской пьесы «На дне».

Как ни странно она аукнулась в политической жизни России уже XXI века.

Такое впечатление, что компания бомжей из прошлого решила поучаствовать в избирательной кампании 2004-го. Когда идут теледебаты, то сходство становится разительным.

Собрались политические аутсайдеры с разным житейским опытом, с непохожими судьбами, с несходными менталитетами и мировоззрениями и плачутся на жизнь и клянут тех, кто предал, захватил, обманул, украл, узурпировал. И поминают лучшие времена, всякий свои.

То выглядит из кого-нибудь брезгливый Барон, гнушающийся босяцким (в политическом смысле) обществом (например, из той же Хакамады), а то буйный Васька Пепел — из Малышкина или Лука, на которого отчасти смахивает бомжующий странник Иван Рыбкин, отчасти — бесконфликтный Сергей Миронов. Как, впрочем, и крестьянин с погонами офицера спецслужбы Николай Харитонов, и социалист-патриот с докторской степенью Сергей Глазьев. Вот такая образовалась политическая ночлежка в пределах Садового кольца.

Вот их демократические лица мы, избиратели, должны спасти, придя на выборы.

Лицо еще одного отца русской демократии — Владимира Рыжкова — мы можем спасти, если не придем на выборы.

При знакомстве с представленной статьей легко заметить, что прецедентные феномены являются подлинным структурным, смысловым и стилистическим центром этой публикации. Они в значительной степени обеспечивают целостность и связность текста, поскольку развертывание поля начинается уже в заголовке статьи и развивается во всех ее структурно-композиционных частях. Анализируя направления развертывания ментального поля прецедентных феноменов со сферой-источником «Театр» в рассматриваемом тексте, можно выделить следующие составляющие данного поля, прямо или косвенно представленные в статье.

1. Прецедентные имена:

- создатели пьес и спектаклей (драматурги А. С. Грибоедов, Н. В. Гоголь, А. М. Горький, А. Н. Островский, Бертольд Брехт, А. В. Сухово-Кобылин, А. П. Чехов; режиссер Г. А. Товстоногов);
- персонажи пьес и спектаклей (Артур Уи, президент Генсборо, Чацкий, Молчалин, Софья Фамусова, Барон, Васька Пепел, Лука, Расплюев);
- актеры (Юрский, Кирилл Лавров).

2. Прецедентные тексты:

- названия пьес («Карьера Артура Уи», «Горе от ума», «На дне», «Вишневый сад», косвенное упоминание о пьесах «Ревизор» и «На всякого мудреца довольно простоты», а также о трилогии «Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина»);
- названия спектаклей (спектакль Г. Товстоногова по пьесе А. М. Горького «На дне»).

3. Прецедентные высказывания:

- цитаты из пьес (неудачники с разным житейским опытом, с непохожими судьбами, с несхожими мен-

талитетами «плачутся на жизнь и клянут тех, кто предал, захватил, обманул, украл, узурпировал. И поминают лучшие времена»);

- афоризмы и цитаты, связанные с соответствующей ментальной сферой (в рассматриваемой публикации не обнаружены).

4. Прецедентные ситуации:

- ситуации из пьес (Софья предпочла Молчалина; Барон гнушается бояцким обществом; победа на выборах президента Генсборо и поражение Артура Уи; странствования Луки, который назван бомжем);
- ситуация из спектакля Г. Товстоногова, предложившего образ Молчалина, в котором была «какая-то странность, загадочность и сила. Снаружи действительно Молчалин, а внутри — чуть ли не Базаров»;
- ситуации из соответствующей ментальной сферы (большой успех постановки Г. А. Товстоногова).

Можно предположить, что внимательный читатель обнаружит в тексте и иные театральные аллюзии. Например, в начальной фразе данного текста (*Нынче перед нами поставлен вопрос ребром: кто мы — быдло или напротив?*) можно заметить отголоски знаменитого монолога «Быть или не быть?» из пьесы В. Шекспира «Гамлет» (вопросительная структура, антитеза, инициальная позиция).

Отметим также, что в данном тексте активно представлены театральные (по сфере-источнику) метафоры (*сценарий, пьеса, литературно-сценический сюжет, подтекст, постановка, авансцена* и др.), то есть обнаруживается взаимодействие поля прецедентных феноменов с метафорическим полем «Театр», о котором писали О. Н. Григорьева [2001], Н. А. Кузьмина [1999], А. П. Чудинов [2001], Н. Г. Шехтман [2004] и другие исследователи политической метафоры.

Как известно, в социальной жизни оказываются тесно связанными ментальные сферы «Театр» и «Литература». Поэтому

вполне закономерно, что подобные связи находят отражение и в рассматриваемом тексте, где, помимо театральных, актуализированы еще и прецедентные феномены из сферы-источника «Литература». В рассматриваемой статье упоминаются Егор Дмитриевич Глумов — герой цикла очерков М. Е. Салтыкова-Щедрина «В среде умеренности и аккуратности», Евгений Базаров — герой романа И. С. Тургенева, Киса Воробьянинов — персонаж романа И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев», а также «попрыгунья-стрекоза» из басни И. А. Крылова. Показательно, что в статье использованы также несколько трансформированные прецедентные высказывания из этой басни («Попрыгунья-стрекоза лето целое пропела и проплясала, а теперь, когда зима катит в глаза...») и из романа «12 стульев» («лицо еще одного отца русской демократии» и «бывший член Государственной думы Киса Воробьянинов»).

Продолжая описание ментальных полей прецедентных феноменов в рассматриваемой статье, в соответствии с представленной выше методикой анализа, выделим взаимосвязи между полями-источниками «Театр» и «Литература», с одной стороны, и полем-магнитом «Политическая реальность», с другой стороны (в данном случае актуализировано подполе «Федеральные выборы в России»).

1. Фрейм «Политические партии и лидеры» — Фрейм «Персонажи литературных произведений и спектаклей».

1.1. «Правые политические силы» (СПС, «Яблоко», «Комитет-2008», Владимир Рыжков, Ирина Хакамада и др.) — попрыгунья-стрекоза, просящий подаяния отец русской демократии Киса Воробьянинов, «бомжи» из прошлого.

1.2. Ельцин — президент Генсборо.

1.3. Путин — Молчалин в исполнении Кирилла Лаврова.

1.4. Избиратели — непостижимая Софья Фамусова.

1.5. Явлинский — обойденный Чацкий.

1.6. Хакамада — брезгливый Барон.

- 1.7. Малышкин — буйный вор Васька Пепел.
- 1.8. Иван Рыбкин, Сергей Миронов, Сергей Глазьев и Николай Харитонов — названный бомжем странник Лука.
2. Фрейм «Избирательные кампании» — Фрейм «Пьесы и спектакли».
 - 2.1. Выборы 1996 года — пьеса Б. Брехта «Карьера Артура Уи».
 - 2.2. Выборы 2000 года — пьеса А. С. Грибоедова «Горе от ума».
 - 2.3. Выборы 2004 года — пьеса А. М. Горького «На дне».
 3. Фрейм «Проведение избирательной кампании»
 - 3.1. Плохая подготовка к выборам — песни и пляски беспечной попрыгуньи-стрекозы.
 - 3.2. Послевыборное поведение политических неудачников — жалобы и проклятья «политических бомжей» Барона, Васьки Пепла и Луки, а также нищенские просьбы Кисы Воробьянинова.

Разумеется, рассмотренное соотношение прецедентных феноменов из театральной сферы с реальной политической ситуацией являет собой лишь один из возможных вариантов представления ситуации. Показательно, что в интервью с режиссером Андреем Житинкиным (Независимая газета. 2000. март) предлагается совсем иное распределение ролей. Ср.:

В «Горе от ума» роли распределяются совершенно замечательно. Чацкий — это же Путин. В этом случае, понятное дело, Фамусова играет Лебедь. У Путина/Чацкого сложные отношения с Софьей/Хакамадой. Правда, есть персонажи, у которых отношения складываются лучше. Это в первую очередь Кириенко/Молчалин. Фантастически ярко роль старухи Хлестовой мог бы сыграть Жириновский — с его яркими губами, потрясающей мимикой. В чепчике и с лорнетом он был бы просто неподражаем. Получилась бы яркая, язвительная, всех высмеивающая Хлестова. На роль Скалозуба огромное количество претендентов — например, Руцкой, тот же Лебедь... И, как ни странно, на Скалозуба можно было бы попробовать Невзорова.

В труппе нашего гипотетического театра есть потрясающие «люди двора» — те, кого называют сплетниками. Есть свой резонер. Роль Репетилова я дал бы Доренко. Он фантастически транслирует любую мысль и способен говорить на любую тему.

Отметим также, что в статье Ю. Богомолова, которая была опубликована газетой «Известия» в марте 2000 года, предлагалось еще одно распределение ролей: Скалозуба, по мысли автора, мог бы сыграть Геннадий Зюганов, а на роль Фамусова хорошо подошел бы Борис Ельцин. В этом случае играть Чацкого и Молчалина, добивающихся руки Софьи-электората, пришлось бы соответственно Григорию Явлинскому и избранному президенту.

О судьбе еще одного активного участника избирательной кампании 2000 года — Бориса Березовского — размышляет журналист А. Угланов: *Да, у лондонского сидельца все еще немало помощников в России. Они — остатки некогда большой армии, служившей БАБу за деньги. Так что в его сегодняшней активности явно прослеживается комплекс короля Лира — он продолжает думать о тех, кого поставил на ноги, вывел во власть, как о своих детях. Но нужен ли он этим «детям» сегодня?! <...> Так что БАБ все больше становится похож на Фирса из «Вишневого сада» А. П. Чехова. Пришли новые олигархи — и старый больше не нужен. Демонизированная фигура окончательно отлучена от российской политики* (Угланов А. Березовский атакует российский трон // АиФ. 2003. № 24).

Рассмотренные примеры (а также многие другие) показывают, что ментальные поля прецедентных феноменов со сферами-источниками «Театр» и «Литература» обладают широкими возможностями для развертывания в современных российских политических текстах. При дискурсивной характеристике названных полей прецедентных феноменов можно отметить, что они проникнуты концептуальными векторами, представляющими политическое событие как что-то вторичное, неподлинное,

как своего рода игру, имитацию настоящей жизни. Использование названных полей для характеристики политической ситуации часто носит иронический характер и позволяет выразить негативное отношение к некоторым участникам политической борьбы и политической ситуации в стране в целом, а также многие иные концептуальные смыслы. Вместе с тем литературно-театральные аллюзии нередко помогают автору ярко представить какие-то важные детали, образно охарактеризовать политическое событие и его активных участников.

Специалисты по русской культуре уже отмечали ее «литературоцентризм», высокий авторитет писателей и постоянное обращение к художественным текстам в самых различных сферах коммуникации [Кондаков 2005]. Наши наблюдения показывают, что для отечественной массовой коммуникации (а возможно, и для российской культуры в целом) характерен еще и «театроцентризм», постоянное обращение к ресурсам рассматриваемой сферы.

Как известно, в нашей стране издавна литература и театр (а в XX веке еще и кино) служат своего рода «учебниками жизни» — источниками моральных ценностей, стереотипных представлений и репертуара прецедентных имен, ситуаций, текстов и высказываний. Соответственно «Поэт в России — больше, чем поэт», а знаменитый артист — это едва ли не божество. В этих условиях вполне закономерно регулярное обращение отечественных политиков и журналистов к прагматическим ресурсам литературных и театральных источников.

Заканчивая рассмотрение закономерностей реализации прецедентных феноменов в тексте, сделаем следующие выводы:

1. В текстах, ориентированных на массовую коммуникацию, часто можно обнаружить прецедентные феномены, играющие важную роль в коммуникативной организации содержания. Основные признаки доминантности — высокая частотность, разнообразие, развернутость и рассредоточен-

ность по различным частям текста. Дополнительные признаки доминантных моделей — применение не только традиционных, но и ярких индивидуально-авторских образов, реализация соответствующих имен в наиболее сильных позициях текста (заголовок, первая и последняя фразы текста в целом и — в меньшей степени — его структурно-композиционных частей, шрифтовые выделения и др.).

2. Используемые в тексте прецедентные феномены должны гармонизировать между собой, обладать теми или иными однотипными свойствами, обеспечивая тем самым стилистическое единство статьи. Выделяются два основных варианта развертывания прецедентности в тексте: в первом случае разнообразные прецедентные феномены восходят к одному тексту (или к творчеству одного автора), а во втором — прецедентные феномены объединяются принадлежностью к одной смысловой сфере.
3. Восприятие прецедентного феномена становится более ярким, если он акцентируется в тексте при помощи тех или иных средств, способствующих привлечению внимания читателей к форме выражения соответствующих смыслов (антитеза, метафора, инверсия и др.). Особую значимость для восприятия прецедентности приобретает использование соответствующего феномена в заголовке текста, а также в его инициальной и/или финальной фразе.
4. Доминантные прецедентные феномены представляют собой одно из важных средств обеспечения связности и цельности текста, они усиливают эстетическую значимость и прагматический потенциал текста. Удачное использование прецедентного феномена — мощное средство воздействия на адресата, способ преобразования картины мира в его сознании. Применение прецедентного феномена способно изменить отношение к обсуждаемой проблеме, создает эмоциональный фон, необходимый для принятия решений, и под-

сказывает решения за счет активизации аналоговых возможностей человеческого мышления.

5. Использование когнитивно-дискурсивного анализа существенно расширяет возможности традиционной лингвистики текста. Эффективный анализ текстообразующей роли прецедентных феноменов возможен только с учетом их интертекстуальных связей. Такое исследование позволяет лучше понять разворачиваемые прецедентные феномены в их взаимосвязи не только внутри текста, но и в общем континууме современности.

3.4. Прецедентные феномены в ментально-вербальном лексиконе личности

Важная проблема исследования прецедентности — это выяснение того, насколько читатели (слушатели) способны правильно и полно воспринимать смысл высказывания с прецедентным феноменом. Как ярко показал Г. И. Богин [2000], техника понимания текста, рефлексия — это самый сложный многоаспектный процесс, допускающий различную глубину восприятия и обязательно включающий несколько стадий. Для правильного и полного понимания текстов с прецедентными феноменами читателю необходимо выполнить целый ряд сложных ментальных операций. Адресат должен быть способен, во-первых, обнаружить явления прецедентности в соответствующем тексте, во-вторых, осознать источник прецедентности, а в-третьих — оценить структурные, смысловые, функциональные и иные особенности использования прецедентного имени в данном тексте.

Для выполнения указанных операций читателю необходима определенная эрудиция и подготовленность к правильному восприятию текста с прецедентными феноменами. Однако можно предположить, что реально эти ментальные операции (узнавание, осознание и оценку) способны осуществить далеко не все

читатели, а во многих случаях даже и не большинство. Наши эксперименты, проведенные в 2003 году, показали, что большинство студентов не могут объяснить, например, смысл следующих выражений: *Смутное время, Ходынка, Семибоярищина, Акела промахнулся, испорченные жилищным вопросом москвичи, пепел Клааса стучал в сердце прокурора, бороться с ветряными мельницами*. Особенно низкую эрудицию продемонстрировали будущие юристы, но не многим лучше проявили себя и будущие педагоги [Нахимова 2004].

В результате эксперимента, проведенного Н. А. Кузьминой (2004) выяснилось, что большинство филологов опознают следующие цитаты: *«Человек — это звучит гордо»*, *«Отчего люди не летают?»*, *«А может, тебе дать и ключ от квартиры, где деньги лежат?»*, *«У сильного всегда бессильный виноват»*, *«Ведь нынче любят бессловесных»*, *«Счастливые часов не наблюдают»*, *«Шепот, робкое дыханье, трели соловья»*, *«Ах, ножки, ножки, где вы ныне?»*. Вместе с тем было обнаружено, что при общем высоком проценте правильной атрибуции от 4 до 16% реципиентов неверно указывают автора или свидетельствуют об анонимном бытовании цитаты в их индивидуальной когнитивной системе [Кузьмина 2004]. В процессе указанного эксперимента было выявлено, что в зону слабой распознаваемости (менее трети опрошенных) вошли все рассмотренные цитаты из поэзии XX века, в том числе такие известные, как *«Быть знаменитым некрасиво»*, *«Во всем мне хочется дойти до самой сути»*, *«Милый, милый, смешной дуралей! Ну, куда же, куда он гонится?»*, *«Вы помните, вы все, конечно, помните...»*, *«А если когда-нибудь в этой стране воздвигнут задумают памятник мне...»*. В этой же группе оказались почти все цитаты из произведений Некрасова, знакомых еще со времен начальной школы (*«Не ветер бушует над бором»*, *«И пошли они, солнцем палимы...»*), и даже некоторые цитаты из Пушкина и Лермонтова (*«Подожди немного, отдохнешь и ты»*) [Там же].

Вопросы восприятия студентами прецедентных имен детально исследованы в кандидатской диссертации Н. В. Бирюковой [Бирюкова 2005]. Было обнаружено, что абсолютное большинство студентов, обучающихся в Уральской академии государственной службы по специальности «Государственное и муниципальное управление», не в состоянии объяснить, кто такие Тарас Скотинин, Аркадий Кирсанов, Павел Корчагин и Олег Кошевой. С этой задачей не справились и многие студенты-филологи. Следует отметить, что современные студенты уже плохо знают произведения советской литературы, которые в настоящее время не изучаются в школе или рассматриваются обзорно. Лишь около трети студентов-филологов смогли вспомнить имена чрезвычайно популярных в недавнем прошлом героев романов «Молодая гвардия» и «Как закалялась сталь» Олега Кошевого и Павла Корчагина. Показательно, что многие студенты-филологи не могли вспомнить прецедентное имя Тарас Скотинин и лишь три четверти студентов помнят когда-то знаменитого Павла Власова.

Не менее показательны и данные о знакомстве студентов с прецедентными именами из социально-политической сферы. По данным Н. В. Бирюковой, лучше всего студентам-филологам знакомы прецедентные имена Емельян Пугачев (94%), Степан Разин (93%), Георгий Жуков (85), Александр Невский (80%). Хуже всего студенты-филологи знают Константина Черненко (66%), Софью Перовскую (64%) и Павла Пестеля (72%). Показательно, что больше всего ошибочных ответов касается деятельности Генерального секретаря ЦК КПСС Константина Черненко и знаменитого юриста Анатолия Кони.

Вместе с тем, оказалось, что студенты Академии государственной службы в меньшей степени, чем студенты-филологи, знают прецедентные имена из социально-политической сферы. С одной стороны, все студенты, изучающие менеджмент, знают имя Емельяна Пугачева, абсолютное большинство студентов

знают имена Павла Пестеля и Ивана Грозного (по 85%), Козьмы Минина (76%), Георгия Жукова и Льва Троцкого (по 73%), Сергея Радонежского и Степана Разина (70%). С другой стороны, только 16% будущих управленцев знают о деятельности Софьи Перовской и только 30% студентов Академии помнят имя Константина Черненко, который два десятилетия назад возглавлял Советский Союз. Показательно и сопоставление количества студентов, которые не дали ответа (19,0% филологов и 32,5% менеджеров) [Бирюкова 2005].

Представленные выше материалы позволяют еще раз вернуться к проблеме определения прецедентности. По мнению В. В. Красных, «прецедентные феномены — это феномены: 1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [Красных 2002: 58]. В этом определении наибольшее сомнение вызывает утверждение о том, что прецедентными являются феномены, «известные **всем** (выделено мною. — *Е. Н.*) представителям национально-лингвокультурного сообщества». Даже если обратиться к тем примерам прецедентных феноменов, которые приводит сама В. В. Красных, то можно предположить, что едва ли действительно **все наши соотечественники** понимают смысл таких прецедентных ситуаций, как Смутное время, Ходынка, Семибоярщина, а также таких прецедентных имен, как майор Пронин, Растиньяк, Альхен и др. Интеллектуальный и культурный уровень наших граждан, сферы их интересов настолько различны, что выдвижение критерия общеизвестности при выявлении прецедентных феноменов в коммуникации, рассчитанной на массового адресата, представляется не вполне осторожным.

Показательно, что Д. Б. Гудков высказывается значительно корректнее, определяя прецедентные феномены как единицы,

которые **«знакомы большинству** (выделено мною. — *Е. Н.*) лингвокультурного сообщества, хранятся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализируются в речи» [Гудков 1999: 12]. Однако даже этот критерий («знакомы большинству») выводит за пределы рассматриваемой категории множество фактов, которые В. В. Красных и Д. Б. Гудков рассматривают в качестве прецедентных феноменов. Еще более осторожен Ю. Н. Караулов, который определяет прецедентные тексты как «значимые для той или иной личности, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников» [Караулов 1987: 216].

Поскольку результаты анкетирования показали, что менее половины студентов смогли объяснить смысл прецедентных феноменов, названных В. В. Красных, то остается сделать вывод о том, что в определении прецедентности лучше использовать выражение «значительная часть» лингвокультурного сообщества вместо слишком «оптимистичных» кванторов «все» и «большинство».

В определении В. В. Красных по отношению к прецедентным феноменам использовано выражение «хорошо известные». Это же выражение ранее было использовано и в определении Ю. Н. Караулова. Можно предположить, что феномен может быть назван «хорошо известным» в том случае, когда информант способен, например, указать автора соответствующего произведения, его название и объяснить контекстуальный смысл данного выражения в прототексте. Однако в процессе анкетирования выяснилось, что значительная часть информантов обнаруживает степень знакомства с некоторыми предложенными для объяснения феноменами, которую можно сформулировать приблизительно так: «Где-то об этом что-то слышал» или «Кажется знакомым».

Другим возможным способом выявления прецедентных феноменов может являться рассмотрение фактора адресанта. В этом случае критерием может служить сам факт использования

прецедентных феноменов в тексте, особенно если имеются признаки того, что автор осознает специфику такого употребления. По мысли В. В. Красных, прецедентными называются феномены, «обращение к которым **постоянно возобновляется** (выделено мною. — *Е. Н.*) в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [Красных 2002: 58]. Можно предположить, что в этой формулировке тоже проявляется излишний максимализм. Во-первых, трудно точно определить, что можно считать «постоянным возобновлением» — две фиксации, три, десять или сорок фиксаций в разнообразных текстах. Во-вторых, представляется, что даже одного случая фиксации «чужого слова» в тексте достаточно для того, чтобы квалифицировать этот случай как использование прецедентного феномена (примером может служить рассмотренное выше употребление выражения «бичьи нервы»).

В результате предлагаемых уточнений определение приобретает следующую формулировку. Прецедентные феномены — это феномены: 1) известные значительной части представителей лингвокультурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым обнаруживается в речи представителей соответствующего лингвокультурного сообщества.

Исследование места прецедентных феноменов в речевом сознании наших соотечественников как и изучение степени их знакомства с прецедентными феноменами, представляет собой актуальную и перспективную научную проблему. Представляется, что для решения этой проблемы целесообразно активнее использовать анкетирование, интервьюирование, свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент, моделирование, выявление признаков «фамильного сходства», стратификационные исследования и другие современные методы и приемы, созданные в рамках психолингвистики, социолингвистики и когнитивной лингвистики. Подобные

исследования помогут полнее представить национальную картину мира наших соотечественников в ее соотношении с национальной картиной мира других народов, а также отчетливее разграничить групповые, социумные, региональные, национальные и интернациональные прецедентные феномены.

Заключение

Проведенное когнитивно-дискурсивное лингвокультурологическое исследование прецедентных имен, которые используются в современной отечественной массовой коммуникации, свидетельствует, что существующая в национальном сознании система прецедентных феноменов — это важное средство постижения, концептуализации, представления и оценки действительности. Эта система ярко отражает национальное самосознание и дискурсивные характеристики соответствующего текста: его авторство и адресность, условия создания и функционирования, интертекстуальные связи и социальное восприятие.

Прецедентные имена — это важная часть национальной языковой картины мира, они задают национальную систему ценностей и антиценностей, которая в той или иной мере регулирует поведение представителей национально-лингвокультурного сообщества, объединяя «своих» и противопоставляя их «чужим». Постсоветское преобразование русского языка и особенно его функциональных свойств в значительной степени связано и с обновлением корпуса прецедентных феноменов, с усилением роли интертекстуальности в организации массовой коммуникации.

Теория прецедентности — это одно из стремительно развивающихся направлений современной лингвистики. После публикации основополагающей монографии Ю. Н. Караулова и под влиянием исследований Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, Н. А. Кузьминой, И. М. Михалевой, Ю. Е. Прохорова, Г. Г. Слышкина, Ю. А. Сорокина, Н. А. Фатеевой проблема прецедентности все чаще и чаще привлекает внимание отечественных специалистов (Д. В. Багаева, Л. В. Балахонская, Н. А. Бирюкова, О. С. Боярских, О. А. Ворожцова, Ю. А. Гунько, О. Н. Долозова, А. А. Евтюгина,

А. Б. Зайцева, И. В. Захаренко, М. Ю. Илюшкина, М. И. Косарев, С. Л. Кушнерук, Е. А. Нахимова, Ю. Б. Пикулева, Г. Г. Сергеева, С. И. Сметанина, Р. Л. Смулаковская, О. В. Спиридовский, М. В. Терских и др.). Зарубежные исследователи предпочитают использовать для обозначения прецедентных имен другие термины, но это, разумеется, не означает отсутствие научного интереса. Внимание лингвистов к прецедентным феноменам в полной мере соответствует их роли в современной массовой коммуникации.

Рассмотрение проблем классификации прецедентных имен показало, что к числу наиболее существенных оснований для классификации относятся следующие:

- понятийные сферы-источники, к которым относятся прецедентные имена в своих основных значениях (литература, театр, политика, кино, спорт, музыка, наука, субкультура и др.);
- понятийные сферы-мишени, к которым принадлежат прецедентные феномены в своих вторичных значениях (реклама, спорт, политика, наука, СМИ и др.);
- национально-культурные источники прецедентности: отечественные и зарубежные;
- культурно-исторические источники прецедентности: современные и относящиеся к иным историческим эпохам;
- реальное существование источникового концепта или его принадлежность к миру литературы и искусства;
- разновидность источникового онима (антропоним, топоним, астроним и др.);
- базисные когнитивные структуры (стереотипы, оппозиции, элементы картины мира и др.), которые находят внешнее выражение в соответствующих прецедентных именах.

Определенный интерес могут представлять и отсутствующие пока классификации по возрастным, профессиональным и гендерным характеристикам прецедентных имен.

Среди наиболее активных субсфер-источников прецедентности в современной массовой коммуникации необходимо выделить такие, как «Литература», «Театр и кино (зрелищные искусства)», «Война», «Политика». К числу востребованных относятся также субсферы «Музыка», «Экономика» и «Спорт». В последние годы в отечественной массовой коммуникации наблюдается заметная активизация прецедентных имен зарубежного происхождения и прецедентных имен, относящихся к сфере массовой культуры.

Среди наиболее значимых «магнитов» экспансии прецедентности необходимо выделить субсферы «Политика», «Экономика», «Реклама», несколько реже прецедентные имена привлекаются субсферами «Спорт» и «Музыка». Значительно реже, чем в прошлые десятилетия, в массовой коммуникации используются прецедентные имена, восходящие в сферам «Наука» и особенно «Производство».

При обращении к закономерностям текстовой и дискурсивной реализации прецедентных имен необходимо учитывать следующие основания для классификации:

- коннотативное (с изменением предметной соотнесенности) и денотативное (без изменения предметной соотнесенности) использование прецедентных имен;
- использование прецедентных имен в структурно трансформированном или структурно не трансформированном виде (с изменением грамматических свойств или без их изменения);
- использование прецедентных имен в составе текстового поля или как в изолированном виде;
- способ указания на источник прецедентности (название произведения, его автор, историческая эпоха, национальная принадлежность, атрибут прецедентного имени и др.);
- использование лексических и грамматических показателей не вполне традиционного смысла имени и

графическое указание на прецедентность (кавычки, курсив и др.).

Обращение к изучению прецедентных имен в тексте и дискурсе позволило охарактеризовать следующие специфические функции прецедентных имен в массовой коммуникации: оценочная, моделирующая, прагматическая, эстетическая, парольная, людическая и эвфемистическая. Вместе с тем в массовой коммуникации активно проявляются и неспецифические функции прецедентных имен (когнитивная, номинативная и коммуникативная), которые характерны не только для рассматриваемой группы слов, но и для любого имени. Важно подчеркнуть, что все названные функции прецедентных имен реализуются в тексте и дискурсе в тесной взаимосвязи друг с другом.

Одной из важных (хотя и факультативных) функций прецедентных феноменов оказывается текстообразующая. В целом ряде текстов важную роль играют группы прецедентных феноменов, восходящих к одному и тому же тексту или к одной и той же смысловой сфере. Эти единицы нередко занимают в тексте сильные позиции и воспринимаются как доминантные.

Проведенное исследование позволило сделать вывод, что прецедентные имена способны выступать как средство объединения и организации текста. Использование прецедентных имен способствует привлечению внимания читателя (слушателя) к форме текста, снижению напряженности общения и делает его менее формальным.

Проведенное исследование показало, что в современных текстах массовой коммуникации активно используются специальные средства, направленные на акцентирование прецедентных феноменов в составе текста. К числу таких средств относятся повышенная частотность использования, наличие определенной системы прецедентных единиц, использование прецедентных феноменов в сильной позиции (заголовки, первая и последняя фразы текста и др.), разнообразие прецедентных фено-

менов по видам, сферам-источникам, по форме представления и иным параметрам, рассредоточенность прецедентных феноменов, то есть их присутствие в различных частях текста, взаимодействие с иными образными средствами (метафора, антитеза, аллюзия, гипербола и др.).

Исследование показало, что многие прецедентные имена, активно используемые в современных текстах массовой коммуникации, мало знакомы значительному числу наших соотечественников, а поэтому они не в состоянии достаточно полно понять смысл публикаций с нетривиальными проявлениями интертекстуальности. Поэтому при использовании прецедентных имен авторы публикаций должны ориентироваться на реальный уровень эрудиции наших соотечественников и активнее использовать ресурсы контекстуального раскрытия смысла прецедентных имен.

Проведенное исследование — это очередной, но далеко не последний этап в рассмотрении проблем прецедентности. Среди наиболее актуальных направлений дальнейшего исследования можно выделить следующие.

Во-первых, необходимо продолжить изучение видов прецедентных имен в их взаимодействии с иными прецедентными феноменами и иными единицами косвенной номинации.

Во-вторых, целесообразно дальнейшее изучение общей организации системы полей прецедентных имен с учетом сфер-источников и сфер-мишеней прецедентности, формируемых актуальных смыслов и других факторов, определяющих специфику национальной картины мира

В-третьих, важно изучение специфических признаков идиостилей ведущих российских политиков и специфики использования прецедентных феноменов в дискурсе различных политических направлений и партий, а также поддерживающих их средств массовой информации. Особенно перспективно исследование прецедентных имен в рамках президентского и предвыборного дискурсов.

В-четвертых, необходимо сопоставить специфику использования прецедентных имен в отечественной и зарубежной массовой коммуникации. Такое исследование позволит отчетливее разграничить общие и национально специфические черты прецедентности и полнее охарактеризовать воздействие национальной культуры на используемую в массовой коммуникации систему прецедентных имен.

В-пятых, следует стремиться к расширению методологии изучения прецедентности и шире использовать методики и эвристики психолингвистики, социоллингвистики и иных современных научных школ.

Дальнейшее развитие теории прецедентности и практики ее исследования приведет к постановке новых проблем, к обновлению и совершенствованию научного инструментария, который используется для исследования прецедентности.

Список литературы

- Абыякая, О. В.* Мифологемы как тип прецедентного имени / О. В. Абыякая // Русский язык как иностранный : Теория. Исследования. Практика. — СПб., 2003. — Вып. 6.
- Аврасин, В. Н.* Напряженность в рекламном тексте как способ речевого воздействия / В. Н. Аврасин // Речевое воздействие : психологические и психолингвистические проблемы. — М., 1986.
- Алексеев, М. А.* Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности / М. А. Алексеев // Массовая культура на рубеже XX—XXI веков : человек и его дискурс : сб. научных трудов. — М., 2003.
- Анисимова, Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. — М., 2003.
- Антипов, Г. А.* Текст как явление культуры / Г. А. Антипов, О. А. Донских, И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. — Новосибирск, 1989.
- Античные риторика.* — М., 1978.
- Антропонимика :* сб. статей. — М., 1970.
- Арнольд, И. В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. статей / И. В. Арнольд. — СПб., 1999.
- Арнольд, И. В.* Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика / И. В. Арнольд // Интертекстуальные связи в художественном тексте : межвузовский сб. науч. тр. / отв. ред. И. В. Арнольд. — СПб. : Образование, 1993.
- Арутюнова, Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — М., 1988.
- Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — М., 1999.
- Арутюнова, Н. Д.* Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. — 1981. — №4.

- Ахманова, О. С.* «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет // Вопросы языкознания. — 1977. — № 3.
- Бабенко, Л. Г.* Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильев, Ю. В. Казарин. — Екатеринбург, 2000.
- Базылев, В. Н.* Политик в интеллектуальном контексте эпохи / В. Н. Базылев // Политический дискурс в России-6 : материалы постоянно действующего семинара. — М., 2002.
- Базылев, В. Н.* Лингвистическая персонология : Ирина Хакамада (к определению статуса дисциплины) / В. Н. Базылев // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. — Екатеринбург, 2005. — Вып. 15.
- Балахонская, Л. В.* Прецедентные феномены как средство манипулирования в рекламном дискурсе / Л. В. Балахонская // Слово. Семантика. Текст. — СПб., 2002.
- Баранов, А. Н.* Русская политическая метафора : материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. — М., 1991.
- Барт, Р.* От произведения к тексту / Р. Барт // Избранные работы : семиотика : поэтика. — М., 1994.
- Барт, Р.* Риторика образа / Р. Барт // Избранные работы : семиотика, поэтика. — М., 1994.
- Бахтин, М. М.* К методологии гуманитарных наук / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979.
- Белозерова, Н. Н.* Модель функционирования интертекста / Н. Н. Белозерова // www.utmn.ru/frgf/No3/text10.htm.
- Белкина, О. Е.* «Загадочный Путин», или... / О. Е. Белкина // Политический дискурс в России-6 : материалы постоянно действующего семинара. — М., 2002.
- Бирюкова, Н. С.* Восприятие студентами прецедентных феноменов, используемых в современной политической коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Бирюкова. — Екатеринбург, 2005.

- Богин, Г. И.* Техники понимания — общелингвистическая и общелин­гологическая проблема / Г. И. Богин // Весник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. — 2000. — № 3 (5).
- Болотов, В. И.* Множественное число имени собственного и апелля­тива / В. И. Болотов // Имя нарицательное и соб­ственное. — М. : Наука, 1978.
- Бондалетов, В. Д.* Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. — М. : Про­свещение, 1983.
- Боярских, О. С.* Трансформация литературно-прецедентных феноменов в дискурсе российских печатных СМИ / О. С. Бо­ярских // Проблемы культуры речи в современном коммуникативном пространстве : материалы меж­вузовской научной конференции. — Нижний Та­гил, 2006.
- Будаев, Э. В.* Метафора в политическом интердискурсе / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2006.
- Бурвикова, Н. Д.* Жизнь в мимолетных мелочах / Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров. — СПб., 2006.
- Бурвикова Н. Д.* Воспроизводимые сочетания слов в коммуникативном пространстве носителя русского языка / Н. Д. Бур­викова, В. Г. Костомаров // Языковая личность : текст, словарь, образ мира : к 70-летию чл.-кор. РАН Ю. Н. Караулова. — М., 2006а.
- Валгина, Н. С.* Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. — М., 2003.
- Вепрева, И. Т.* «Мы их в сортире замочим», или Штрихи к риториче­скому портрету В. В. Путина / И. Т. Вепрева // По­литический дискурс в России : хрестоматия. — М., 2007.
- Ви, Л.* Нарушение языковой схемы? Экзонормативные метафоры в политическом дискурсе Сингапура / Л. Ви // По­литическая лингвистика. — 2006. — № 19.
- Ворожбитова, А. А.* Теория текста : антропоцентрическое направление : учеб. пособие / А. А. Ворожбитова. — М., 2005.
- Ворожцова, О. А.* Лингвистическое исследование прецедентных фено­менов в дискурсе российских и американских фе­

- деральных выборов (2003—2004 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Ворожцова. — Екатеринбург, 2007.
- Ворожцова, О. А.* Прецедентные имена в российской и американской печати / О. А. Ворожцова, А. Б. Зайцева // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2006. — Вып. 2.
- Гаврилова, М. В.* Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. В. Гаврилова. — СПб., 2005.
- Гаврилова, М. В.* Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина) / М. В. Гаврилова. — СПб., 2004.
- Гаврилова, М. В.* Перспективы и направления исследования президентского дискурса / М. В. Гаврилова // Политический дискурс в России : материалы X юбилейного всероссийского семинара. — М., 2007.
- Гаспаров, М. Л.* Литературный интертекст и языковой интертекст / М. Л. Гаспаров // Известия РАН. Сер. литературы и языка. — 2002. — № 4.
- Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — М., 2005.
- Гарагуля, С. И.* Английское личное имя как объект изучения языка, истории и культуры / С. И. Гарагуля. — Белгород, 2002.
- Грамматика русского языка.* — Т. 1 : Фонетика и морфология. — М., 1952.
- Григорьева, О. Н.* Политический театр современной России (взгляд филолога) / О. Н. Григорьева // Интернет-журнал «Полемика» — 2001. — № 9.
- Гридина, Т. А.* Имена собственные как база языковой игры / Т. А. Гридина // Русский язык в школе. — 1996. — № 3.
- Гришаева, Л. И.* Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) / Л. И. Гри-

шаева // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова ; Воронежск. гос. ун-т. — Воронеж, 2004.

Гудков, Д. Б. Прецедентная ситуация и способы ее актуализации / Д. Б. Гудков // Язык. Сознание. Коммуникация. — М., 2000. — Вып. 11.

Гудков, Д. Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского языка / Д. Б. Гудков // Язык. Сознание. Коммуникация. — М., 1998. — Вып. 4.

Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д. Б. Гудков. — М., 1999.

Гудков, Д. Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации / Д. Б. Гудков // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации : сб. статей. — М., 1997.

Гудков, Д. Б. Прецедентные имена в языковом сознании и дискурсе / Д. Б. Гудков // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 : доклады и сообщения российских ученых. — М., 1999а.

Гудков, Д. Б. Прецедентные имена и парадигма социального поведения / Д. Б. Гудков // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации : сб. статей. — М., 1996.

Гудков, Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Д. Б. Гудков. — М., 1999б.

Гудков, Д. Б. Структура и функционирование двусторонних имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) / Д. Б. Гудков // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. — 1994. — № 6.

Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. — М., 2003.

Гудков, Д. Б. Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация / Д. Б. Гудков, В. В. Красных // Науч. доклады филологического факультета МГУ. — М., 1998. — Вып. 2.

- Гудков, Д. Б. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. — 1997. — № 4.
- Гулько, Ю. А. Особенности функционирования прецедентных высказываний в разговорной речи носителей русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Гулько. — СПб., 2002.
- Гюббенет, И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста / И. В. Гюббенет. — М. : Изд-во МГУ, 1991.
- Гюббенет, И. В. Вертикальный контекст : особенности его структуры и восприятия // И. В. Гюббенет // Folia Anglistica / МГУ. — М., 1997. — № 2.
- Дементьева, И. Е. Интертекстуальность и устойчивые элементы текста / И. Е. Дементьева // [www.utmn.ru/frgf/ No9/text16.htm](http://www.utmn.ru/frgf/No9/text16.htm).
- Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянкова // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4.
- Дискурс // Энциклопедия «Кругосвет». 2001 // www.krugosvet.ru/articles/82/1008254/1008254a1.htm.
- Дмитриева, О. А. Механизм восприятия прецедентного текста / О. А. Дмитриева // Языковая личность : аспекты лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. — Волгоград, 1999.
- Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи) / Т. Г. Добросклонская. — М., 2005.
- Долевец, С. Н. Об иерархии прецедентных феноменов в сознании языковой личности / С. Н. Долевец // Известия УрГПУ. Лингвистика. — Екатеринбург, 2005. — № 16.
- Долозова, О. Н. О семантике прецедентного имени / О. Н. Долозова // www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=97225.

- Дридзе, Т. М.* Интерпретационные характеристики и классификация текстов / Т. М. Дризе // Смысловое восприятие речевого сообщения. — М., 1976.
- Евтюгина, А. А.* Прецедентные тексты в поэзии В. Высоцкого (к проблеме идиостиля) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Евтюгина. — Екатеринбург, 1995.
- Ейгер, Г. В.* Механизмы контроля языковой правильности высказывания / Г. В. Ейгер. — Харьков, 1990.
- Елистратов, В. С.* О «медиевизме» современной рекламы / В. С. Елистратов // Вестник МГУ. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2004. — № 1.
- Ермолович, Д. И.* Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. — М., 2001.
- Ермолович, Д. И.* Имена собственные : теория и практика межкультурной передачи / Д. И. Ермолович. — М., 2005.
- Жолковский, А. К.* Блуждающие сны : из истории русского модернизма / А. К. Жуковский. — М., 1992.
- Захаренко, И. В.* К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов / И. В. Захаренко // Язык. Сознание. Коммуникация : сб. статей. — М. : Филология, 1997. — Вып. 1.
- Захаренко, И. В.* Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте / И. В. Захаренко // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации : сб. статей. — М., 1997а.
- Захаренко, И. В.* Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык. Сознание. Коммуникация : сб. статей. — М., 1997. — Вып. 1.
- Земская, Е. А.* Цитация и способы ее трансформации в заголовках современных газет / Е. А. Земская // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокур. — М., 1996.
- Иванова, Е. Б.* Интертекстуальные связи в художественных фильмах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Б. Иванова. — Волгоград, 2001.

- Ильин, И. И.* Интертекстуальность / И. И. Ильин // Современное литературоведение (страны Западной Европы и США) : концепции, школы, термины : энциклопедический справочник. — М., 1999.
- Ильин, И. П.* Постмодернизм : словарь терминов / И. П. Ильин. — М., 2001.
- Илюшкина, М. Ю.* Прецедентные высказывания в печатной туристической рекламе / М. Ю. Илюшкина // Лингвистика. : бюллетень Уральского лингвистического общества. — Екатеринбург, 2004. — Т. 13.
- Имшинецкая, И.* Креатив в рекламе / И. Имшинецкая. — М., 2002.
- Интертекст* в художественном и публицистическом дискурсе / ред.-сост. С. Г. Шулержкова. — Магнитогорск, 2003.
- Интертекстуальность* // Энциклопедия «Кругосвет» // www.krugosvet.ru/articles/77/1007707/1007707a1.htm.
- Интертекстуальность* и массовая коммуникация // Энциклопедия «Кругосвет». 2001 // www.krugosvet.ru/articles/77/1007707/1007707a7.htm.
- Ирисханова, К. М.* Функционирование топонимов в художественной литературе (английский язык) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. М. Ирисханова. — М., 1978.
- Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Омск, 1999.
- Карасик, В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — М., 2004.
- Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М., 1987.
- Караулов, Ю. Н.* Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Ю. Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы : доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. — М., 1996.
- Каслова, А. А.* Метафорическое моделирование в политическом нарративе «Федеральные выборы» в США и России (2000 г.) : автореф. ... дис. канд. филол. наук / А. А. Каслова. — Екатеринбург, 2003.

- Клушина, Н. И.* Имя собственное на газетной полосе / Н. И. Клушина // Русская речь. — 2002. — № 1.
- Козицкая, Е. А.* Цитата, «чужое» слово, интертекст : материалы к библиографии. Тверь / Е. А. Козицкая // [http:// dll. botik. ru/az/lit/coll/litext5/23_koz_b.htm](http://dll.botik.ru/az/lit/coll/litext5/23_koz_b.htm).
- Колесина, В. В.* О некоторых особенностях игры слов в рекламном и публицистическом тексте (на материале французского языка) / В. В. Колесина // Вестник МГУ. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2002. — № 3.
- Кондаков, И. В.* Антропология русской словесности : литературоцентризм / И. В. Кондаков // Современные трансформации российской культуры / отв. ред. И. В. Кондаков. — М. : Наука, 2005.
- Косарев, М. И.* Прецедентные феномены с субсферой-источником «киноэкшен» в политической коммуникации Германии / М. И. Косарев // Политическая лингвистика. — 2007а. — № 2 (22).
- Косарев, М. И.* Прецедентные феномены со сферой-источником «кино» в печатных СМИ Германии / М. И. Косарев // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — Екатеринбург, 2007б. — Вып. 21.
- Костомаров, В. Г.* Русский язык в современном диалоге культур / В. Г. Костомаров // Русский язык за рубежом. — 1999. — № 4.
- Костомаров, В. Г.* Единицы лингвокультурного пространства / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Русский язык как иностранный : Теория. Исследования. Практика. — СПб., 2003. — Вып. 6.
- Костомаров, В. Г.* Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом. — 1994. — № 1.
- Костомаров, В. Г.* Прецедентный текст как редуцированный дискурс / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Язык как творчество. — М., 1996.

- Костомаров, В. Г.* Язык и «язык культуры» в межкультурном общении / В. Г. Костомаров, Ю. Е. Прохоров // Россия — Восток — Запад. — М., 1998.
- Красных, В. В.* «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? / В. В. Красных. — М., 2003.
- Красных, В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. — М., 2002.
- Красных, В. В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. Б. Багаева // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. — 1997. — № 3.
- Крикке, С.* Тожество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 13 : Логика и лингвистика (проблемы референции). — М., 1982.
- Кристева, Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. — 1995. — № 1.
- Крюкова, И. В.* Рекламное имя : от изобретения до прецедентности / И. В. Крюкова. — Волгоград, 2004.
- Кубрякова, Е. С.* Язык и знание : на пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — М., 2004.
- Кузнецова, Я. В.* Исследование прецедентных феноменов как способ анализа художественного текста / Я. В. Кузнецова // Принципы и методы исследования в филологии : конец XX века : научно-методический семинар «Textus». — Вып. 6. — Санкт-Петербург ; Ставрополь, 2001.
- Кузьмина, Н. А.* Интертекстуальный компонент в структуре языковой личности / Н. А. Кузьмина // Язык. Человек. Картина мира : материалы всерос. науч. конф. — Омск, 2000. — Ч. 1.
- Кузьмина, Н. А.* Интертекстуальный тезаурус языковой личности и методы его изучения / Н. А. Кузьмина // Интерпретатор и текст. Проблемы ограничений в интерпретационной деятельности. — Новосибирск, 2004.

- Кузьмина, Н. А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина. — Екатеринбург ; Омск, 1999.
- Кузьмина, Н. А.* Реклама пищевых продуктов : концептосфера и способы вербализации / Н. А. Кузьмина, М. В. Терских // Известия УрГПУ. Лингвистика. — Екатеринбург, 2005. — Вып. 15.
- Кушнерук, С. Л.* Денотативный и коннотативный аспекты функционирования прецедентных имен в российской и американской рекламе / С. Л. Кушнерук // Лингвистика : бюллетень Уральского лингвистического общества. — Екатеринбург, 2004. — Т. 13.
- Кушнерук, С. Л.* Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Л. Кушнерук. — Челябинск, 2006.
- Кушнерук, С. Л.* Имена, открывающие кошельки : мир кино в российской и американской рекламе / С. Л. Кушнерук // Политическая лингвистика. — 2007. — № 2 (22).
- Лопатин, В. В.* Прописная или строчная? : орфографический словарь русского языка / В. В. Лопатин, Л. К. Чельцова, И. В. Нечаева. — М., 1999.
- Маркова, О. А.* Лингвокультурологический анализ речей американских и российских президентов / О. А. Маркова, Т. В. Харламова // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. — Екатеринбург, 2005. — Вып. 16.
- Маслова, В. А.* Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / В. А. Маслова. — М., 2004.
- Маслова, В. А.* Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. — М., 2001.
- Механизмы интертекстуальности* // Энциклопедия «Кругосвет». 2001 // www.krugosvet.ru/articles/77/1007707/1007707a4.htm
- Милль, Дж.* Система логики символической и индуктивной / Дж. Милль. — М., 1914.
- Минаева, Л. В.* Роль речевой коммуникации в создании имиджа / Л. В. Минаева, А. Ю. Морозов // Вестник МГУ.

Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2000. — № 1.

Михайлова, Е. В. Интертекстуальность : аспекты изучения проблемы / Е. В. Михайлова // Языковая личность : аспекты лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. — Волгоград, 1999.

Михайлова, Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Михайлова. — Волгоград, 1999а.

Михалева, И. М. Типы прецедентных текстов и их цитирование / И. М. Михалева // Деятельностные аспекты языка : сб. науч. тр. — М., 1998.

Можейко, М. А. Интертекстуальность / М. А. Можейко // Постмодернизм : энциклопедия. — М., 2001.

Моисеев, А. А. Интертекст в русской рок-поэзии : аспекты исследования / А. А. Моисеев // Известия УрГПУ. Лингвистика. — Екатеринбург, 2005. — Вып. 16.

Мокиенко, В. М. Интертекстемы и текст в славянских языках // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе / В. М. Мокиенко. — Магнитогорск, 2003.

Москвин, В. П. Цитирование, аппликация, парафраз : к разграничению понятий / В. П. Москвин // Филологические науки. — 2002. — № 1.

Мусолфф, А. Политическая «терапия» посредством геноцида : антисемитские концептуальные образы в книге Гитлера «Майн кампф» // Политическая лингвистика, 2006, № 19.

Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в политической коммуникации / Е. А. Нахимова // Вестник Уральского государственного технического университета — УПИ. Серия «Филология». — Екатеринбург, 2005. — № 60 (8).

Нахимова, Е. А. Нам нужны новые *Штирлицы*, *итирлицы* или «*итирлицы*»? (Правописание прецедентных феноменов) / Е. А. Нахимова // Русская речь. — 2006. — № 4.

Нахимова, Е. А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах / Е. А. Нахимова // Лингвис-

тика : бюллетень Уральского лингвистического общества. — Екатеринбург, 2004. — Т. 13.

Нахимова, Е. А. Прецедентные имена как ментальное поле в политической коммуникации / Е. А. Нахимова // Лингвистика : бюллетень Уральского лингвистического общества. — Екатеринбург, 2004а. — Т. 14.

Нахимова, Е. А. Прецедентные феномены с ментальным полем-источником «Театр» в современном политическом дискурсе / Е. А. Нахимова // Известия УрГПУ. Лингвистика. — Екатеринбург, 2005. — Вып. 15.

Нахимова, Е. А. Интертекстемы, прецедентные имена, текстовые реминисценции и метафоры / Е. А. Нахимова // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. — Екатеринбург, 2006. — Вып. 19.

Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в президентском дискурсе / Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. — 2007. — № 2 (22).

Национальный корпус русского языка // ruscorpora.ru.

Немирова, Н. В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса / Н. В. Немирова // Лингвистика : бюллетень Уральского лингвистического общества. — Екатеринбург, 2003. — Т. 11.

Немирова, Н. В. Прецедентные феномены как средство формирования когнитивных моделей этнических ситуаций в публицистическом дискурсе / Н. В. Немирова // Политическая лингвистика. — 2006. — № 18.

Огилви, Д. Откровения рекламного агента / Д. Огилви. — М., 1994.

Норманн, Б. Ю. Соотношение научного, наивного и языкового знания как проблема современной лингвистики / Б. Ю. Норманн // Русский язык в школе. — 2007. — № 5.

Олизько, Н. С. Интертекстуальность как системообразующая категория постмодернистского дискурса : на материале произведений Дж. Барта : дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Олизько. — Челябинск, 2002.

- Пикулева, Ю. Б.* Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе : лингвокультурологический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Б. Пикулева. — Екатеринбург, 2003.
- Постнова, Т. Е.* Прецедентные тексты в печатной рекламе / Т. Е. Постнова // Вестник МГУ. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2001. — № 2.
- Потебня, А. А.* Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня — М., 1958. — Т. 1—2.
- Прохоров, Ю. Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. — М., 2003.
- Прохоров, Ю. Е.* Действительность. Текст. Дискурс : учебное пособие / Ю. Е. Прохоров. — М., 2004.
- Разумова, Л. В.* Стилистические аспекты вторичной номинации имен собственных в структуре художественного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Разумова. — Челябинск, 2002.
- Речевое* воздействие в сфере массовой коммуникации. — М., 1990.
- Розенталь, Д. Э.* Прописная или строчная? : (опыт словаря-справочника) / Д. Э. Розенталь. — М., 1986.
- Родионова, Е. В.* Интертекстуальность // Культурология. XX век : энциклопедия : в 2 т. — СПб., 1998. — Т. 1.
- Ростова, Е. Г.* Использование прецедентных текстов в преподавании РКИ : цели и перспективы / Е. Г. Ростова // Русский язык за рубежом. — 1993. — № 1.
- Руженцева, Н. Б.* Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе / Н. Б. Руженцева. — Екатеринбург, 2004.
- Рязанова, М. С.* Прецедентные имена в рекламе / М. С. Рязанова // Известия Уральского государственного университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2007. — Вып. 1.
- Ряпосова, А. Б.* Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999—

- 2000 гг.)» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Б. Ряпосова. — Екатеринбург, 2002.
- Саксонова, Ю. Ю.* Прецедентный интекст : проблема межъязыковой эквивалентности в художественном переводе (на материале английского, немецкого и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Ю. Саксонова. — Екатеринбург, 2001.
- Светоносова, Т. А.* Языковая репрезентация «свободы» как политической ценности в посланиях В. В. Путина Федеральному собранию / Т. А. Светоносова // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. — Екатеринбург, 2005. — Вып. 16.
- Семенец, О. П.* Прецедентный текст в газетном заголовке и современная текстовая картина мира / О. П. Семенец // Говорящий и слушающий : языковая личность, текст, проблемы обучения : материалы междунар. науч. конф. — СПб., 2001.
- Семенец, О. П.* Прецедентный текст в языке газеты : динамика дискурса 50—90-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. П. Семенец. — СПб., 2004.
- Сергеева, Г. Г.* Аспекты функционирования прецедентных имен в молодежной среде / Г. Г. Сергеева // Филологические науки. — 2003. — № 2.
- Сидоренко, К. П.* Интертекстовые связи пушкинского слова / К. П. Сидоренко. — СПб., 1999.
- Сковородников, А. П.* Рефлексы постмодернистской стилистики в языке российских газет / А. П. Сковородников // Русская речь. — 2004. — № 6.
- Слышкин, Г. Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г. Г. Слышкин. — Волгоград, 2004.
- Слышкин, Г. Г.* От текста к символу : лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. — М., 2000.
- Слышкин, Г. Г.* Парольный потенциал прецедентных текстов / Г. Г. Слышкин // Языковая личность : аспекты лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. — Волгоград, 1999.

- Слышкин, Г. Г.* Прецедентный текст : структура концепта и способы апелляции к нему / Г. Г. Слышкин // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. — Саратов, 2000а.
- Сметанина, С. И.* Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С. И. Сметанина. — СПб., 2002.
- Смирнов, И. П.* Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака / И. П. Смирнов. — СПб., 1995.
- Смулаковская, Р. Л.* Своеобразие использования прецедентных феноменов в газетном дискурсе / Р. Л. Смулаковская // Лингвистика : бюллетень Уральского лингвистического общества. — Екатеринбург, 2004. — Т. 12.
- Смулаковская, Р. Л.* Интекст и прецедентный текст в их соотношении / Р. Л. Смулаковская, Я. В. Кузнецова // Русистика : лингвистическая парадигма конца XX века : материалы науч. конф., посвященной 80-летию филологического факультета РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 1999.
- Смулаковская, Р. Л.* Прецедентные феномены и успешность коммуникации (к вопросу о степени прецедентности) / Р. Л. Смулаковская, Я. В. Кузнецова // Говорящий и слушающий : языковая личность, текст, проблемы обучения : материалы международной науч.-метод. конф. — СПб., 2001.
- Снигирев, А. В.* Канон. Литературность. Интертекст / А. В. Снигирев // Лингвистика : бюллетень Уральского лингвистического общества. — Екатеринбург, 2002. — Вып. 9.
- Соловьева, М. А.* Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста (на материале романов А. Мердок и их русских переводов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. А. Соловьева. — Екатеринбург, 2004.
- Солодуб, Ю. П.* Интертекстуальность как лингвистическая проблема / Ю. П. Солодуб // Филологические науки. — 2002. — № 2.

- Солопова, О. А.* Использование прецедентных феноменов в политическом дискурсе выборов депутатов Государственной думы / О. А. Солопова // *Этногерменевтика и антропология*. — Кемерово, 2004. — Вып. 10.
- Солтановская, Т. В.* Уровни коннотированности лексики и феномен прецедентности слова / Т. В. Солтановская // *Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации*. — М., 1997.
- Сорокин, Ю. А.* Что такое прецедентный текст? / Ю. А. Сорокин // *Семантика целого текста : тезисы выступления на совещании*. — М., 1987.
- Сорокин, Ю. А.* Понятие «чужой» в языковом и культурном контексте / Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина // *Язык : этнокультурный и прагматические аспекты : сб. науч. тр.* — Днепрпетровск, 1988.
- Сорокин, Ю. А.* Прецедентность и смысловая структура художественного текста / Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева // *Структурно-семантический и стилистический анализ художественного текста : сб. науч. тр.* — Харьков, 1989.
- Сорокин, Ю. А.* Прецедентные тексты : типология и функции / Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева // *Известия Академии наук Туркменской ССР. Сер. общественных наук*. — 1989а. — № 1.
- Сорокин, Ю. А.* Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания / Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева // *Язык и сознание : парадоксальная рациональность*. — М., 1993.
- Спиридовский, О. В.* Интертекстуальность президентского дискурса в США, Германии и Австрии / О. В. Спиридоновский // *Политическая лингвистика*. — 2006. — № 20.
- Степанов, Ю. С.* Константы : словарь русской культуры : опыт исследования / Ю. С. Степанов. — М., 1997.
- Суперанская, А. В.* Апеллятив — онома / А. В. Суперанская // *Имя нарицательное и имя собственное*. — М., 1978.
- Суперанская, А. В.* Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — М., 1973.

- Степанов, Ю. С.* «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» (к основаниям сравнительной концептологии) / Ю. С. Степанов // Известия АН. Сер. литературы и языка. — 2001. — Т. 60, №1.
- Супрун, А. Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. — 1995. — № 6.
- Сурина, А. В.* Метафоры со сферой-источником «насилие» в мемуарах Б. Н. Ельцина / А. В. Сурина // Лингвистика : бюллетень Уральского лингвистического общества. — Екатеринбург, 2004. — Т. 14.
- Телия, В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М., 1996.
- Теория и методика ономастических исследований.* — М., 1986.
- Тер-Минасова, С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — М., 2004.
- Терских, М. В.* Реклама как интертекстуальный феномен : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Терских. — Омск, 2003.
- Типы интертекстуальных отношений* // Энциклопедия «Кругосвет» // www.krugosvet.ru/articles/77/1007707/1007707a5.htm.
- Тихонов, А. Н.* Орфографический словарь русского языка : около 70 000 слов / А. Н. Тихонов. — М., 1999.
- Трепакова, А. В.* Исторические предпосылки формирования американских ценностей / А. В. Трепакова // Вестник МГУ. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2004. — № 3.
- Фатеева, Н. А.* Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе / Н. А. Фатеева // Известия АН. Сер. литературы и языка. — 1997. — Т. 56, № 5.
- Фатеева, Н. А.* Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи / Н. А. Фатеева // Известия АН. Сер. литературы и языка. — 1998. — Т. 57, № 5.
- Фатеева, Н. А.* Феномен прецедентности и прецедентные феномены / Н. А. Фатеева // Язык, сознание, коммуникация. — М., 1998. — Вып. 4.

- Фатеева, Н. А.* Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. — М., 2000.
- Филинский, А. А.* Стратегия манипуляции в политическом дискурсе // Языковые подсистемы : стабильность и динамика / А. А. Филинский. — Тверь, 2002.
- Функции* интертекста // Энциклопедия «Кругосвет» // www.krugosvet.ru/articles/77/1007707/1007707a1.htm.
- Хазагеров, Т. Г.* Общая риторика / Т. Г. Хазагеров, Л. С. Ширина. — Ростов-на-Дону, 1999.
- Химунина, Н. А.* Страноведческая информация в англоязычной печатной рекламе с аллюзиями и игрой слов / Н. А. Химунина // Вестник СПбГУ. Сер. 2. — 2002. — Вып. 2 (№ 10).
- Черняева, А. С.* Интертекстуальность и аллюзия : проблема соотношения // <http://res.krasu.ru/paradigma/1/12.htm>.
- Чудинов, А. П.* Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : монография / А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2001.
- Чудинов, А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2003.
- Шатин, Ю. В.* Построение рекламных текстов / Ю. В. Шатин. — М., 2002.
- Шестак, Л. А.* Славянские картины мира : рефлексy исторических судеб и художественная интерпретация концептосфер / Л. А. Шестак // Языковая личность : культурные концепты. — Волгоград ; Архангельск, 1996.
- Шехтман, Н. Г.* Зрелищные искусства и жанры представлений как источник метафорической экспансии в политическом дискурсе России и США / Н. Г. Шехтман // Лингвистика : бюллетень Уральского лингвистического общества. — Екатеринбург, 2004. — Вып. 14.
- Шидо, К. В.* Репрезентация женского и мужского образа в рекламном слогане / К. В. Шидо // Социальная власть языка : сб. науч. тр. — Воронеж, 2001.

- Юрин, А. В.* Интертекстуальность трагедии В. Шекспира «Гамлет» / А. В. Юрин // www.utmn.ru/frgf/No7/text16.htm.
- Якобсон, Р. О.* Избранные труды / Р. О. Якобсон. — М., 1985.
- Ямпольский, М. Б.* Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф / М. Б. Ямпольский. — М., 1993.
- Agger, G.* Intertextuality Revisited : Dialogues and Negotiations in Media Studies / G. Agger // *Canadian Aesthetics Journal*. — Vol. 4. — Summer 1999 // http://www.uqtr.quebec.ca/AE/vol_4/gunhild.htm.
- Allen, G.* Intertextuality / G. Allen. — New York : Routledge, 2000.
- Bignel, J.* Media Semiotics. An Introduction / J. Bignel. — Manchester, 1997.
- Bloome, D.* Toward (re) defining miscue analysis : Reading as a social and cultural process / D. Bloome, K. Dail, A. Rochelle // *Language Arts*. — 1997. — Vol. 74. — Issue 8.
- Callahan, M.* Intertextual Composition : The Power of the Digital Pen / M. Callahan // *English Education*. — 2002. — Vol. 35. — Issue 1.
- Chandler, D.* Intertextuality / D. Chandler // *Semiotics for beginners* // <http://www.aber.ac.uk/media/Documents/S4B/sem09.html>.
- Fairclough, N.* Language and Power / N. Fairclough. — Longman, 1989.
- Fiske, J.* Understanding Popular Culture / J. Fiske. — Boston, 1989.
- Gardiner, J.* «What is an Author?» Contemporary Publishing Discourse and the Author Figure / J. Gardiner // *Publishing Research Quarterly*. — 2000. — Vol. 16. — Issue 3.
- Goddard, A.* The Language of Advertising / A. Goddard. — London & New York : Routledge, 1998.
- Goldman, R.* Advertising in the Age of Hypersignification / R. Goldman, S. Papson // *Theory, Culture & Society*. — 1994. — Vol. 11. — Issue 3.
- Goodnight, G. T.* «Iraq is George Bush's Vietnam». Metaphors in Controversy : On Public Debate and Deliberative Analogy / G. T. Goodnight // www.usc.edu/dept/LAS/iids/docs/Iraq_and_Vietnam.doc — 2004.

- Hitchon, J. C.* Allegorically Speaking : Intertextuality of the Postmodern Culture and its Impact on Print and Television Advertising / J. C. Hitchon, J. O. Jura // Communication Studies. — 1997. — Vol. 48. — Issue 2.
- Hellsten, I.* Door to Europe or Outpost Towards Russia? Political metaphors in Finnish EU journalism / I. Hellsten // Journalism at the Crossroads : Perspectives on Research / ed. J. Koivisto, E. Lauk. — Tartu, 1997.
- Kennedy, V.* Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo / V. Kennedy // Metaphor and Symbol. — 2000. — Vol. 15, № 4.
- Lakoff, G.* Metaphor and war : The metaphor system used to justify War in the Gulf / G. Lakoff // D. Yallet (ed.). Engulfed in War : Just War and the Persian Gulf. — Honolulu, 1991.
- Landwehr, M.* Introduction : Literature and the visual arts ; questions of influence and intertextuality / M. Landwehr // College Literature. — 2002. — Vol. 29. — Issue 3.
- Langan, C. R.* Intertextuality in Advertisements for Silk Cut Cigarettes / C. R. Langan // <http://www.aber.ac.uk/media/Students/crl9502.html>.
- Liptak, R.* Coming to Terms with Intertextuality : Methodology Behind Biblical Criticism Past and Present : A Mini-dissertation / R. Liptak. — Hatfield : University of Pretoria, 2003.
- Lund, J. V.* Newspaper Advertising / J. V. Lund. — New York : Prentice-Hall, 1947.
- Marshall, J.* The Language of Television / J. Marshall, A. Werndy. — London & New York : Routledge, 2002.
- O'Donohoe, S.* Raiding the Postmodern Pantry. Advertising intertextuality and the Young Adult Audience / S. O'Donohoe // European Journal of Marketing. — 1997. — Vol. 31. — 3/4.
- Ott, B.* Intertextuality : Interpretive Practice and Textual Strategy / B. Ott, C. Walter // Critical Studies in Media Communication. — 2000. — Vol. 17. — Issue 4.
- Paris, R.* Kosovo and the Metaphor War / R. Paris // Political Science Quarterly. — 2002. — Vol. 117, № 3.

- Paxton, M.* Intertextual Analysis : A Research Tool for Uncovering the Writer's Emerging Meanings / M. Paxton // http://www.ched.uct.ac.za/seminars/pdf/intertextuality_paper.pdf.
- Pfister, M.* How Postmodern Is Intertextuality? / M. Pfister // Intertextuality. Plett, Heinrich F. (ed.). — Berlin : Walter de Gruyter, 1991.
- Proctor, S.* Papasolomou-Doukakis, Ioanna ; Proctor, Tony. What are Television Advertisements Really Trying to Tell Us? A Postmodern Perspective / S. Proctor // Journal of Consumer Behaviour. — 2002. — Vol. 1. — Issue 3.
- Valk, I. van der.* Political Discourse on Ethnic Issues, a Comparison of the Right and the Extreme-Right in the Netherlands and France (1990—1997) / I. van der Valk. Paper for the ECPR-conference, Grenoble, 6—11 April, 2001.
- Vestergaard, T.* The Language of Advertising / T. Vestergaard, K. Schroder. — Oxford & Cambridge : Blackwell, 1993.
- Williamson, J.* Decoding Advertisements. Ideology and Meaning in Advertising / J. Williamson. — London, 1978.
- Withalm, G.* Commercial Intertextuality / G. Withalm // Logica, dialogica, ideologica. I segni tra funzionalita ed eccedenza / Ed. by P. Calefato — Milano : Mimesis, 2003.
- Zinken, J.* Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition. Dissertation zur Erlangung der Wurde eines Doktors im Fach Linguistik / J. Zinken. — Bielefeld : Universität Bielefeld, 2002.
- Zinken, J.* Ideological Imagination : Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse / J. Zinken // Discourse and Society. — 2003. — Vol. 14. — № 4.

Список лексикографических источников

- Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М., 2004.
- Кубрякова, Е. С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — М., 1996.

- Культурология. XX век* : энциклопедия : в 2 т. — СПб., 1998.
- Лингвистический энциклопедический словарь*. — М., 1990.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий*. — М., 2001.
- Национальный корпус русского языка* // ruscorpora.ru
- Новейший энциклопедический словарь* : 20 000 статей. — М., 2006.
- Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М., 2001.
- Постмодернизм* : энциклопедия. — М., 2001.
- Руднев, В. П.* Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. — М., 1999.
- Русский язык* : энциклопедия. — М., 2003.
- Русское культурное пространство* : лингвокультурологический словарь. — М., 2004. — Вып. 1.
- Советский энциклопедический словарь*. — М., 1979.
- Современный словарь иностранных слов*. — М., 1992.
- Электронная энциклопедия «Кругосвет»* // <http://www.krugosvet.ru>.
- Энциклопедия читателя* : литературные, библейские, классические и исторические аллюзии, реминисценции, темы и сюжеты, мифологические и сказочные герои, литературные маски, персонажи и прототипы, реальные и вымышленные топонимы, краткие биографии и рекомендуемые библиографии. — Т. 1 : А–Д. — Екатеринбург, 1999.
- Encyclopaedia Britannica* 2001. Deluxe Edition CD-ROM.
- Wikipedia* // <http://en.wikipedia.org/>

Научное издание

Нахимова Елена Анатольевна

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ

ИМЕНА

В МАССОВОЙ

КОММУНИКАЦИИ

Монография

Редакторы Т. В. Васильева, Н. А. Майер

Оригинал-макет Л. Н. Лексиной

Подписано в печать 07.09.07. Формат 60х84 1/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. 12,9. Уч. -изд. л. 8,8. Тираж 500 экз. Заказ 2309.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, просп. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru